

Э. Банффи

Начало оседлого образа жизни в западной части Карпатского бассейна и роль первых земледельцев Задунавья в европейском неолите

Keywords: Central Europe, Carpathian Basin, Neolithic Transition, Early Neolithic, spread of farming.

Cuvinte cheie: Europa Centrală, Bazinul Carpatic, tranziția la neolitic, neolitic timpuriu, răspândirea agriculturii.

Ключевые слова: Центральная Европа, Карпатский бассейн, переход к неолиту, ранний неолит, распространение земледелия.

E. Bánffy

The Beginnings of Sedentary Life in the Western Carpathian Basin — the Role of First Transdanubian Farmers in the European Neolithic

The Carpathian Basin has been considered to be the venue of the last transformation to sedentary lifestyle from the Balkans towards Central Europe. Nevertheless, this region shows up remarkable differences, both in terms of the scenarios and the history of the first Neolithic communities as well as of their descendents. Whilst the Körös and Alföld LBK groups in eastern Hungary proved to remain stable in a gradually stratifying society, the Transdanubian Starčevo and LBK groups soon distributed in vast regions of Europe, between the Paris Basin and Little Poland. This study is meant to shed light on the possible reasons, and intends to summarise the results of an intensive research work into the Neolithic transition that has been done in the last 15 years.

E. Bánffy

Începuturile vieții sedentare în vestul Bazinului Carpatic — rolul primilor agricultori din Transdanubia în neoliticul european

Tradițional, Bazinul Carpatic era considerat arena ultimelor transformări spre un mod sedentar de viață, în răspândirea acestuia din Balcani în Europa Centrală. Cu toate acestea, regiunea respectivă se remarcă prin existența unor diferențe notorii, atât în scenariul schimbărilor parvenite, cât și în istoria primelor comunități neolitice și a urmașilor acestora. În timp ce grupurile Körös și cele liniare Alföld din Ungaria de Est evoluau stabil în direcția formării unei societăți stratificate, comunitățile ceramicii liniare și Starčevo din Transdanubia s-au răspândit destul de rapid peste teritorii largi din Europa, de la Bazinul Parisului în Polonia Mică. Prezentul studiu enumeră posibilele cauze ale acestor procese, dar și oferă o trecere în revistă a intenselor cercetări ale fenomenului de tranziție la neolitic, realizate în ultimii 15 ani.

Э. Банффи

Начало оседлого образа жизни в западной части Карпатского бассейна и роль первых земледельцев Задунавья в европейском неолите

Карпатский бассейн традиционно считался местом, где произошли последние изменения на пути перехода к оседлому образу жизни, который распространялся с территории Балкан в Центральную Европу. Вместе с тем, этот регион показывает значительные различия, как с точки зрения характера изменений, так и истории развития первых неолитических общин и их потомков. В то время как группы Кёреш и Альфельдской КЛЛК на востоке Венгрии эволюционировали стабильным путем к обществу с постепенно развивающейся стратификацией, задунайские группы Старчево и КЛЛК достаточно быстро распространились по обширному пространству Европы от Парижского бассейна до Малой Польши. В данной работе представлены возможные причины, стоящие за этими процессами, а также дается обзор интенсивных исследований по проблеме неолитизации, проведенных за последние 15 лет.

1. Введение. Мозаичный характер перехода к неолиту в Карпатском бассейне и агро-экологический барьер

Данное исследование является обзором интенсивных разработок проблемы перехода к неолиту, проведенных за последние

15 лет. Целью работы является показать различия между восточно-венгерской равниной (Альфельдом) и Задунавьем (Дунантулем) в контексте их различной роли в неолитизации Европы.

Прежде всего, автор этих строк стремится доказать, что процесс неолитизации проходил достаточно неровно и неравномерно в от-

дельных регионах, даже в таких небольших, как современная Венгрия. Точка зрения середины XX столетия, рассматривавшая неолитизацию в качестве простого, быстрого процесса, другими словами — «неолитической революции», во многом являлась отражением «социалистической» истории исследования. Теория быстрого перехода к оседлому образу жизни и производства пищи как не только революционного, но и эволюционного шага, достаточно хорошо перекликалась с основными положениями социалистической пропаганды относительно победоносного завоевания природы человеком, а также с идеями об общем ходе прогресса от первобытности к технологическим новшествам. Однако в свете исследований последних десятилетий эта картина выглядит далеко не столь просто. Наоборот, она стала более содержательной, а по своей мозаичной, сложносоставной сути — аналогичной другим процессам культурных изменений в преистории, да и в истории в целом.

В данной работе несколько более подробно будут представлены три новых памятника, один из которых относится к культуре Кёрёш, другой — Старчево, а третий представляет собой новую, переходную фазу к формированию центрально-европейской культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК). Кроме того, мы попытаемся доказать, что неолит Центральной Европы практически целиком происходит от западных, т.е. задунайских, культурных и генетических составляющих. Поэтому настоящая работа сфокусирована в основном на территории возможного региона последней трансформации: Балатонских болотах и холмах Центрального Задунавья.

Экологическое подразделение Карпатского бассейна

Группы, поселившиеся в южной части Карпатского бассейна между 6000 и 5500 до н.э. и принешие оседлость и производящее хозяйство в данный регион, имели общее балканское происхождение, но резко отличались друг от друга по характеру заселения территории. Двумя основными действующими лицами являлись культура Кёрёш в Альфельде и в пойме Дуная (между Дунаем и Тисой) и культура Старчево на правом берегу Дуная и в Задунавье (Дунантуле) до Балатонской возвышенности (рис. 1). Географические и экологические условия на территории между Балатоном,

поймой Дуная и Северной низменностью в Восточной Венгрии стали препятствием на пути расселения первых земледельцев. Эта зона, проходящая с западо-юго-запада на северо-северо-восток, выступила в роли своеобразной заставы на пути диффузии земледельческих общин, замедляя их расселение и задержав дальнейшее продвижение этих групп на несколько поколений.

Новые данные из исследований 1990-х годов, датированные с помощью методов палеоэкологии и геоархеологии, в сочетании с радиоуглеродными датировками, убедительно показали, что для Карпатского бассейна в конце четвертичного периода была характерна мозаичная структура с точки зрения климатических условий, растительности и характера почв (Sümeги 2004). С учетом того, что данная мозаичная структура существовала уже к концу мезолита и началу неолитического периода, становится достаточно очевидным, что эти условия окружающей среды оказали значительное воздействие на распределение и характер освоения Карпатского бассейна ранне-неолитическими культурами. Климатический и биогеографический рубеж, получивший название «Центральноевропейско-балканский агроэкологический барьер» (ЦЕБАЭБ) (Sümeги, Kertész 2001), обозначил самую северную границу распространения влияния балканской среды в Карпатском бассейне (рис. 2).

Песчанистая почва являлась лишь одним из факторов, приведших к возникновению данного барьера. Ограниченность знаний человеческих общин в области земледелия также сыграла свою роль в образовании агроэкологической границы, маркирующей распространение производящего хозяйства. Эта граница просуществовала столетия, пока ранние земледельцы не научились ее преодолевать, т.е. успешно адаптироваться к регионам с менее благоприятными условиями для ведения хозяйства.

Модель ЦЕБАЭБ оказала огромное влияние на особенности распространения земледельческих культур в Карпатском бассейне и, в более широком смысле, на последующие социальные и культурные траектории развития в Центральной Европе. Барьер повлиял на последующее развитие оседлых, производящих культур и предстал в качестве скорее зоны взаимодействия и стимулирования контактов, чем разделения между пришлыми земледельцами и местными собирателями (Banffy, Sümeги 2012).

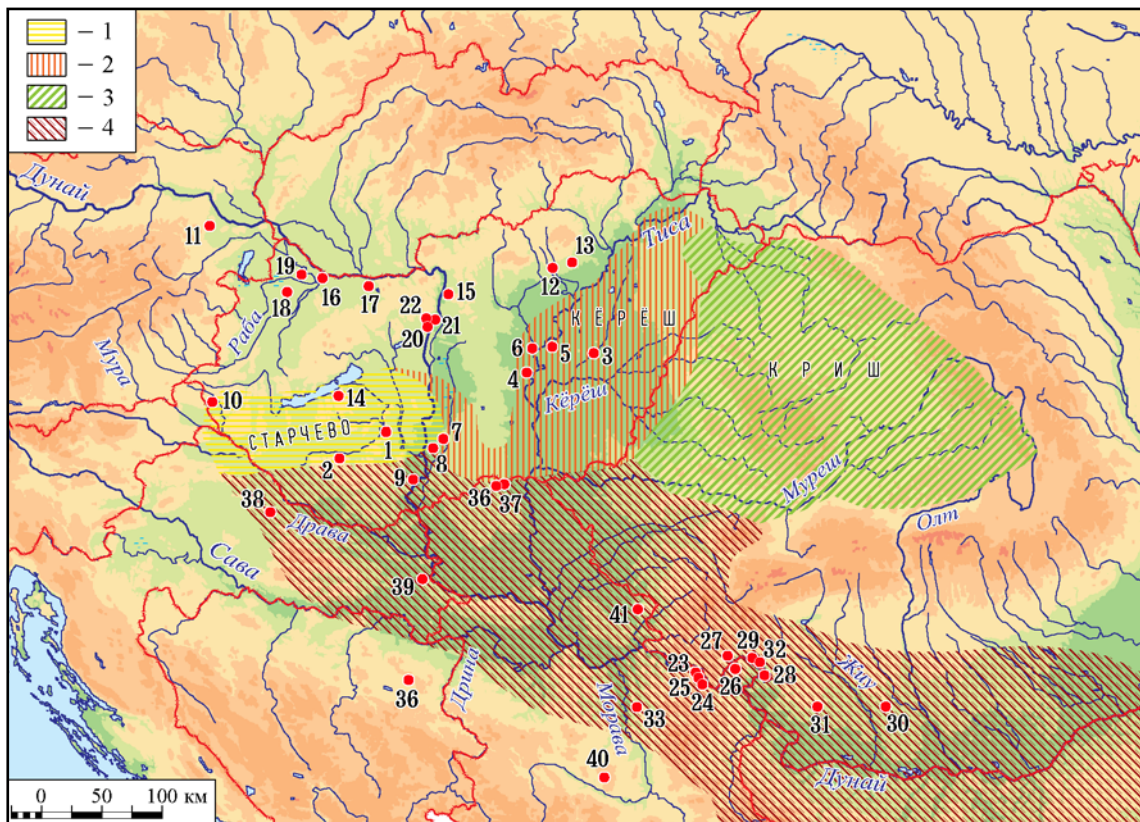

Рис. 1. Карпатский бассейн в раннем неолите (первая половина VI тысячелетия до н.э.). 1 — культура Старчево; 2 — культура Кёрёш; 3 — культура Криш; 4 — область с производящим хозяйством.

Fig. 1. The Carpathian Basin in the Early Neolithic (first half of 6th Mill. BC). 1 — Starčevo culture; 2 — Körös culture; 3 — Crîș culture; 4 — region with production economies.

Мозаичная природа распространения культур

На протяжении десятилетий было известно, что южная часть современной Венгрии была заселена двумя северными разновидностями балканского ранненеолитического комплекса: культурой Старчево в Задунавье и культурой Кёрёш в Потисье. В то же время имеются определенные указания на то, что культура Кёрёш, а не Старчево, была распространена в южной части песчанистого региона между Дунаем и Тисой. Также было известно, что к северу от указанной границы появилась культура ранней линейно-ленточной керамики (далее — КЛЛК), а многочисленные сходные элементы в керамике и другом инвентаре позволили предположить, что данная культура (по крайней мере, частично) образовалась под влиянием культур Кёрёш и Старчево.

Проблемы абсолютной хронологии

В современной Венгрии абсолютных дат для мезолита очень мало. Так, отсутствие датировок является большим недостатком раскопок в Ясшаге. В Задунавье полевые работы

в Регёй продолжают и по сей день, а образцы для датирования должны браться из четких закрытых археологических контекстов, что объясняет задержку с определением возраста. Существует лишь один продатированный образец, взятый из гарпуна, обнаруженного на территории бывшего болота в Шаррет, в восточном Задунавье (Eichmann, Kertész, Marton 2010: fig. 1); его отнесли к раннему мезолиту, но точная датировка остается неопубликованной. С точки зрения проблемы перехода к неолиту, позднемезолитические даты были бы очень полезны, но, к сожалению, на данный момент таких датировок не существует.

В первой фазе раннего неолита производящее хозяйство распространилось вместе с носителями культуры Старчево с территории Греции на север через центральные Балканы, появившись в юго-западной Венгрии около 6000 cal. BC, а в восточной Венгрии — около 5800 cal. BC (Whittle et al. 2002: 93; Oross, Siklósi 2012; Bánffy 2004: 308; Bánffy et al. 2010).

В Задунавье ряд относительно-хронологических и археологических данных, похоже, поддерживает идею синхронного обитания

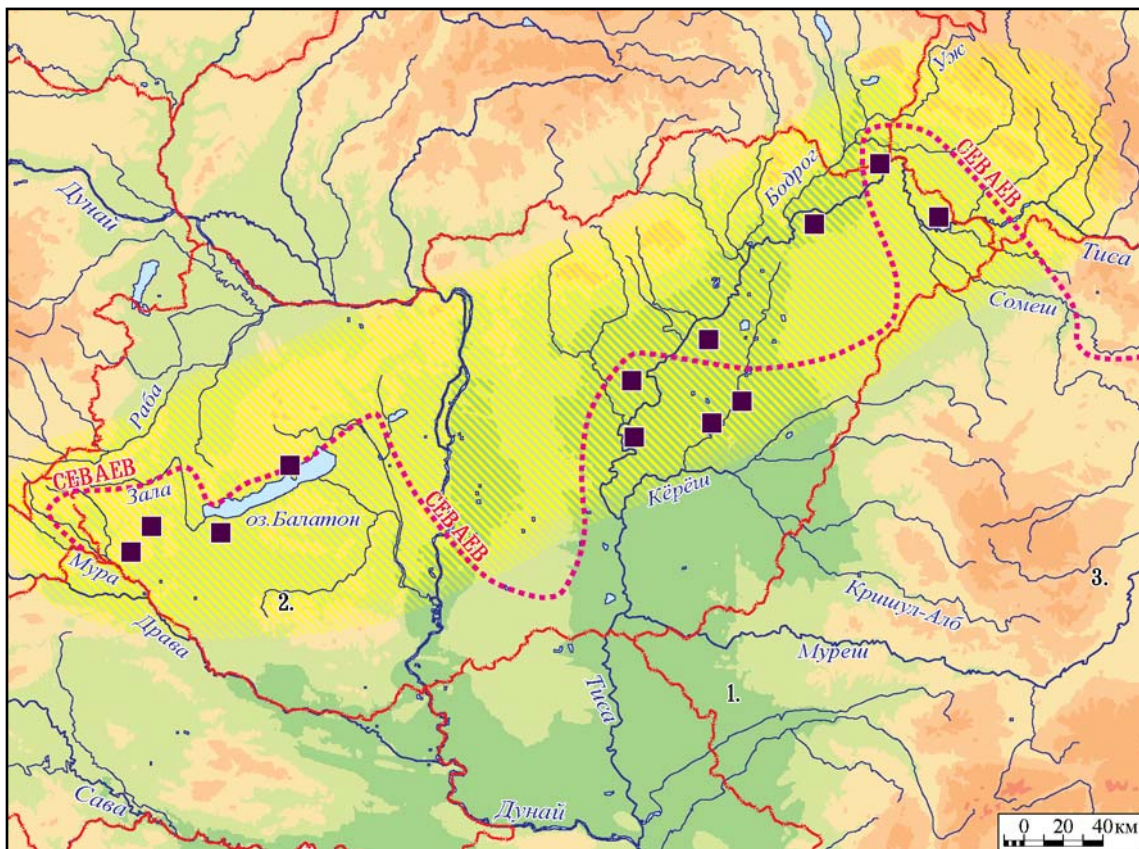

Рис. 2. Центральноевропейско-Балканский агро-экологический барьер (ЦЕБАЭБ) в Карпатском бассейне, с указанием раннеолитических культур и памятников. 1 — ареал культуры Кёрёш; 2 — ареал культуры Старчево; 3 — ареал культуры Криш. Квадратами обозначены крайние поселения вдоль ЦЕБАЭБ.

Fig. 2. The Central European-Balkan Agro-Ecological Barrier (CEBAEB) in the Carpathian Basin, with Early Neolithic cultures and sites indicated. 1 — Körös culture distribution area; 2 — Starčevo culture distribution area; 3 — Cris culture distribution area. Squares: marginal sites along the CEBAEB.

носителей традиций позднего мезолита (?) и, очевидно, носителей культур Старчево и начальной фазы КЛЛК. Сейчас в нашем распоряжении есть несколько радиоуглеродных дат, которые также указывают на возможное сосуществование этих групп во время переходного периода. Часть этих дат происходит с памятников культуры Старчево, в то время как дата из Вёрш указывает на середину 55-го столетия до н.э. (Kalicz et al. 2002). Самые ранние даты с поселения Старчево в Альшоньек-Батасек относятся к 58-му столетию cal. BC, а большинство из них связано с концом 57-го — 56-м столетием cal. BC (эти даты будут опубликованы вместе с результатами совместной программы Университета Майнца и Института археологии в Будапеште по изучению ДНК). Определенно, в будущем следует исследовать и другие комплексы позднего Старчево из памятников вокруг Балатона, рассматривая их в контексте радиоуглеродных датировок фазы становления КЛЛК. Пока что подобные образцы были взяты лишь с памят-

ника Сентдёрдвельдь-Питьердомб, но наиболее ранние датировки, похоже, относятся ко времени, когда расположенное неподалеку поселение Вёрш ещё продолжало функционировать (Stadler et al. 2005).

2. Вариации моделей неолитизации: Восточная и Центральная Венгрия

Самые ранние признаки производящего хозяйства в юго-восточной Европе датируются концом VII тыс. cal. BC., а в центральной и северной Европе — серединой VI тыс. cal. BC. Распространение земледелия по континентальной Европе может быть разделено на эти две фазы, каждая из которых традиционно определялась по первому появлению керамики в сочетании с хозяйством, основанном на одомашненных растениях и животных. Между юго-восточной и северной частью Центральной Европы Карпатский регион предстает в качестве буферной зоны. Наряду с описанным географическим положением, он

№2. 2014

формирует буферную зону и между двумя фазами распространения земледелия, характеристики которых частично отличаются друг от друга.

Другая важная проблема изучения перехода к земледелию касается терминологии, используемой для описания путей данного перехода, а также его концептуализации. Термин «поздний мезолит» относится к последним охотникам и собирателям, которые питались дикими растениями и животными, и, в целом, связан с появлением первых неолитических общин с производящим хозяйством. На широкой шкале возможных механизмов взаимодействия миграция и адаптация представляются двумя противоположными крайностями (Zvelebil 2000: 57—58). Наличие разрыва между доземледельческими и земледельческими общинами подразумевает колонизацию (о которой пишут *миграционисты* или *диффузионисты*), в то время как непрерывность указывает на восприятие и адаптацию (в защиту этой теории выступают *автохтонисты*). По моему мнению, настоящая работа способна доказать — по крайней мере, для Карпатского бассейна, — что наиболее приемлемой является средняя между этими двумя крайностями концепция, а именно точка зрения *интеграционистов*.

Как происхождение, так и характеристики процесса перехода от присваивающего к производящему хозяйству являются неоднородными в различных регионах. На юге культура Кёрёш появилась в начале VI тыс. до н.э. и распространилась вверх по Северному Альфёльду до реки Тиса. И местные, и пришлые группы приняли участие в процессе перехода к земледелию и оседлости в период ранней КЛЛК и во время их последующего развития в позднем неолите. В дальнейшем, мы рассмотрим различные регионы от границ Украины и Румынии до Австрии, выявляя различные сценарии и пытаясь обнаружить различные модели неолитизации в каждом из них.

Преднеолитический период в Альфёльде

В ходе систематических разведывательных работ Роберт Кертес обнаружил настоящее гнездо сосредоточения мезолитических поселений в регионе Ясшаг, на северных окраинах Альфёльда, в основном вдоль рек Тарна и Задьва. (рис. 3) Возле населенных пунктов Ясберень и Ястелек было исследовано четыре памятника (Kertész 1994;

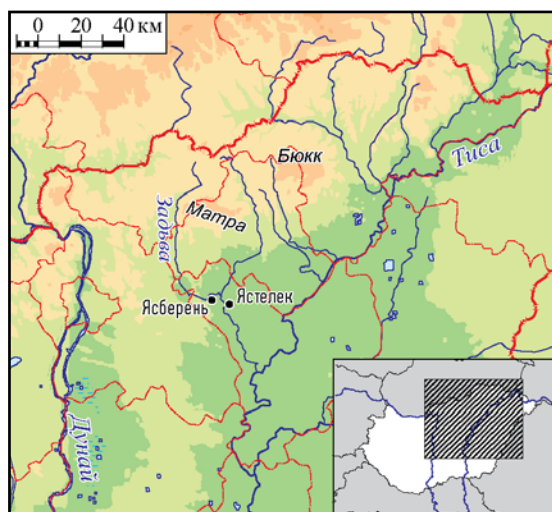

Рис. 3. Северная часть междуречья Дуная и Тисы (Ясшаг).

Fig. 3. The Northern part of the Danube-Tisza interfluve area (Jászág).

1996). Каменный инвентарь и стратиграфические наблюдения позволили разделить мезолит Ясшага на две фазы: раннемезолитическую Ясберень I и позднюю Ястелек I (Kertész 2002). Историческая реконструкция условий окружающей среды, проведенная для каждой фазы, предоставила важные данные для лучшего понимания периода, непосредственно предшествующего неолиту (Sümegi 2003).

Северо-восточная часть Альфёльда (рис. 4) отличается от срединных северных окраин, по крайней мере, на данном этапе исследований. Бассейны рек Береттьо (Быркэу), Шебеш-Кёрёш (Кришул-Репеде) и Чёрный Кёрёш представляют собой сложный ландшафт, изобилующий болотами. Хотя позднемезолитические каменные изделия — предшествующие оседлому заселению — известны вплоть до западной Румынии, археологические следы каких-либо поселений здесь отсутствуют.

Анализ древней окружающей среды, тем не менее, предоставил некоторые данные о вероятности донеолитической расчистки и выжигания лесов, создания путей и проходов сквозь лесные массивы и т.д.; например, в болотистой местности Баторлигет или в топких местах у села Чарода (Sümegi 2003: 21—22, fig. 1; Sümegi, Gulyás 2004).

Около 8400 cal. BC липа уступила место дубу в качестве доминирующего вида (Willis et al. 1995), что указывает на облесение и установление умеренного климата с возросшим количеством осадков. Схожую карти-

Рис. 4. Северо-восточная часть Альфёльда. 1 — донеолитические памятники; 2 — памятники культуры Кёрёш-Криш; 3 — памятники ранней Альфёльдской культуры линейно-ленточной керамики (Сатмар II).

Fig. 4. The North Eastern part of the Great Hungarian Plain (Alföld). 1 — pre-Neolithic sites; 2 — Körös-Cris sites; 3 — early Alföld LBK (Szatmár II) sites.

ну дает и изучение моллюсков (Sümeги 2003: 21). Под действием солнечного света в подлесках начали произрастать различные кустарники: ягодные и, в особенности, лесной орех. Благоприятные изменения ландшафта, по всей видимости, усиливались небольшими расчистками кустарниковых зон, на что указывают находки с некоторых европейских памятников (Zvelebil 1986; 2000; Gronenborn 1999).

Донеолитические «тарденуазские» человеческие сообщества могли иногда останавливаться и временно основывать небольшие поселения, перемещаясь дальше со сменой времен года или следуя за миграцией диких стад вдоль постоянно меняющихся речных русел (Maxim 1999). Анализ каменного инвентаря различных поселений в Трансильвании и Парциуме¹ (Румыния), таких, как Чумешть (Чомакёз), Гура Бачулуй (Бачи Торок), Ливада, Иклюд-Ла Дорайе, Морешть (Маломфальва),

¹ Парциум — так в XV—XVII вв. называли часть Венгерского королевства, отошедшую к Трансильванскому княжеству и охватывавшую примерно район современной венгерско-румынской границы от Дебрецена и Арада на западе до гор Бихор на востоке. — Прим. ред.

Лец и др. — позволил З. Максим прийти к выводу, что долины рек и возвышенности были заселены тарденуазскими группами в тот момент, когда первые «цивилизационные» инновации достигли этого региона (Maxim 1999: 27—30, 221—222). Различные типы каменных артефактов четко указывают на присутствие здесь местного населения до появления первых земледельческих групп. Ю. Паул считал локальный вклад достаточно весомым для того, чтобы выявить культуру «Прекриш», основываясь на аналогиях с Балканами (Paul 1995: 62—67).

Северо-восточная часть Альфёльда претерпела значительные изменения на рубеже VII—VI тыс. ВС. С этого времени и далее наблюдается снижение доли древесной пыльцы в профилях. Это, в сочетании с широким распространением пашенных сорняков, указывает на отступление лесов и, соответственно, на рост значения человеческой деятельности в изменении ландшафта (Willis et al. 1995). Помимо лесных расчисток, в этой зоне наблюдаются следы прокладки «охотничьих троп», а также имеются указания на кормление животных листьями деревьев, собранными летом (Sümeги 1998; 1999). Все эти данные, в сочетании с радиоуглеродным датированием археологических комплексов, вполне недвусмысленно указывают на время заселения первыми переселенцами из юго-восточной Европы заболоченной местности между реками Самош (Сомеш) и Береттьо (Быркэу). Кремневый инвентарь из донеолитического памятника Тарпа-Марки Танья дополняет эту картину (Kertész 1994).

Неолитизация и группы населения раннего/среднего неолита в северных регионах Альфёльда

Судя по основным характеристикам распространения неолита на Балканах, можно предположить, что неолитические группы, продвигавшиеся на территорию исторической Молдавии (через Банат, долину Олта и Трансильванию), пошли по иному пути, чем те, которые продвигались к западу от устья Моравы. Похоже, Альфёльд близок именно к этому, восточному типу перехода к неолиту.

В последние десятилетия были высказаны различные, порой противоречивые точки зрения относительно неолитизации Альфёльда. Поначалу считалось, что этот регион не был заселен человеком в позднем мезолите, а первые земледельцы прибыли в своего рода «вакуум» (Gábori 1981).

№2. 2014

В 1982 г. Я. Маккай выступил с совершенно новой концепцией. Он предположил, что своеобразный контур северной границы ареала культур Кёрёш и Старчево на территории Карпатского бассейна, противоречащий расположению различных природных преград, обусловлен враждебностью местных охотников и собирателей (Маккай 1982: 23). В конце 1980-х гг. открытие упомянутых выше мезолитических памятников в зоне Ясшаг между Дунаем и Тиссой создало впечатление, что предположение Маккай о наличии местного населения является, в целом, правильным, хотя в свое время он не мог привести какие-либо аргументы в пользу своей идеи. Также возможно, что это население не было представлено во всех регионах Альфёльда равномерно, не говоря уже о том, что интенсивность контактов с прибывшими группами могла быть тоже разной.

Ситуация еще более усложняется, если учитывать, что до сих пор Ясшаг является единственным регионом, в котором удалось доказать наличие мезолита.

В середине XX в. исследования раннеолитического периода в Восточной Венгрии, в частности, в Альфёльде и на Верхней Тисе (рис. 5), были столь интенсивными, что уже начиная с 1976 г. стали появляться первые обобщающие работы (Kalicz, Makkaу 1977; Raczky 1988; Kugucz 1989; Nagy 1998). Еще несколько десятилетий тому назад Н. Калиц и Я. Маккай указали, что памятники старшей «группы Сатмар» в Надъэчед, Тисабездед, Тисавальк, Тисачеге, Эбеш, Ибрань и Чумешть (Чомакёз) в долинах рек Береттьо и Самош, в области Эрмеллек и в регионе Верхней Тисы не могут быть должным образом исследованы без допущения возможности интенсивных контактов с Трансильванией (Kalicz, Makkaу 1972: 78; 1977; Makkaу 1982; Dombogóczki, Raczky 2010; Kalicz 2011; 2012). Элементы Кёрёш преобладали над признаками КЛЛК в посуде ранней Альфёльдской линейной керамики (АЛК — Сатмар II) из Надъэчед-Петерзут и Тисабездед-Шервапа (Kalicz, Makkaу 1977: 20). Основываясь на этих элементах, Н. Калиц и Я. Маккай отнесли эти памятники вместе с Мехтелек и Хомородул де Сус (Фельшэхомород) к выделенной ими группе «Сатмар I» (так они называли эту восточную группу ранней КЛЛК; сегодня это обозначение больше не используется) (Kalicz, Makkaу 1972: 92; 1976: 22). Позже материалы из раскопок на памятнике Кётелек-Хусаршарок позволили П. Рацки отметить, что инвентарь группы Сатмар II «содержал многие формальные и орнаментальные элементы, происхожде-

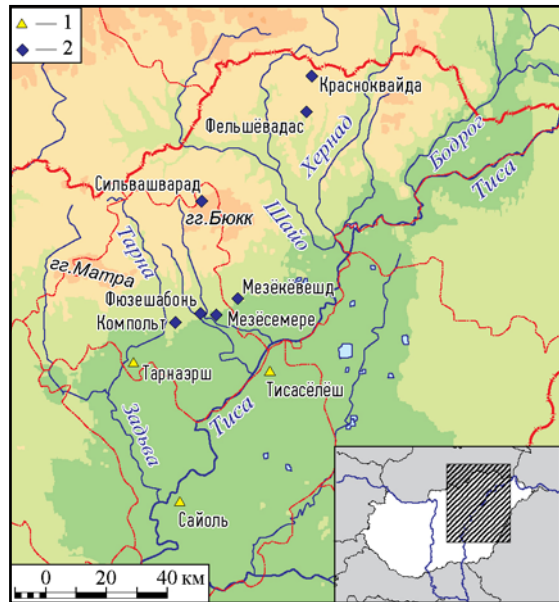

Рис. 5. Северная часть Альфёльда. 1 — памятники культуры Кёрёш; 2 — памятники ранней Альфёльдской культуры линейно-ленточной керамики (Сатмар II).

Fig. 5. The Northern part of the Great Hungarian Plain (Alföld). 1 — Körös sites; 2 — early Alföld LBK (Szatmár II) sites.

ние которых может быть связано лишь с трансильванским ответвлением культуры Кёрёш» (Raczky 1983; 1986: 31; 1988: 27). Таким образом, возникло предположение, что группа Сатмар II, в качестве самой ранней фазы АЛК, происходит от контактов между поздними образованиями раннего неолита: Кёрёш в Альфёльде и культурой Криш.

Данная гипотеза позже подтвердилась исследованиями регионов меньших размеров, таких, как Ньиршег в северо-восточной Венгрии (Kugucz 1989; Staminі 1994). Поселения ранней АЛК отсутствуют между этой территорией и западнее, в сторону Хортобадь. К. Куруц отметил, что находки с ранних поселений Сатмарской низменности (вплоть до Самошшайи) отличались от более западных комплексов настолько, что «любая генетическая связь между ними является весьма маловероятной» (Kugucz 1989: 15). Последующие исследования данного региона полностью подтверждают это наблюдение. В среднем неолите эта местность очерчивала область обитания «группы расписной керамики региона Эстар-Самош», которая являлась единственной группой с расписной посудой огромного комплекса КЛЛК.

В северном Альфёльде, между Ясшаг и северо-восточной частью региона, сформировалась контактная зона, соединяющая эту низменность с Матрой и горами Бюкк. Здесь

отмечается сильная генетическая связь между ранними поселениями АЛК и культурой Кёрэш.

В этой пограничной зоне между низкой и горными областями постепенное появление поселений ранней КЛЛК вдоль северной границы Альфельда привело Ласло Домбороцки к выводу, что формирование КЛЛК (т.е. переход к неолиту) в этой области произошло практически без какого-либо участия иных групп, кроме позднекёрэшских. На основе своих наблюдений Домбороцки выдвинул предположение, что местные племена охотников-собирателей, которые могли обитать на границе Альфельда, вероятно отошли в сторону гор, и лишь на более поздней фазе восточновенгерского неолита они начали слияние с КЛЛК: конкретно их следы можно обнаружить в группах Тисадоб и Сильмег развитой КЛЛК (Domboróczy 2003). Этот вывод также был подтвержден антропологическим изучением некоторых погребений данных групп (Zoffmann 2000).

В самом деле, группы Тисадоб, Сильмег и Бюкк формируются в Северных горах. Их возможное местное мезолитическое происхождение является весьма важным предположением, которое нуждается в хорошей аргументации. Однако, прежде чем далее рассматривать данный вопрос, следует обратить пристальное внимание на некоторые моменты. Таковыми являются признаки более ранних контактов с КЛЛК или же обособленного развития типов и орнаментации посуды. Некоторые из них, в самом деле, чужды КЛЛК, в то время как другие нововведения в керамике могут быть также обнаружены в группах, расположенных южнее (например, Сакалхат), делая, таким образом, сомнительным их изолированное высотное происхождение. После основополагающей монографии Калица и Маккай (Kalicz, Makkay 1977) и некоторых последующих небольших обобщающих работ (Kugucz 1989; Nagy 1998), сейчас в распоряжении ученых есть новые данные относительно этих групп и их слияния с другими поздними образованиями КЛЛК в северо-восточной Венгрии. Помимо открытия новых памятников вдоль автотрассы М-3, таких, как Фюзешабонь, Мезёсемере, Мезёкёвешд и Компольт (Domboróczy 1997; 2003; Kalicz, Koós 1997; 2000; Bánffy et al. 1997; Bánffy 1999), стали известны также настоящие горные поселения (Csengeri 2003; 2004; Bánffy 2000a). Другой важной проблемой является система обмена, которая рассматривается в качестве основы для контактов между Альфельдом и предполагаемым насе-

лением нагорья. В этом контексте очень важны исследования Е. Бачкаи и К. Т. Биро, которые дают новую информацию о сырье, происхождении и типологических характеристиках продуктов расщепления камня в КЛЛК.

Другим связующим звеном, указывающим на кёрэшские истоки АЛК, является эволюция культовых предметов. В недавних раскопках в северном Альфельде был обнаружены многочисленные специфические фигурки животных, а также статуэтки, изображающие существа со смешанными признаками (кентавры) (Фюзешабонь: Domboróczy 1996; 1997; Мезёкёвешд: Kalicz, Koós 1997). Эти находки ранней КЛЛК могут быть напрямую связаны с культурой Кёрэш (Domboróczy 2003: 39), наряду с известными ранее кросс-культурными культовыми предметами, такими, как фигурки быков или алтарики на четырех ножках, которые уже интерпретировались в качестве свидетельств влияния Кёрэш на АЛК (Kalicz, Raczky 1981; Kutzián 1944). Знаменитые фигурки из Мехтелек также могут отражать связь между фигуративным искусством юго-восточной Европы и ранней АЛК, где тоже известны плоские фигурки (Kalicz 2011; 2012). Можно также предположить, что «живучесть» некоторых типов культовых предметов связана с сохранением определенных элементов в ритуальной и культовой деятельности.

Анализ архитектурных традиций позволил обнаружить дополнительные признаки, свидетельствующие в пользу выделения альфельдского пути развития. Жилища раннего неолита юго-восточной Европы были небольших размеров. Обычно они обладали скорее квадратной, чем прямоугольной планировкой и не снабжались внутренней столбовой структурой, что указывает на достаточную легкую крышу. В постройке жилищ использовалось больше глины, чем дерева (Lenneis 1997; 2000; Bánffy 2013a).

Пространство за пределами жилища играло не меньшую роль, чем неразделенное пространство внутри домов, в котором изредка содержалось по очагу. Восточнее Тисы общины Кёрэш следовали этой юго-восточной традиции строительства домов: несмотря на предположение, что жилища Кёрэш на самом деле представляют собой самую раннюю, центральную секцию домов КЛЛК (Meier-Arendt 1989), мы не обнаружили какие-либо признаки, подтверждающие это. Типичные жилища из Сайоль-Фельшёфельд отличаются, как по форме, так и по ориентации от направленных на север, массивных длинных домов КЛЛК, построенных с применением большо-

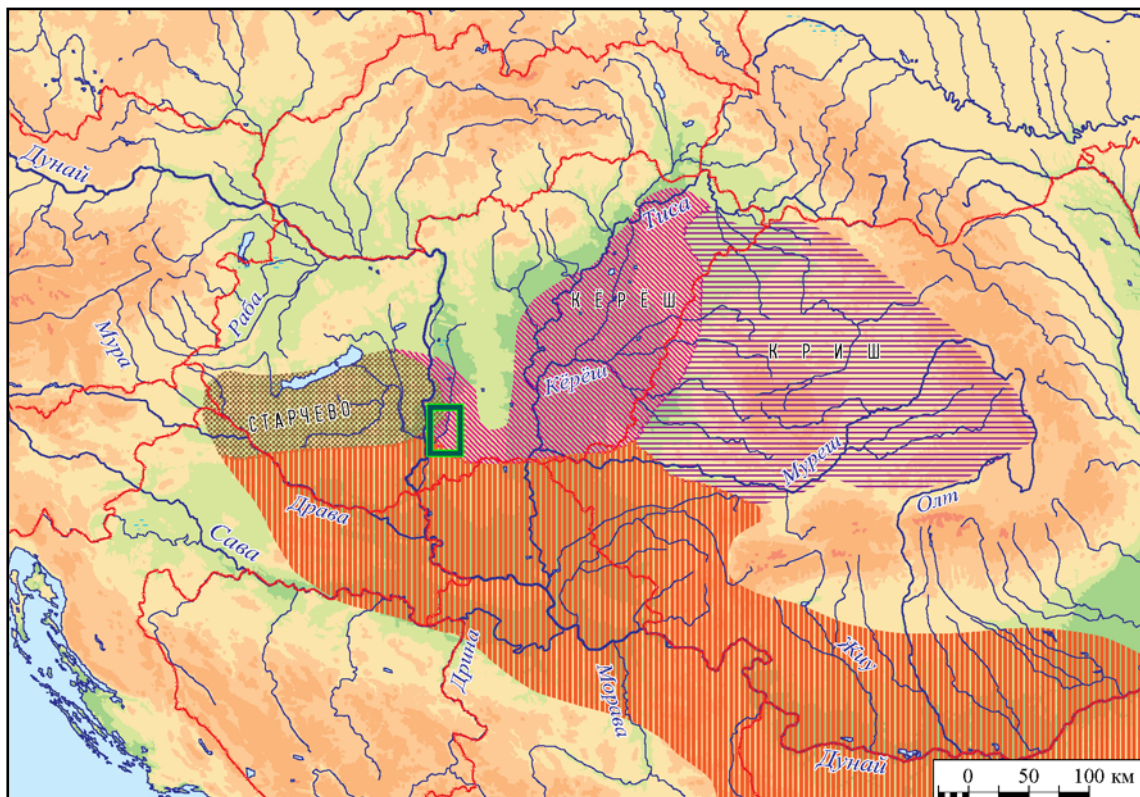

Рис. 6. Область плотного заселения в ареале Кёрёш у Дуная, обозначенная рамкой.

Fig. 6. The dense Körös settlement area at the Danube, marked by frame.

го количества дерева (Raczky 1977; Horváth 1989).

Помимо архитектуры, керамики, данных физической антропологии и сходства культурных предметов, существуют и другие новые данные, которые делают прямое воздействие культуры Кёрёш на формирование Альфельдской КЛЛК весьма вероятным. Речь идет об абсолютной хронологии. Новые даты для поздней Кёрёш и ранней Альфельдской КЛЛК (Сатмар II) указывают на четкое наложение в течение определенного периода (Whittle et al. 2002; Domboóczki 2003), таким образом, делая прямые контакты вероятными для этой части восточной Венгрии.

Подведём итоги. В Северном Альфельде имеются три района, в которых отмечен поэтапный переход к неолиту. В находящемся на северо-востоке Ясшаге есть прямые свидетельства существования как позднемезолитических групп, так и отдельных поселений культуры Кёрёш, хотя контакты между этими двумя общностями пока остаются на уровне гипотезы. На Верхней Тисе, где Альфельд граничит с горами Матра и Бюкк, были прослежены следы распространения культуры Кёрёш. Согласно последним данным, мезолитическое население не играло какой-либо существенной роли в сложении раннего неолита этого

района. Группы охотников-собирателей могли отступить к горам, контактируя с группами КЛЛК лишь на развитой фазе последней — эта рабочая гипотеза должна быть проверена в ходе будущих исследований. На северновосточной окраине Альфельда существование мезолитического населения может быть отчасти подтверждено результатами естественнонаучных исследований, в том числе кремневого комплекса различных памятников. Наличие прямого контакта с раннеолитическими племенами является вероятным, несмотря на то, что прямые свидетельства пока что отсутствуют. В данном случае, первое неолитическое воздействие осуществлялось скорее восточным ответвлением Криш культуры Кёрёш, чем ее Альфельдским вариантом. При современном состоянии исследований, вышеупомянутые три территории отображают три различных варианты процесса неолитизации.

Поселения культуры Кёрёш у Дуная, в Южной Венгрии

Далее, мы представим весьма неожиданный, недавно исследованный феномен, вместе с публикацией находок с одного памятника, которые оставались необработанными и неизвестными научной общественности на про-

тяжении многих лет. Речь идет о неожиданно плотной группе поселений, располагающихся значительно западнее исконного ареала культуры Кёрёш (рис. 6). В Венгрии, в южной части междуречья Дуная и Тисы, такие поселения известны еще с середины прошлого столетия. Они были открыты возле современной границы с Сербией, в центральной южной части Альфельда. Тем не менее, пока остается неясным, имели ли отношение памятники данной зоны к развитию поселений Старчево южнее, в районах Бачка и Срем в Воеводине, в Сербии. Это привело к появлению не совсем четких и противоречивых точек зрения относительно границы Кёрёш-Старчево в Воеводине (Kalicz 1965; Trogmayer 1968; Brukner 1974: 428—429 и карта 28; Horváth 1989: 15). Исследователи предполагали наличие то чисто кёрёшских, то смешанных поселений вдоль Дуная к югу от современной границы с Венгрией.

Публикация придунайского поселения в Донья-Браньевина не упростила решение этой проблемы, поскольку автор раскопок усмотрел две различные фазы Старчево и Кёрёш, наличие которых остается неподтвержденным, так как наиболее важные керамические находки практически не были опубликованы (Karmanski 2005, с предшествующей литературой). Единственным специалистом, который сделал какие-либо выводы из этой работы, стал Янош Маккай, и ранее выступавший в пользу нерасчленимой природы комплекса Кёрёш-Старчево (Маккай 1982: 18—20 и сноска 42). Эта точка зрения, однако, была с тех пор отклонена рядом исследователей, которые указали на значительные различия между типами поселений, образом жизни и материальной культурой этих двух образований (Brukner 1966; Dimitrijević 1974; Raczky 1976; Kalicz 2000; Bánffy 2004). Пока что вопрос о существовании границы между этими культурами вдоль венгерского участка Дуная остается открытым (Bánffy 2012; Bánffy, в печати).

Фактом является то, что к северу от границы между Сербией и Венгрией географическое распределение поселений вдоль Дуная неоднородно. Есть концентрация поселений в небольшой болотистой области Шаркёз, вблизи от дунайской аллювиальной поймы. Далее к югу известны лишь спорадические поселения (Вашкут-Хиешелькерт: Kutzián 1944: 9, Plate 13, 14, a-b). Возможно, подобное распределение является случайным и концентрация поселений в окрестностях Калочи отражает неравномерную интенсивность исследования территории. Подобное

объяснение, тем не менее, маловероятно. Интенсивные разведки в окрестностях Байи не привели к открытию поселений Кёрёш такой же плотности. С другой стороны, многочисленные памятники Кёрёш были обнаружены в ходе разведок в регионе Калоча Шаркёз в 1960-х и 1970-х годах. Основываясь на этом хорошо исследованном регионе, можно заключить, что носители культуры Кёрёш плотно заселяли эту пойменную приречную область (Vadász 1967). Принимая во внимание многократные обследования и опубликованный краткий обзор исследований археологов медье (области) Бач-Кишкун (Wicker et al. 2001), уже нельзя говорить о незаселенных песчаных дюнах в окрестностях Калочи. Детальные топографические исследования в одном-единственном селе Хомокмедь привели к открытию почти 20 памятников, относимых к культуре Кёрёш (Tóth 1998: Fig. 13). Дополнительные разведки, проведенные в начале 2000-х гг. автором этих строк и международной группой с участием немецких и венгерских преисториков (Йорг Петраш, Кристиан Фрирдлих, Эстер Банффи, Розалия Куштар), расширили список этих поселений. Более 50 памятников культуры Кёрёш стали известны в обширной области, охватывающей исключительно аллювиальную равнину округа Калоча возле Дуная (рис. 7). До сих пор не удалось обнаружить ни одного важного памятника вне долин двух главных рек. Отсутствуют также признаки интенсивного заселения общинами культуры Кёрёш правого берега Тисы. Можно предположить альтернативный путь их распространения с юга на север вдоль Дуная. Эта гипотеза, тем не менее, не подтверждается сравнением с инвентарем ранненеолитических памятников Воеводины. В отличие от явного присутствия культуры Старчево в этом регионе, географическое распространение поселений Кёрёш не установлено (Brukner 1974; Bogdanović 1988; Leković 1988; 1995; Karmanski 2005). По имеющимся в настоящий момент данным, переселение с юга вверх по течению Дуная маловероятно. Таким образом, имеющаяся информация не позволяет говорить о каких-либо южных связях.

**Пример 1. Сакмар-Кишюлеш:
поселение культуры Кёрёш на Дунае**

Поселение культуры Кёрёш у Сакмар-Кишюлеш, самое северное из поселений данной культуры, является единственным раскопанным памятником. Полевые исследования проводились в 1976—1977 гг., но, за исклю-

№2. 2014

чением небольшого отчета (Bognár-Kutzián 1977), результаты работ остаются неопубликованными. Материалы с памятника войдут в находящуюся в печати монографию о ранне-неолитических поселениях региона (Bánffy, в печати).

Глубокая вспашка сильно разрушила всю площадь памятника (рис. 8); к тому же на всех трех квадратах раскопанного пространства слой раннего неолита был поврежден комплексами последующих исторических эпох. Участок «В» сохранился лучше остальных, именно на нем было сделано большинство стратиграфических наблюдений (рис. 9).

Были обнаружены участки со скоплениями обмазки, раковин мидий, вместе с богатым керамическим инвентарем, многочисленными костями животных и остатками злаков. Под этим материалом были расчищены следы глиняной обмазки — возможно, остатки пола. Эти находки могут рассматриваться в качестве развала жилища с глиняным полом, хотя информация, к сожалению, очень отрывочна. На другом раскопанном участке были обнаружены возможные остатки архитектурных деталей. Помимо большого количества обмазки, некоторые стратиграфические наблюдения также могут указывать на наличие жилища. Среди остатков сильно обожженного очага был расчищен череп оленя, находившийся на плоской глиняной платформе (рис. 10). На самых нижних уровнях были зафиксированы ямы, которые могли служить для добычи глины в начале функционирования поселения.

Что касается архитектуры, то можно предположить наличие домов со стенами, обмазанными глиной, судя по большому количеству фрагментов обмазки с заглаженной поверхностью и с отпечатками прутьев (рис. 11; 12). Также заметно, что глиняная масса содержала относительно большое количество растительных примесей: шелуху от семян и остатки стеблей. Эти примеры отражают тенденцию использования самых близких и доступных исходных материалов для возведения стен. Среди материалов, использовавшихся в качестве отошителей на других поселениях, ракушка встречается довольно редко (рис. 11: 11). Тем не менее, она была выявлена в некоторых кусках обмазки из Сакмар. Это может объясняться наличием многочисленных раковин мидии вокруг данного берегового поселения, а также их присутствием среди пищевых хозяйственных отходов.

В одном случае в глине содержался отпечаток бруса или бревна; возможно, этот кусок обмазки укреплял крышу сооружения.

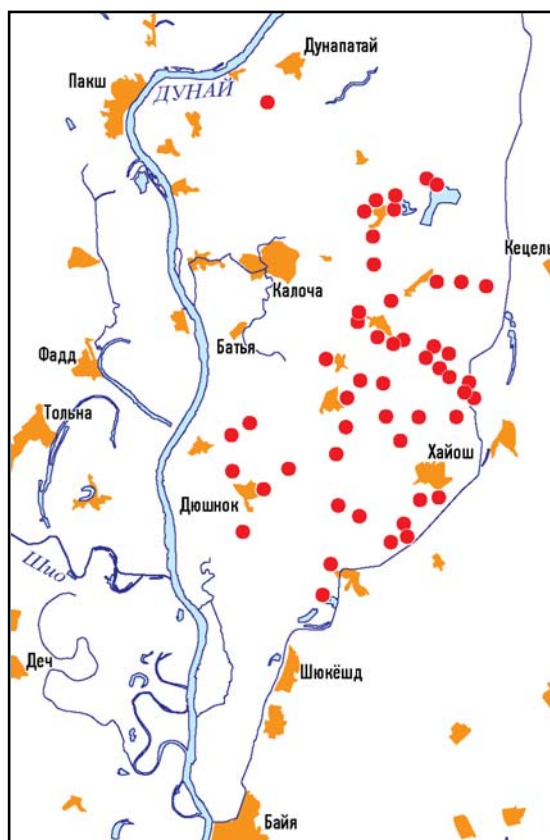

Рис. 7. Памятники Кёрёш в придунайской пойменной долине.

Fig. 7. Kőrös sites on the Danube alluvial plain.

На некоторых кусках обмазки были обнаружены отпечатки человеческих пальцев. Одна сторона фрагментов обмазки была обычно гладкой, в то время как другая содержала отпечатки плетня в виде прутьев или соломы (рис. 11: 3, 7, 8; 12: 5), при толщине стен около 8—12 см. Также были замечены следы ремонта стен путем покрытия их слоями глины. В некоторых случаях эта подмазка отслоилась в виде пластинок толщиной в 2—3 мм (рис. 12: 2).

В составе глины, используемой для ремонта, растительных примесей не обнаружено. Наблюдения над составом покрытия стен других жилищ раннего неолита (Nikolov 1989: 19; Carneiro, Mateiciucová 2007; Szakmány, Gherdán, Starnini 2004; 2006) выявили в ее структуре смесь из хорошо отмученной глины и навоза. Некоторые угловые детали (рис. 12: 6—7) могли относиться к конструкции очагов или печей.

На поверхности большей части сохранившихся фрагментов обмазки отсутствуют какие-либо следы горения — следовательно, если постройка и была повреждена огнем, то была разрушена лишь внутренняя плетеная структура, а глиняная часть конструкции сте-

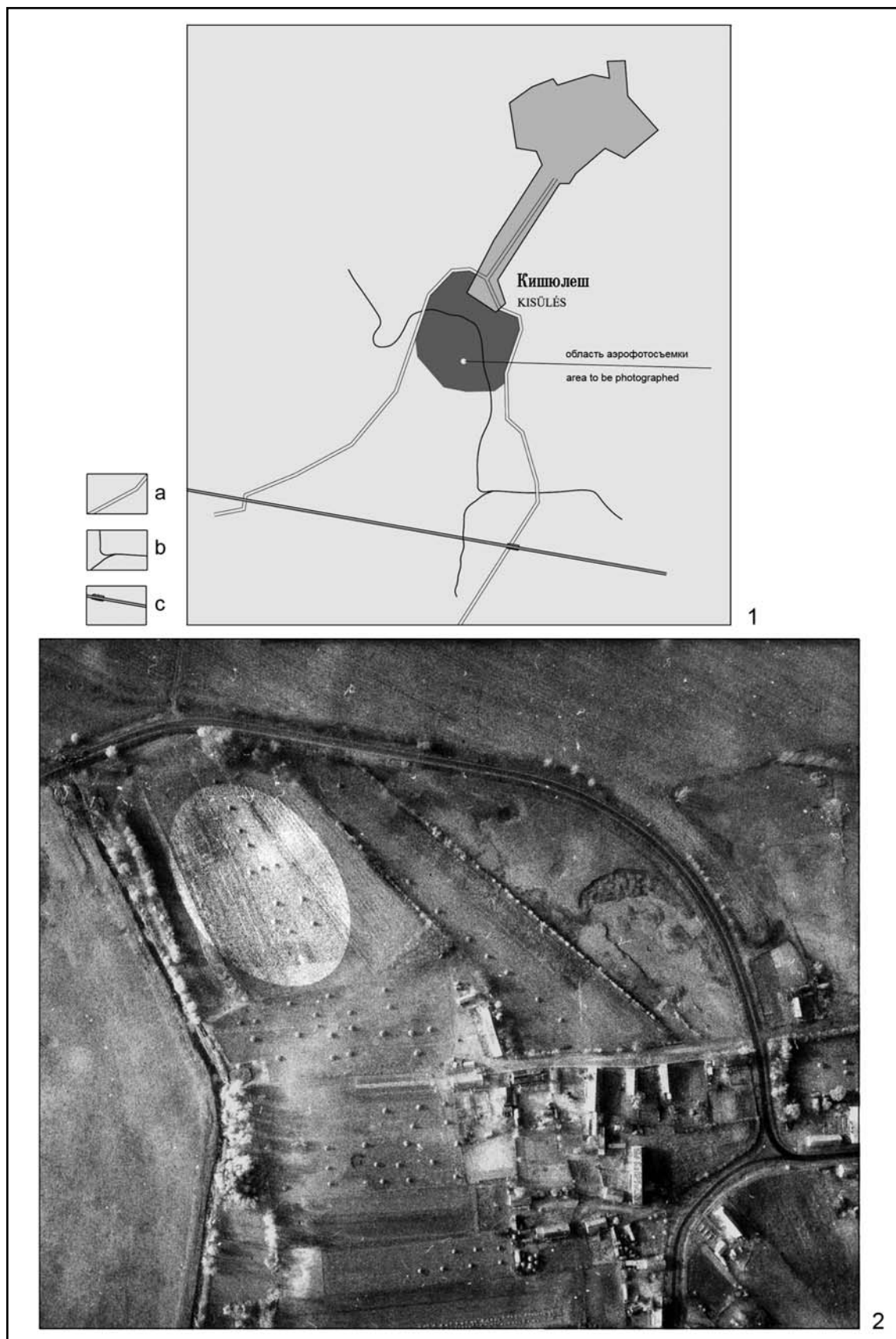

Рис. 8. Аэрофотосъемка поселения Кишюлеш. 1 — расположение поселения Кишюлеш возле села Сакмар: а — шоссе, б — канал, с — железная дорога и станция; 2 — аэрофотоснимок поселения 1970-х гг.

Fig. 8. Aerial surveying of the Kisülés site. 1 — the location of the Kisülés site near the vilage Szakmár: a — landroad, b — channel, c — railroad, train stop; 2 — aerial photo of the settlement from 1970s.

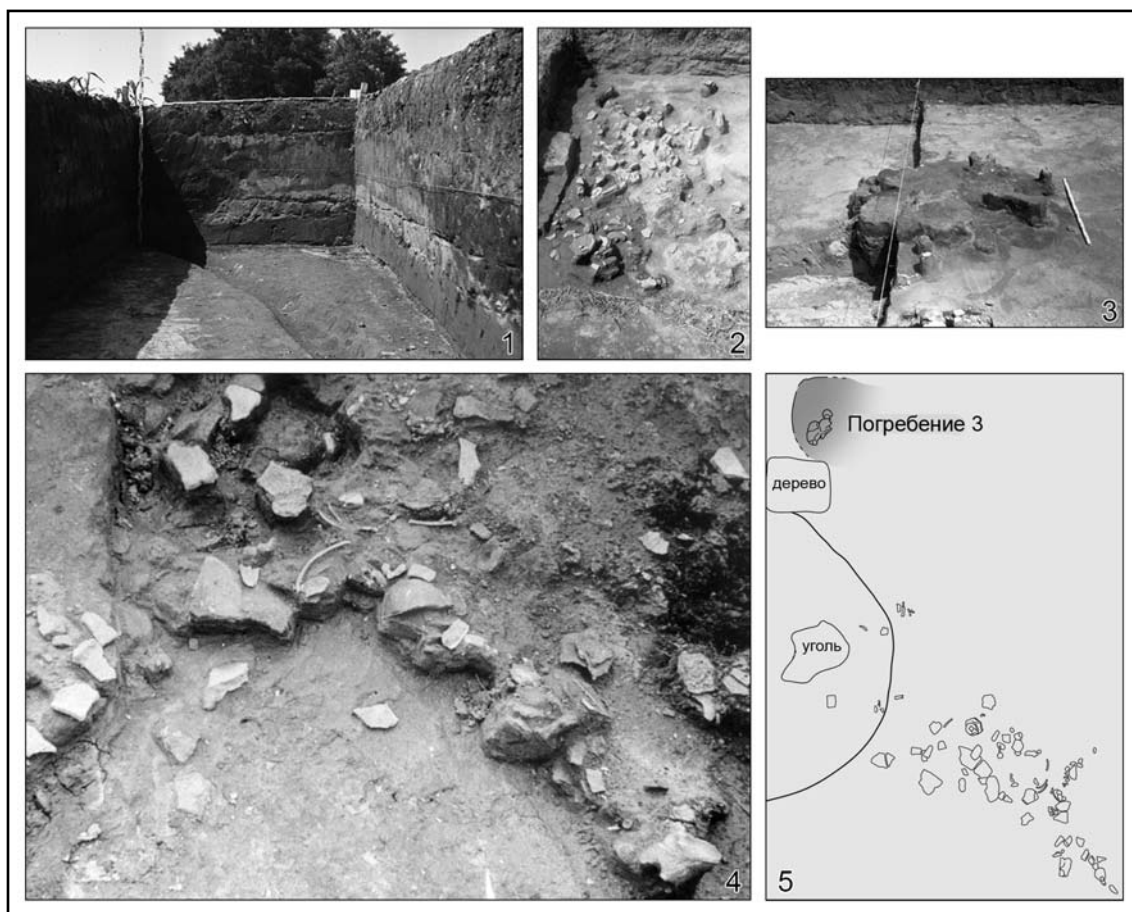

Рис. 9. Сакмар-Кишюлеш, участок «В». 1 — стратиграфия; 2 — скопление обмазки; 3 — очаг; 4, 5 — погребение 3.

Fig. 9. Szakmár-Kisülés, area "B". 1 — stratigraphy; 2 — wattle and daub debris; 3 — fireplace; 4, 5 — grave 3.

ны не была затронута. Постройка (постройки?), некогда находившаяся на поселении, не погибла в пожаре — она могла попасть под воздействие лишь небольшого сосредоточенного горения (Whittle, Bartosiewicz 2007: 731; Whittle 2010: 193).

На поселении было обнаружено труположение со скорченным скелетом без инвентаря (погребение 4), а также, что более важно, погребение ребенка (№3) с инвентарем (рис. 9: 4, 5). Плохо сохранившийся скелет маленького ребенка лежал в неглубокой яме, округлый контур которой удалось зафиксировать почти полностью. Череп младенца был раздавлен, поэтому изначально были замечены лишь некоторые посткраниальные кости. Наблюдения над положением *in situ* фрагментов черепа и остатков грудины указывают на то, что ребенок лежал на спине; тем не менее, не удалось установить, находился ли скелет в скорченном положении. Возле погребенного обнаружена небрежно изготовленная небольшая низкая чаша с выделенным днищем (рис. 13: 1). Положение сосу-

да четко указывает на его принадлежность к погребальному инвентарю — это достаточно редкое явление в захоронениях культуры Кёрёш.

В связи с давностью раскопок, находки довольно немногочисленны. Количественный анализ реставрированных сосудов (рис. 13) и сохранившихся керамических фрагментов невозможен. Тем не менее, имеющийся в наличии материал свидетельствует об отсутствии монохромной посуды с красноватым ангобом или белой краской на красной основе, которые указывали бы на конкретную фазу. Остатки биконических сосудов также отсутствуют. Эти признаки позволяют расположить инвентарь из Сакмар где-то между начальной и финальной фазами культуры Кёрёш. Остается вопросом, допускает ли керамический материал более точную стилистическую датировку в рамках этого периода.

Большинство находок представлено керамикой. Температура обжига при производстве может быть установлена на основа-

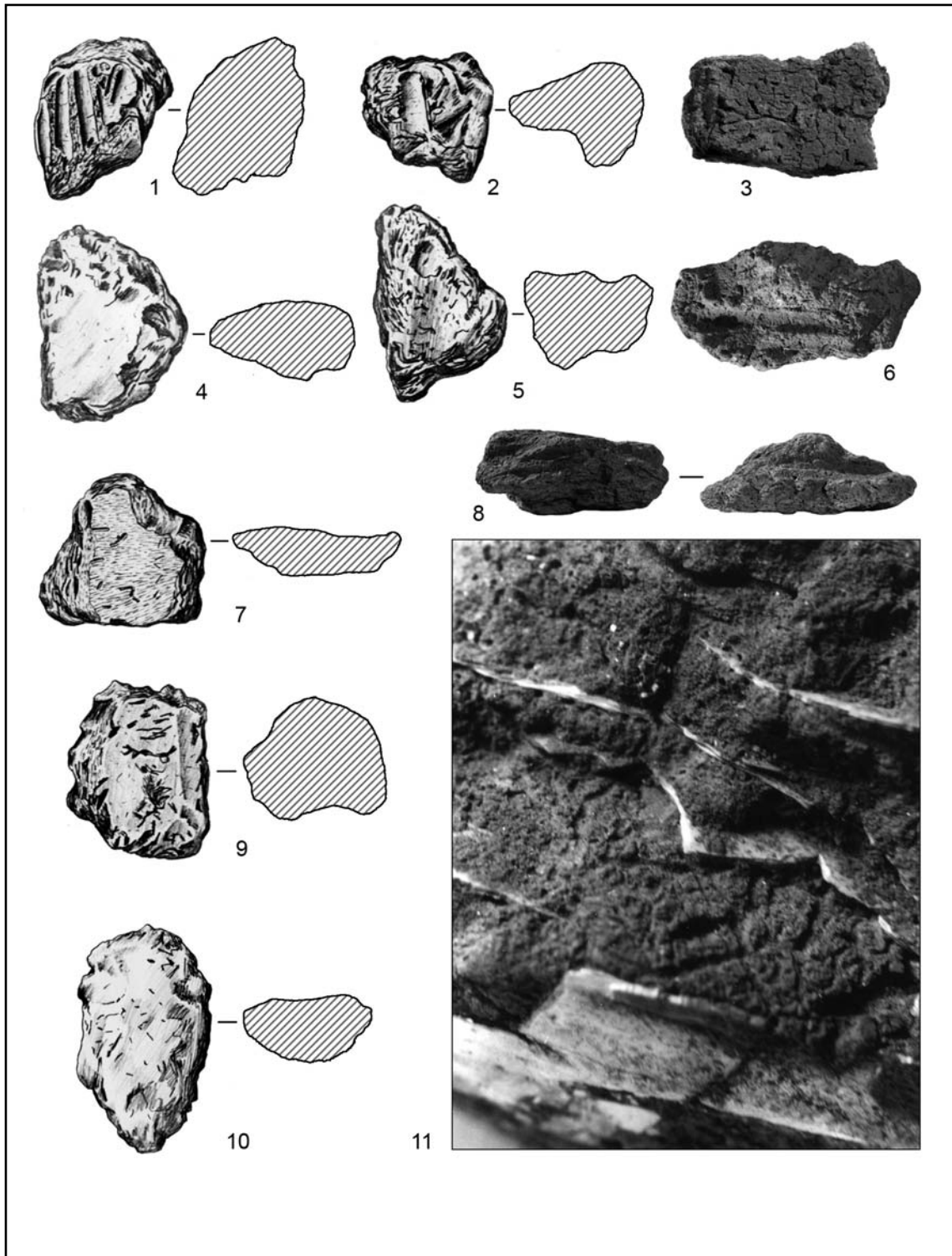

Рис. 10. Сакмар-Кишюлеш: план и профиль очага с черепом благородного оленя. 1 — слой гумуса; 2 — серовато-коричневый слой; 3 — желтый грунт. Условные обозначения: а — слой гумуса; b — красная обмазка; с — заглаженный желтоватый участок; d — керамика; e — ракушка.

Fig. 10. Szakmár-Kisülés: surface and profile of a fireplace with a red deer skull . 1 — humus layer; 2 — greyish brown layer; 3 — yellow subsoil. Legend: a — black burnt spot; b — red daub; c — yellowish plastered spot; d — pottery; e — shell.

нии структуры черепков в изломе: внешняя и внутренняя поверхности красноватого цвета с черной прослойкой посередине. Согласно экспериментальным данным, подобная струк-

тура указывает на низкую температуру обжига — не более 550—650°C. В целом, считается, что температуры при производстве ранне-неолитической керамики не превышали 750°C

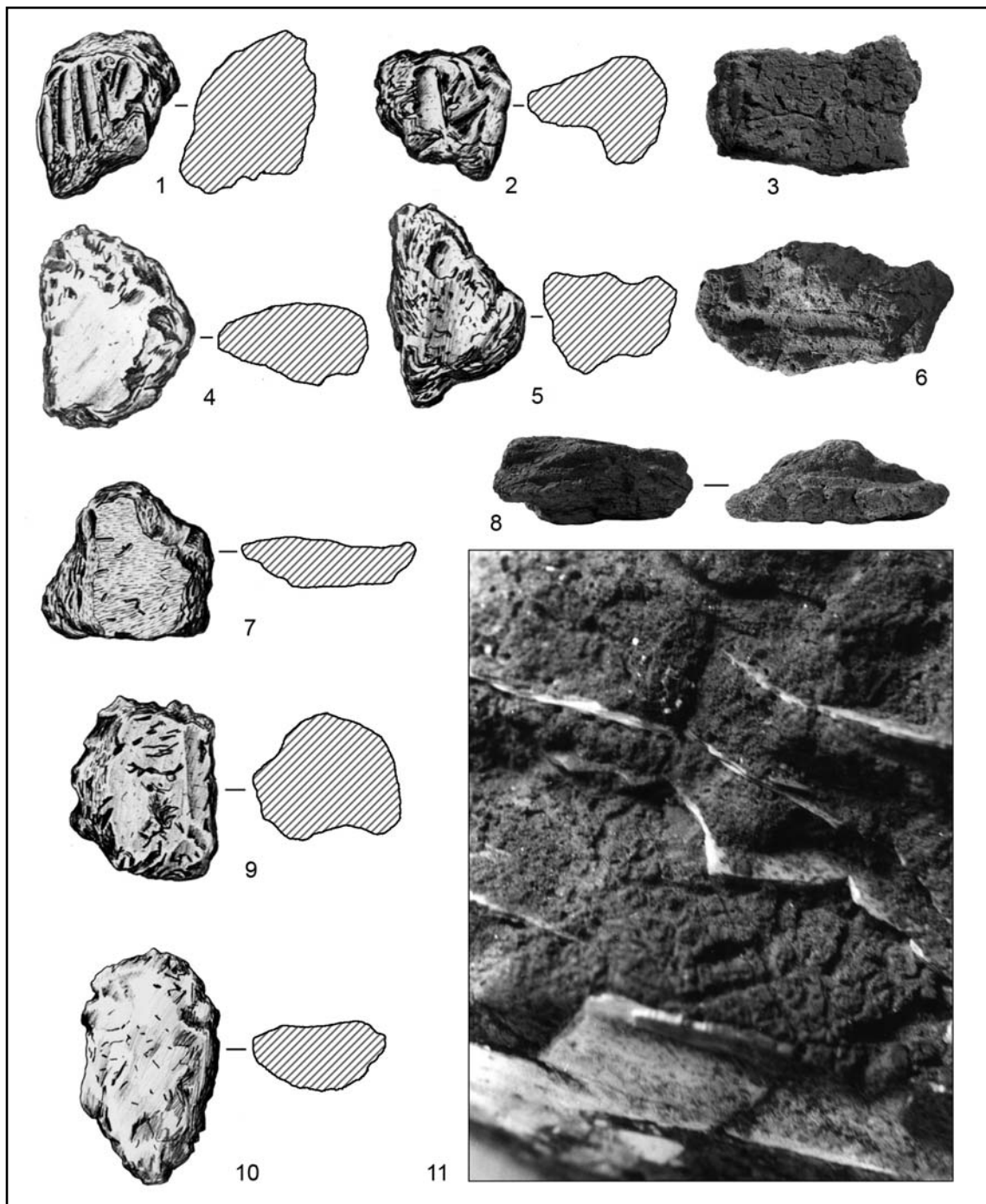

Рис. 11. Сакмар-Кишюлеш: 1—10 — фрагменты обмазки; 11 — обмазка с примесью раковин.

Fig. 11. Szakmár-Kisülés: 1—10 — daub fragments; 11 — shell-tempered daub.

(Manson 1995; Ylöuni 1996: 70; Bánffy 2004: 220—221).

Сохранившаяся выборка керамики с поселения позволяет произвести анализ лишь в ограниченной мере. Среди имеющихся мисок биконические формы отсутствуют (рис. 14: 1, 2). Известно несколько находок сосудов на полых, цилиндрических и слегка конических поддонах (рис. 15: 2, 4, 6). Поддоны чаще сочетались со сферическими, а не куб-

ковидными мисками. Среди этих несколько более высоких поддонов некоторые обладали слегка выгнутыми стенками (рис. 15: 3). На одном из конических поддонов, в средней части, присутствует пара противопоставленных друг другу овальных отверстий (рис. 15: 1) — довольно редкое явление в керамическом инвентаре культуры Кёрэш.

Набор отреставрированных сосудов содержит одноручную кружку (рис. 13: 2). Это

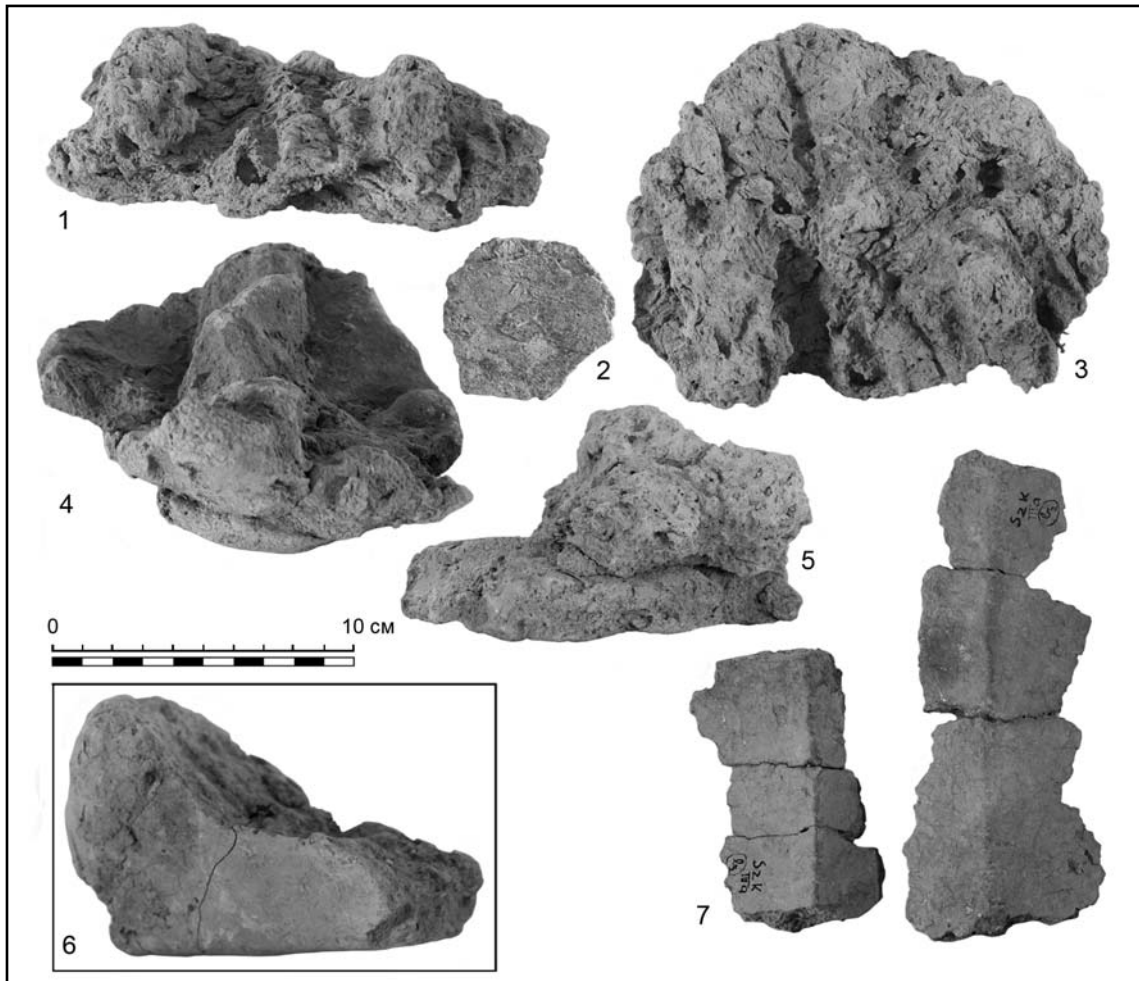

Рис. 12. Сакмар-Кишюлеш: 1—5 — фрагменты стен жилища; 6—7 — элементы конструкции очагов (?).

Fig. 12. Szakmár-Kisülés: 1—5 — structured elements of house walls; 6—7 — structured elements of fireplaces (?).

толстостенное изделие *продолговатой* формы с овальным венчиком, выделяющееся наличием двух небольших, округлых декоративных налепов у основания ручки на каждой стороне. Вместе с другими фрагментами кружек, небольшая отреставрированная кружка из погребения №3, а также более небрежно изготовленная одноручная кружка, показывают, что этот тип сосудов обладал ассиметричной, несколько вытянутой горловиной и слегка выгнутыми стенками (рис. 13: 1).

Большинство кухонных горшков и сосудов для хранения припасов имеет сферическую форму. Первую их группу образуют так называемые шаровидные сосуды (рис. 13: 5). Небольшой кувшин, напоминающий по своей форме плетеную корзиночку, носимую на спине, мог использоваться для хранения жидкостей (доступная здесь реконструкция не показывает, что его тулово было несколько ассиметричным и могло быть снабжено несколькими наклонными

ручками; рис. 13: 3). Относительно высокая амфора с выгнутым наружу венчиком также могла использоваться для хранения чего-либо (рис. 13: 4). Другие сосуды для хранения припасов характеризуются толстыми, цилиндрическими или слегка расширяющимися стенками (рис. 15: 4). На основе некоторых фрагментов можно предположить, что отдельные сферические горшки устанавливались на керамические кольца или даже невысокие конические поддоны. В отдельную подгруппу сферической посуды входят *приземистые сферические сосуды*. Боковая стенки одного из таких сосудов из Сакмар была украшена налепом и врезным решетчатым орнаментом (рис. 14: 3).

Верхний край плоских венчиков сосудов часто украшался пальцевыми вдавлениями или сочетанием ногтевых зацепов и пальцевых вдавлений. Подобные мотивы встречаются в основном на кухонной керамике и посуде для хранения припасов, но иногда в такой же

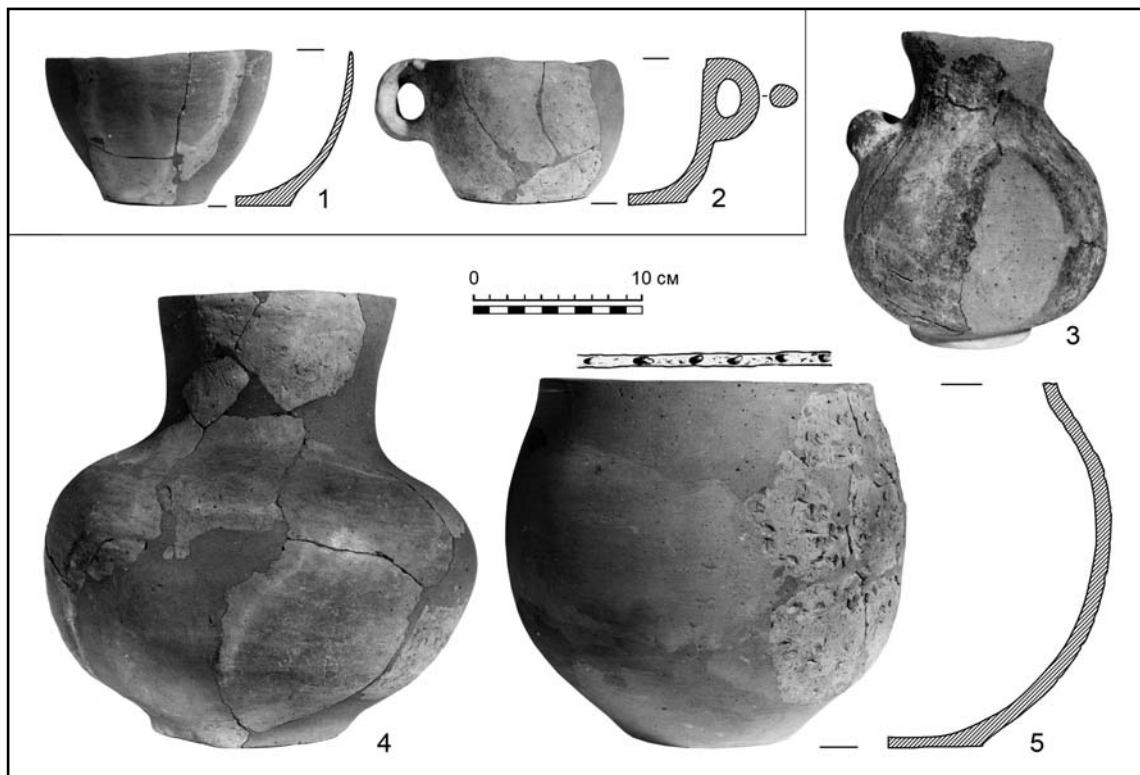

Рис. 13. Сакмар-Кишюлеш, отреставрированные сосуды. 1 — сосуд из погребения 3; 2 — кружка с ручкой; 3 — небольшой кувшин в форме корзиночки; 4 — амфора; 5 — шаровидный сосуд.

Fig. 13. Szakmár-Kisülés, restored vessels. 1 — vessel from grave 3; 2 — handled cup; 3 — small jar (panier vessel?); 4 — amphora; 5 — globular vessel.

манере орнаментировались и венчики мисок (рис. 13: 5).

Врезная сетка также заметна на толстых основаниях многих сосудов (рис. 14: 6). В одном случае был обнаружен крестовидный знак. На других сосудах беспорядочные на первый взгляд врезные линии, похоже, образуют мотив, который иногда появляется как на керамике Кёрёш, так и Старчево, и который ждет своей интерпретации (рис. 14: 5). Поскольку эти линии не нанесены на видимую часть посуды, их нельзя причислить к орнаменту, предназначенному для показа. С другой стороны, их повторяемость указывает на неслучайный характер данного феномена.

Защипы также могли образовывать сложные узоры, такие как «колос», состоящий из рядов защипов (рис. 16: 3). Из раскопок в Сакмар происходит лишь один черепок, орнаментированный не ногтем, а, скорее, небольшой ракушкой с зубчатым краем (рис. 16: 7). Хотя такой декор в культуре Кёрёш встречается редко, он широко известен в Адриатическом регионе. В то же время он известен на поселении культуры Кёрёш в Эчегфальва (Oross 2007: 27, 25.3). Часто встречаются и неглубо-

кие или сводчатые сетчатые мотивы (рис. 16: 9—10).

Широко применялся барботин, как правило, на сосудах для хранения припасов (рис. 16: 1—2). Похоже, эти сосуды покрывались слоем жидкой глины со значительной примесью по- ловой (рис. 16: 8). Часто встречается валиковый орнамент с применением пальцевых вдавлений или защипов. Подобные мотивы наносились горизонтально, вокруг венчика или тулова сосуда, иногда образуя сложные структуры (рис. 16: 12). Диагональные валики с пальце-выми вдавлениями украшали одну из мисок (рис. 14: 1). Стилистический спектр пластич-ного орнамента включает плоские диски, рас-положенные на стенке сосуда (рис. 16: 11).

Помимо приземистых округлых грузил для сетей (рис. 16: 13), следует упомянуть наход-ки отдельных крупных глиняных предметов весом свыше 2 кг. Среди фигуративных наход-ок наиболее примечательны зооморфные ал-тарики, а также алтарики на трех и четырех ножках (рис. 17).

Обзор ранненеолитического заселения ле-вобережья Дуная показывает наличие неболь-шого региона, Калоча Шаркёз, в котором плотность памятников может быть сопостав-

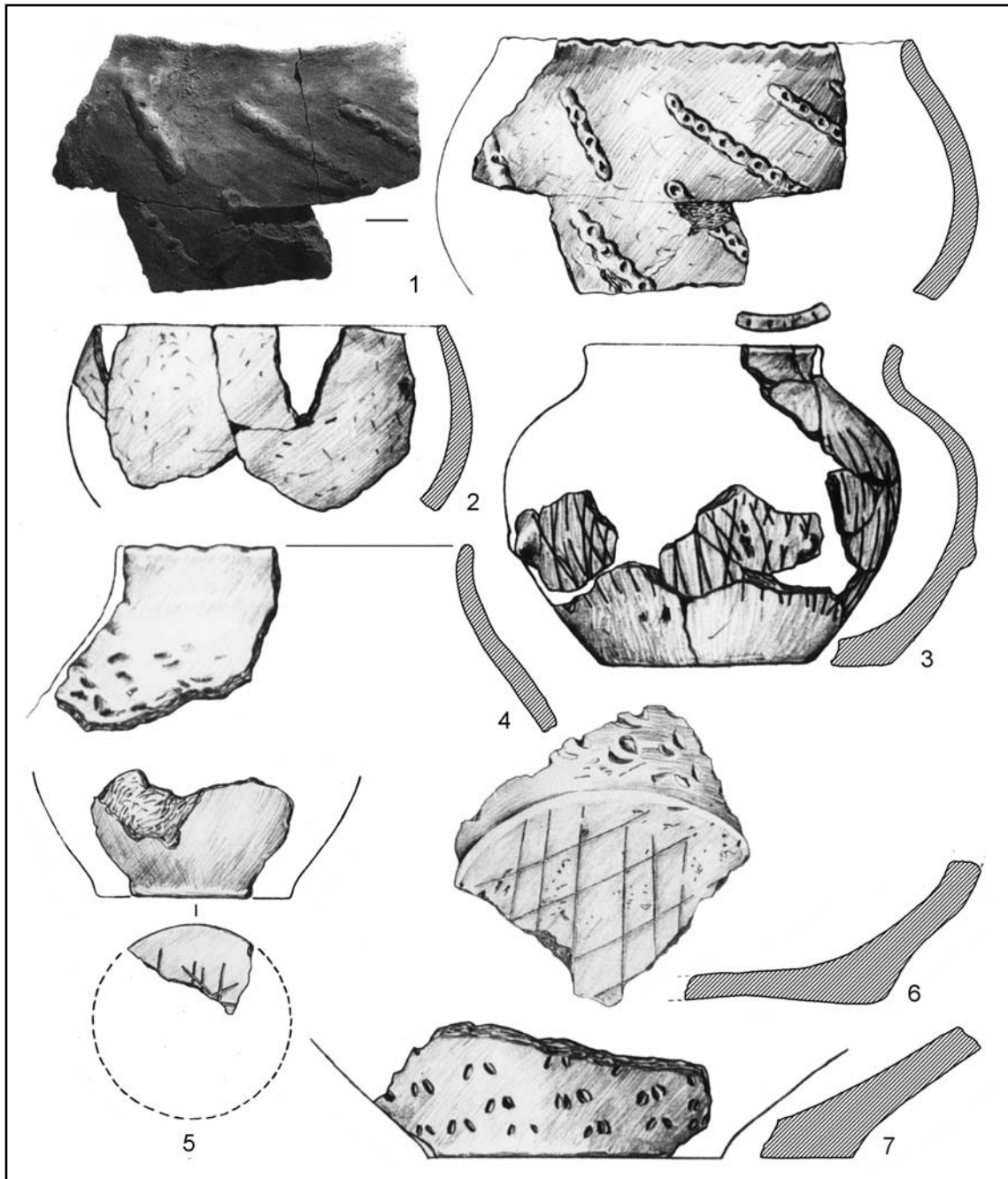

Рис. 14. Сакмар-Кишюлеш, фрагменты мисок и кухонных сосудов. 1, 2 — миски; 3 — углощенный шаровидный сосуд; 4 — фрагмент венчика сосуда для хранения припасов; 5—7 — днища сосудов.

Fig. 14. Szakmár-Kisülés, fragments of bowls and cooking vessels. 1, 2 — bowls; 3 — flattened globular vessel; 4 — rim fragment of a storage jar; 5—7 — pot base.

лена с ситуацией на юге Альфельда. Несмотря на начальный этап исследований, важно отметить, что, несмотря на возможную плотность поселений раннего неолита на левобережье Дуная, до сих пор неизвестен ни один памятник культуры Кёрёш к северу от Сакмар в данном регионе. Это наблюдение важно для разрешения более широкой проблемы неолитизации Карпатского бассейна. А имен-

но, если общности с кёрёшским инвентарем не продвинулись к северу от области Калоча Шаркёз, то мезолитическое население из региона Ясшаг (см. выше) не могло ознакомиться с земледелием этим путем.

Находки из Сакмар-Кишюлеш и Файс-Гарадомб, а также с других памятников региона Калоча Шаркёз, похоже, наиболее близки к инвентарю памятников культуры Кёрёш

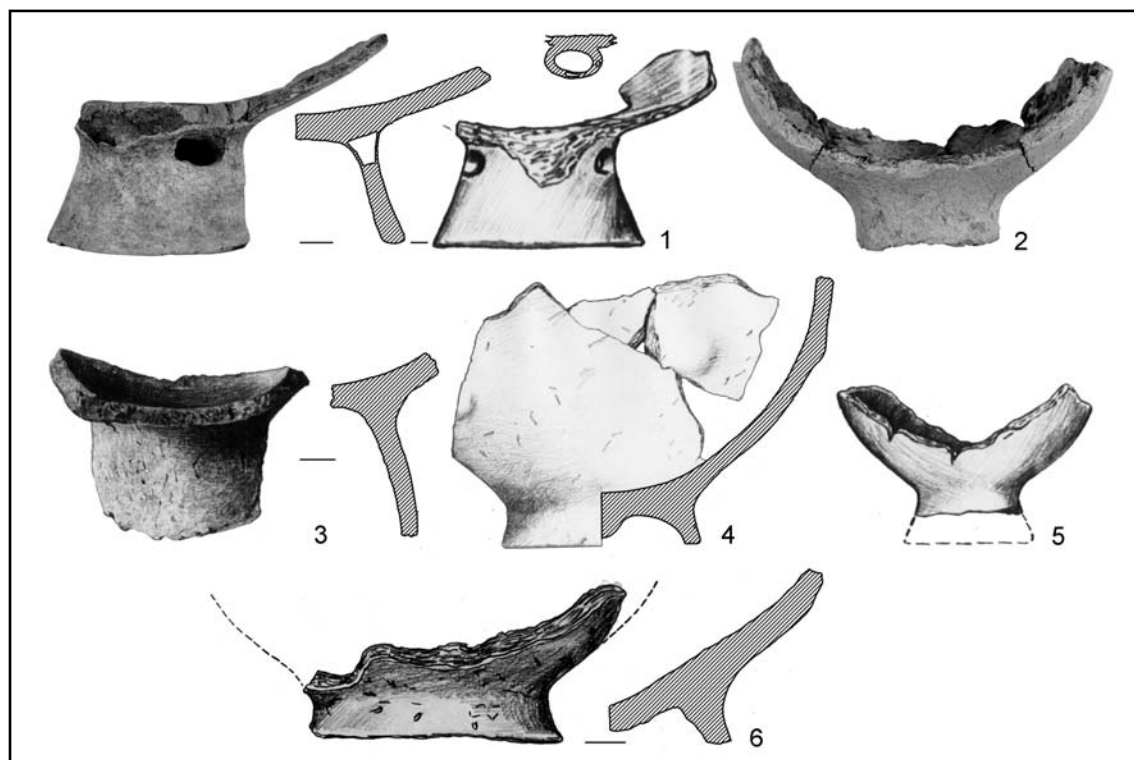

Рис. 15. Сакмар-Нишюлеш, фрагменты сосудов на поддонах. 1 — фрагмент сосуда с перфорированным поддоном; 2, 4, 6 — кольцевые поддоны; 3 — высокий изогнутый поддон; 4 — низкий конический поддон.

Fig. 15. Szakmár-Kisülés, fragments of pedestalled vessels. 1 — fragment of a perforated pedestalled vessel; 2, 4, 6 — foot ring; 3 — higher, curved pedestal; 4 — low conical pedestal.

с юга Альфёльда (большинство аналогий основывается на фрагментах керамики из поверхностных сборов). Если предполагать наличие связей с регионом Сегед и долинами реки Кёрёш, то возникает вопрос: почему рассматриваемые поселения вытянуты вдоль Дуная, а не Тисы? Возможное объяснение этому феномену было предоставлено исследованиями по археологии окружающей среды. Эти разработки показали, что большую часть территории к северо-западу от Сегеда занимали заболоченные земли. Они заполняли промежутки между песчаниками, расположенными по линии северо-запад — юго-восток, согласно направлению преобладающих ветров. Такие местообитания существуют даже сегодня в рассматриваемой здесь области, вдоль ручья Мать и в виде заболоченной местности вблизи от Часартельтеш и болота Вёрёш (Красного) близ Хайоша (Sümegi 2005; Szalontai 2012, Knipf, Sümegi в печати). Эти древние обводненные участки могли служить своего рода коридорами по направлению к пойме Дуная, расчленённой заводьями. Подобное местообитание могло предоставить природные условия для расселения, сравнимые с условиями пойм Тисы и Кёрёша.

3. Вариации моделей неолитизации: Западная Венгрия

Преднеолитический период в Задунавье

Большинство памятников Задунавья, относимых к мезолиту, датировалось на основании каменного инвентаря, в основном происходящего с поверхности. Лишь некоторые памятники раскапывались в прошлом, например, Сёдлигет-Вац (Gábori 1968) и Сексард-Паланк (Vértés 1962). В последние годы Вильям Айхманн и Тибор Мартон систематически пересмотрели считающиеся мезолитическими памятники, а также провели шурфовки и новые раскопки (Bánffy et al. 2007) (рис. 18).

Эти исследования в юго-западном Задунавье были начаты в 2003 году. В среднем течении реки Капош было открыто несколько потенциально мезолитических памятников, представляющих собой разрозненные скопления каменных орудий без неолитической или энеолитической керамики, расположенных вдоль стариц реки.

В 2005 году был начат другой проект, который состоял в исследовании отдельных

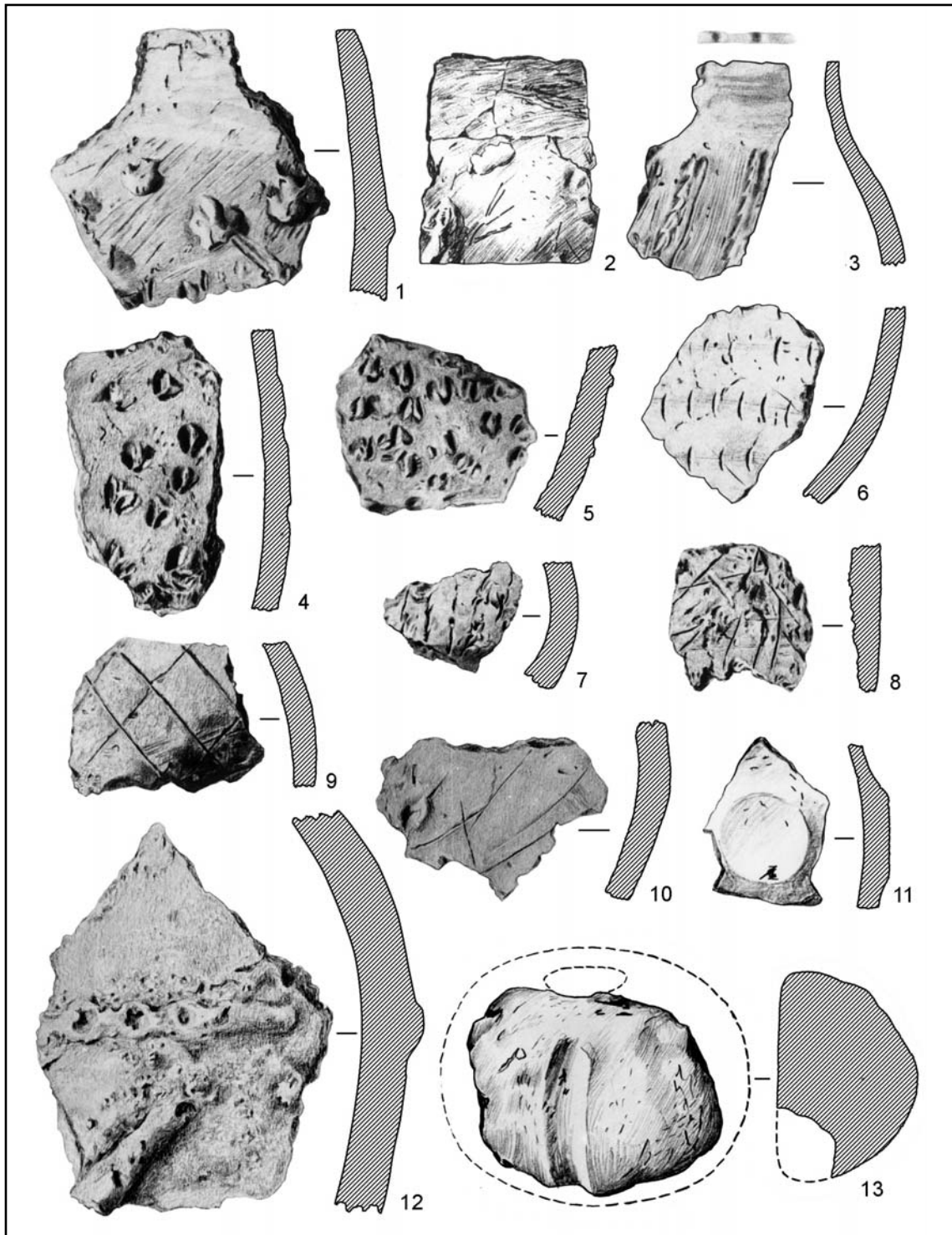

Рис. 16. Сакмар-Кишюлеш: типы декора и грузило. 1, 2, 8 — барботин; 3 — «колос»; 4—6 — защипы; 7 — орнамент, нанесенный раковиной; 9, 10 — сетка из врезных линий (решетка); 11 — плоский налет; 12 — валики с пальцевыми вдавлениями; 13 — грузило для сети.

Fig. 16. Szakmár-Kisülés: decorations and sinker. 1, 2, 8 — barbotine decoration; 3 — spike motif; 4—6 — nail and pinched decoration; 7 — mussel decoration; 9, 10 — incised net motif (lattice pattern); 11 — flat knob; 12 — applied ribs with finger incisions; 13 — sinker for fishing nets.

особенно перспективных памятников к югу от озера Балатон с целью выявления возможных мезолитических комплексов (Marton 2003) и взаимоотношений между позднемезо-

литическими — раннеолитическими (Старчево) группами. Проект предусматривал как исследования на поверхности памятников, так и их раскопки. Работа на памятнике Регей 2

№2. 2014

еще не завершена, но первые результаты уже были введены в научный оборот; в частности, были опубликованы каменные орудия, включающие трапеции и косые треугольники (Bánffy et al. 2007). Раскопки также позволили выявить округлое сооружение, которое может интерпретироваться в качестве хижины; работы, как мы надеемся, будут продолжены в запланированном порядке.

Другой памятник, исследованный возле Регёй, дал многочисленные каменные артефакты, среди которых примечательна высокая доля радиоларитов из горных районов Баконь (Сентгаль) и Мечек, а также два кусочка обсидиана, происходящие из северо-восточных регионов Карпатского бассейна. Типологически среди находок выделяются многочисленные, частично ретушированные микропластины и геометрические микролиты. На некоторых артефактах при рассмотрении под микроскопом заметен характерный блеск, что указывает на их использование в качестве вкладышей для серпов, которыми, вероятно, резали камыш, траву и другие растения. Раскопки на этом памятнике также позволили выявить округлый комплекс (хижину) (Eichmann et al. 2010). Дальнейшие исследования позволят закончить изучение этого сооружения, каменные орудия которого залегают *in situ*.

Находки, полученные в ходе работы по трем исследовательским проектам в западном Задунавье и в регионе озера Балатон, свидетельствуют, что эти территории являлись частью пограничной зоны между присваивающими и производящими сообществами середины VI тыс. до н.э. и дали начало длительному процессу взаимодействия между местными группами охотников-собираателей и носителями культуры Старчево, пришедшими с юга.

Если предположить наличие любых преднеолитических (то есть позднемезолитических) групп охотников-собираателей, проживавших на обширных территориях в Задунавье, то эти группы в середине VI тыс. до н.э. явно должны были столкнуться с совершенно новыми экологическими условиями. Так, в некоторые периоды озеро Балатон разделялось на два или три озера меньших размеров с чистой, холодной водой; когда климат стал теплее и влажнее, природные дамбы были прорваны, и даже север бассейна Тапольца стал частью озера (рис. 19). В такие периоды озеро разливалось и занимало территорию расположенных севернее и южнее, до реки Капош, долин, иногда вплоть до Дравы (Csényi 1992—93). В конце мезолита уровень воды

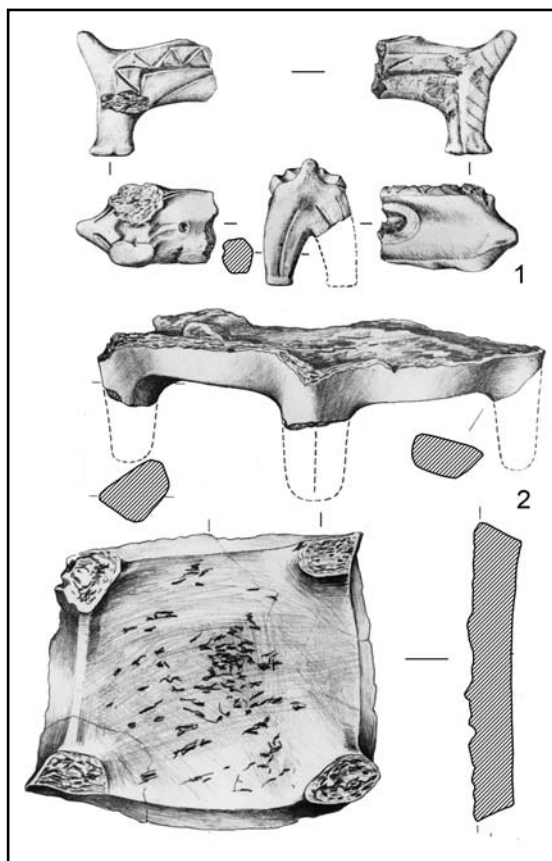

Рис. 17. Фигуративные находки. 1 — фрагмент зооморфного алтарика; 2 — прямоугольный алтарик.

Fig. 17. Figural finds. 1 — fragment of a zoomorphic altarpiece; 2 — rectangular altarpiece.

в озере был достаточно низок, существенно поднявшись лишь к 5500—5400 cal. BC. Наступление более влажного климата и подъем уровня воды в озере означает, что людям пришлось покинуть низкие берега и речные террасы, следуя за повышением уровня воды озера Балатон.

Несмотря на отсутствие хорошо исследованных мезолитических памятников в регионе, их наличие в Задунавье отчасти подтверждается некоторыми признаками. Подобным указанием являются свидетельства преднеолитического выжигания лесов (рис. 20), следы которого были обнаружены в Сентдёрдвельдь, возле поселения Питьердомб. Образцы почвы, взятые из полузатопленных, заболоченных берегов реки Сентдёрд, протекающей возле поселения, указали на преднамеренное выжигание лесов около 8771 BP (7936—7821 cal. BC) (Csényi, Nagy-Bodor 2005). Горелая органика и мелкомасштабная эрозия в данной местности показывает, что выжигание проводилось достаточно часто, примерно каждые 15—30 лет. Это явление подтверждается данными палинологии (Medzichradzsky 2001;

Рис. 18. Преисторическая шахта по добыче красного радиолярита в Сентгаль и место раскопок мезолита в Регей.

Fig. 18. Trandanubia, indicating the red radiolarite prehistoric mine at Szentgál and the current mesolithic excavation at Regöly.

Füzes 1989; Zólyomi 1980; Nagy-Bodor 1988; Berzsényi-Dálnoky 2005; Juhász 2002).

Палинологические профили бассейна Балатона и болотистой части региона Малый Балатон указывают, что в середине VI тыс. до н.э. произошел резкий рост доли лесного ореха и что около 5600 (т.е. непосредственно перед распространением КЛЛК) орех составлял 55% существующих древесных видов (Juhász 2002; 2005) (рис. 21). Ботанические анализы показали, что юго-западное Задунавье представляло собой рефугиум для ореха во время последнего ледникового периода, и что отсюда он распространился в другие части Карпатского бассейна. Все же сложно объяснить эту внезапную широкомасштабную экспансию вида без предположения об активном человеческом воздействии на окружающую среду. Представляется весьма вероятным, что интенсивный рост ореха был вызван расчисткой леса, которая создавала небольшие свободные участки, где могло произрастать это теплолюбивое дерево, дающее питательные и долго хранящиеся плоды. Сравнение частоты встречаемости ореха и злаков в палинологических диаграммах является очень показательным: они обратно пропорциональны. Рост пыльцы злаков сопровождается понижением количества пыльцы ореха в отложениях.

Рис. 19. Спутниковая фотография региона озера Балатон. Глубокие участки находились под водой в VI тыс. до н.э.

Fig. 19. Satellite image of the Lake Balaton region. Deep areas were filled with water in the 6th mill. BC.

В качестве еще одного указания на мезолитическое присутствие следует упомянуть находку преднеолитической лодки возле Кестей. Безусловно, она использовалась в те времена, когда береговая линия проходила в той области — предположительно, еще в мезолите (Bakay et al. 1966: 76). Наконец, отметим археологические свидетельства, такие, как давно уже находимые во время разведок микролитические трапеции и другие типы позднемезолитических орудий. Их датировка, на основе типологических особенностей, никогда не ставилась под сомнение (Mészáros 1948; Pusztai 1957; Dobosi 1972; Biró 1991). Долина реки Капош и бассейн Важонь, находящиеся севернее Балатона у рудника Сентгаль, особенно богаты подобными находками. Почти все обследованные до сих пор каменные орудия были изготовлены из красного радиолярита, происходящего из гор Баконь (рис. 22).

Распространение Старчево в Южном Задунавье

В неолитизации Задунавья решающую роль сыграла группа земледельцев-мигрантов, прибывшая с юга, из треугольника Дунай-Драва и, вероятно, переправившаяся через Драву с территории современной Хорватии (рис. 23). Носители культуры Старчево распространились в южной части Задунавья, включая Балатон, которая стала контактной зоной между переселенцами с Балкан и местным населением, принявшими участие в формировании КЛЛК.

Первым специалистом, который указал на присутствие Старчево в Южном Задунавье,

№2. 2014

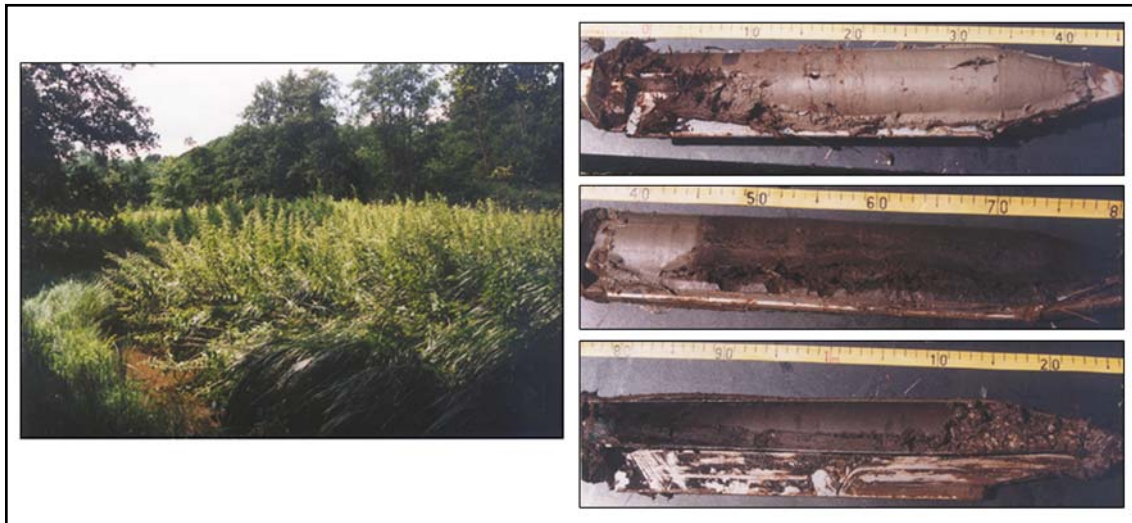

Рис. 20. Следы донеолитического выжигания лесов из бурений в Западном Задунавье.

Fig. 20. Traces of pre-Neolithic burning from borings in West-Transdanubia.

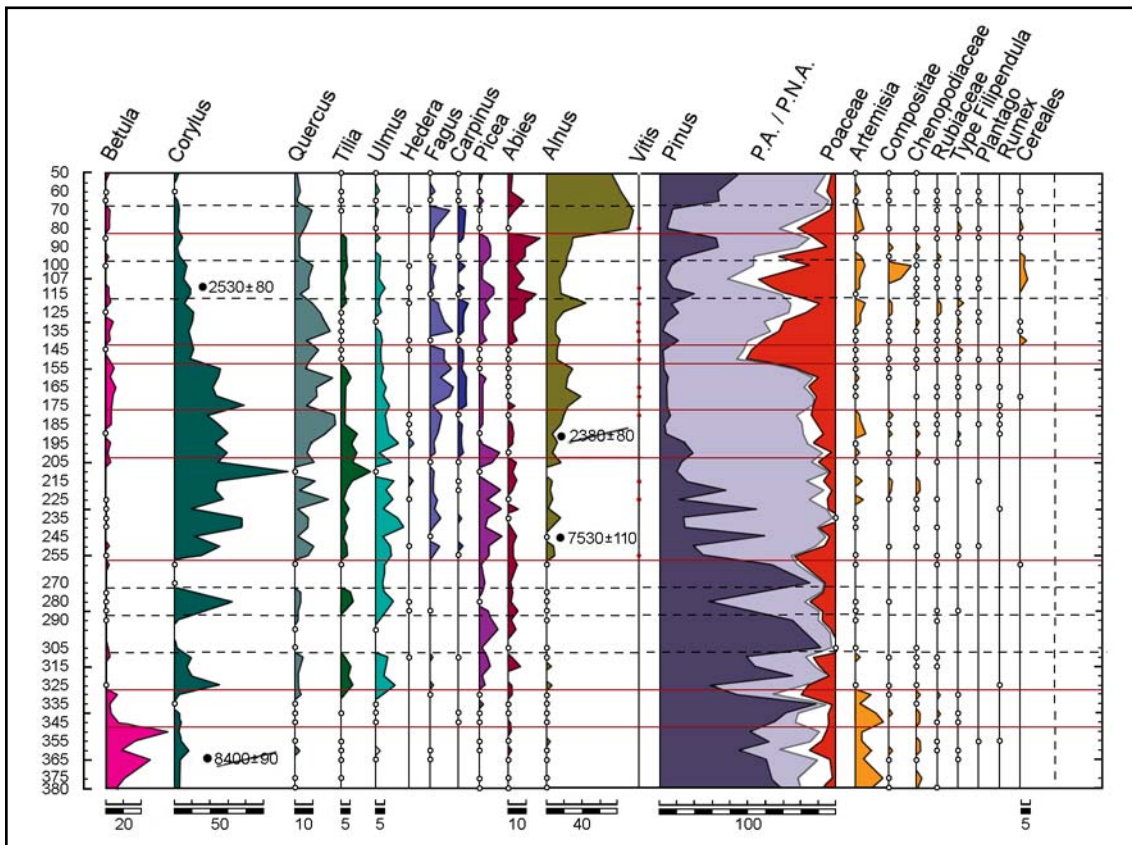

Рис. 21. Палинологическая секвенция из Балатонских болот.

Fig. 21. The pollen sequence from the Balaton marshland.

был Нандор Калиц, опубликовавший всю информацию по данному поселению в одной книге (Kalicz 1990). За последние два десятилетия были также опубликованы материалы с некоторых других памятников поздней фазы, датируемых серединой VI тыс. до н. э. (Simon 1996; Bánffy 2001; Kalicz et al. 2007; Regenye

2008). Все эти памятники представляли собой небольшие поселения с разрозненными ямами, полностью, таким образом, соответствуя картине, обрисованной Калицем.

Настоящим сюрпризом стало открытие и исследование памятника Старчево, проведенное между 2006 и 2009 гг. в ходе авто-

Рис. 22. Красный радиоларит из Балатонской возвышенности, гор Баконь, Сентгаль и окрестностей.

Fig. 22. Red radiolarite from the Balaton Uplands, Bakony mountains, Szentgál and vicinity.

магистрального проекта в юго-восточном Задунавье, когда были обнаружены многие неолитические местонахождения. При этом поселение и погребения из Альшоньек-Батасек сами по себе намного крупнее и значительнее, чем все остальные 30 памятников Старчево, известные до сих пор в Задунавье.

Пример 2. Поселение и погребения Старчево в Альшоньек-Батасек, юго-восточное Задунавье

Этот памятник находится в Южной Венгрии, располагаясь вдоль Дуная. Условия окружающей среды и особенности адаптации культуры Старчево здесь, на юго-восточном краю Задунавья, очень похожи на условия левобережья Дуная, плотно заселенного группами Кёрэш. Вплоть до холмов Сексарда правый берег Дуная представляет собой затопляемую пойму с пойменными озерами, которые часто оказываются под водой в дождливое время (Willis et al. 2000). Таким образом, памятник располагается в пограничной зоне (рис. 24), которая часто сложна для проживания, но благоприятна для контактов между различными группами населения и жизненными укладами.

В этом контексте удивительно отсутствие взаимодействия между носителями культуры Кёрэш на левобережье Дуная и группами Старчево со стороны Задунавья. Оба берега Дуная характеризуются очень схожими геоморфологическими и гидрологическими условиями. Приречный регион Шаркёз представлял собой достаточно однородный ландшафт до работ по регулированию речного русла —

Рис. 23. Памятники культуры Старчево в Северной Хорватии, Западной Сербии и Западной Венгрии (Задунавье). 1 — Мёж; 2 — Сексард; 3 — Альшоньек; 4 — Сюр; 5 — Донья-Браньевина; 6 — Сентдёрдь-вельдь.

Fig. 23. Starčevo sites in Northern Croatia, Western Serbia and in Western Hungary (Transdanubia). 1 — Mész; 2 — Szekszárd; 3 — Alsonyék; 4 — Szür; 5 — Donja Branjevina; 6 — Szentgyörgyvölgy.

т. е., возможно, и в VI тыс. до н. э. Здесь следует напомнить, что носители традиций культуры Старчево селились в очень похожих условиях к югу от региона Шаркёз, в северо-восточной Хорватии, где болотистый лёсс доминирует на границе с регулярно затопляемыми наносными почвами, на высоте в 90—200 метров (Šparica 2007: 25). Поселения культуры Старчево были также выявлены на высоких плато Срема (Petrović 1976: 11; 1985: 13), напоминая расположение синхронных памятников в регионе Сексард.

Несмотря на очень похожий, если не идентичный ландшафт, как мы видели выше, левый берег Дуная был очень плотно заселен исключительно носителями культуры Кёрэш. Интересно, что эти две группы — Кёрэш и Старчево, — изначально очень близкие, здесь не контактировали между собой. Пока не совсем понятно, чем объясняется данный феномен — изменениями в групповой иден-

Рис. 24. Пограничный ландшафт: пойма Дуная примыкает к задунайским холмам (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 24. A marginal landscape: the Danubian alluvial plain meeting the Transdanubian hillslopes (after Bánffy et al. 2010).

тичности с нарастающим отдалением друг от друга, или же небольшой хронологической разницей (Bánffy 2013b) (рис. 25).

Различное развитие этих групп прослеживается в расположении и предпочтениях при выборе мест для основания поселений. В ходе миграции на северные Балканы обе культуры (Кёрёш и Старчево) адаптировались к меняющимся условиям экологии и окружающей среды: плотно расположенные памятники культуры Кёрёш находятся за пределами водных местообитаний, в то время как более редкие поселения Старчево встречаются в разнообразной среде, в том числе на водоразделах вдали от воды. Необходимо подчеркнуть, что группы населения культуры Старчево заселяли как долины, так и холмистые участки южного Задунавья.

Огромное поселение в Альшоньек было раскопано не более чем на одну треть, но даже на этой площади удалось исследовать более 400 комплексов, которые четко относятся к культуре Старчево (Bánffy et al. 2010). Этот чрезвычайно богатый комплекс сооружений и находок указывает на то, что ранний неолит вдоль Дуная в юго-восточном Задунавье на самом деле находит много общего с восточно-славонским регионом распространения культуры, т.е. с регионом, ограниченным Дунаем, Дравой и Савой. Похоже, оба региона относятся к одной культурной общности.

Большинство раскопанных объектов представляет собой ямы разнообразных размеров и различной формы. Выделяются ямы меньших размеров, шириной 4—8 метров, с круглыми или овальными очертаниями. Другой

тип ям представляет собой нерегулярную систему углублений разнообразной формы, как в верхней части, так и у дна. Подобная конфигурация могла быть результатом многофункционального и длительного использования, сначала для добычи глины, а затем для выброса отходов (рис. 26). В неглубоком и единообразном заполнении не удалось зафиксировать какие-либо напластования, но все ямы содержали скопления обмазки — вероятно, остатки домов. Из этих ям происходит большинство находок: помимо многочисленной керамики и иногда фигурок, они содержали разнообразный набор костей животных, рыбы и раковин моллюсков. В некоторых ямах сохранился толстый слой раковин — возможно, остатки богатых трапез (рис. 27). Все эти объекты способны предоставить информацию о хозяйстве и пищевых стратегиях населения Старчево на данном памятнике.

Яма 800 (рис. 26), неправильной формы, достигала размера в 40 м, с глубиной от 1 до 3 м. В яме содержалось не менее 20 печей. Они залегали неравномерно, формируя две условные группы (возможно, производственные места) на разных глубинах и с различной степенью сохранности: группа печей, находившихся глубже остальных, испытала на себе воздействие подземных вод. Положение печей, вместе с анализом находок, способно помочь с точной датировкой комплекса.

Было исследовано около 20 ровиков в форме буквы U, иногда со столбовыми ямками, или части таких ровиков; они не образовывали какую-либо систему и, вероятно, обладали различным назначением, определить

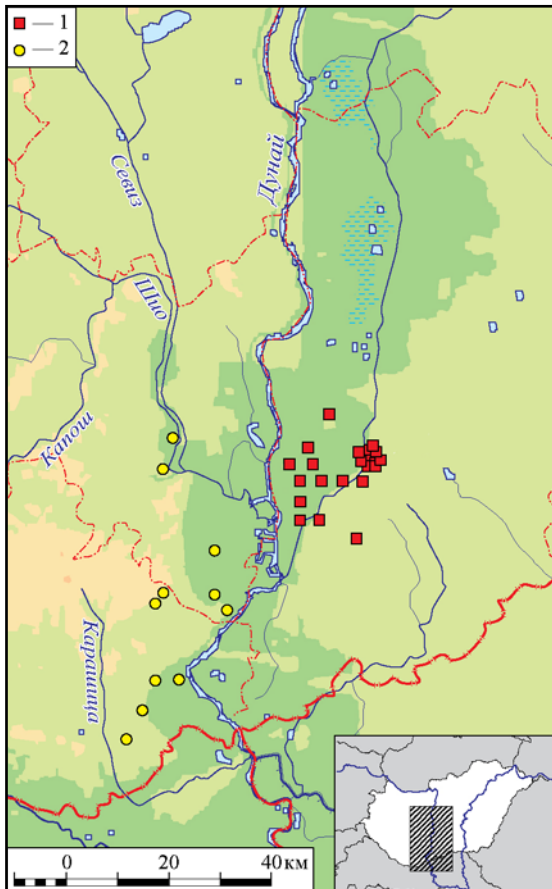

Рис. 25. Памятники типа Кёрёш (1) и Старчево (2) (включая Альшоньек-Батасек) вдоль Дуная (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 25. Kőrös sites (1) and Starčevo sites (2) (including Alsónyék-Bátaszék) along the Danube (after Bánffy et al. 2010).

которое сейчас не представляется возможным. Некоторые располагались параллельно друг другу и зачастую заканчивались в яме больших размеров — по всей видимости, они могли использоваться для отвода дождевой воды. Другие ровики могли иметь оградительные функции.

Сложно представить себе такое огромное поселение без наземных жилищ, на наличие которых указывает большое количество кусков обмазки. Остается предположить, что, к сожалению, участок, где они были расположены, остался не раскопанным.

Всего было обнаружено около 60 печей, часть которых была углублена в землю. Около половины из них имели овальную форму, остальные были удлиненными и цилиндрическими, похожими на трубы.

Овальные печи, вероятно, использовались для приготовления пищи. Обычно они впущены глубоко в ямы и могут встречаться группами (рис. 28). Особый подтип этих печей обладал своего рода вытяжными трубами, направленными вверх (рис. 29). Возле отдельных

печей находились ямы с золой, в которых довольно часто встречались разрозненные кости человека или даже целые скелеты в анатомическом порядке.

Удлиненные, трубчатые печи представляют собой второй тип печей культуры Старчево на поселении (рис. 30). В некоторых случаях они достаточно быстро переставали использоваться — возможно, из-за конструктивного брака. Внутри них встречаются фрагменты сосудов больших размеров.

К культуре Старчево с уверенностью отнесено 20 погребений. Еще 10 могут датироваться тем же временем с определенной долей вероятности. Из этих костяков были взяты образцы для датировок по ^{14}C . В целом, расположение погребений на поселении довольно беспорядочно, но в некоторых случаях выделяются группы из 2—3 находящихся близко друг к другу скелетов, которые могли быть взаимосвязаны. Некоторые погребения были совершены в неглубоких ямах или возле печей. Эти захоронения сложно считать тщательными. В яме 800, упомянутой выше, были разбросаны несколько черепов, а также многочисленные кости. Многие скелеты были обнаружены в необычном, скрученном положении. Непотревоженные костяки, как правило, были скорчены, но ни один из них не лежал по какой-либо строгой ориентировке. Погребальный инвентарь отсутствовал, за исключением небольшого сосуда, положенного в руки одного из погребенных.

Похоже, погребения возле печей довольно многочисленны. Некоторые скелеты были обнаружены внутри или под печами, или даже перед печными отверстиями (рис. 31). В отдельных случаях лежащим на нагреваемой площадке телам придавалось сильно скорченное или даже «свернутое» положение, чтобы они поместились внутри печи. Ни в одном случае на этих скелетах не были обнаружены следы огня: на момент совершения погребений все эти печи больше не использовались. Подобный погребальный контекст нуждается в интерпретации, так как этот обычай, определенно, имел большое значение для общины Старчево из Альшоньек.

Количество и значение керамики огромно, в особенности при сравнении с известными до сих пор находками из других задунайских поселений культуры Старчево (Kalicz 1990: 83). Обычно в керамике карпатского раннего неолита наблюдаются обильные органические примеси (в основном древесина), а сама она красного или коричневого цвета, иногда с более темной верхней частью (рис. 32: 1—7).

Рис. 26. Поселение культуры Старчево в Альшоньек-Батасек: обширная система ям и печей (включая яму 800) (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 26. The Starčevo settlement at Alsónyék-Bátaszék: extended system of pits and hearths (including pit 800) (after Bánffy et al. 2010).

Рис. 27. Альшоньек-Батасек: скопление раковин (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 27. Alsónyék-Bátaszék: a pile of mussels (after Bánffy et al. 2010).

Структура черепка в изломе, с черной средней частью, указывает на использование низкотемпературного обжига. Часто встречается ангоб и заглаживание поверхности.

Среди сосудов меньших размеров встречаются глубокие миски с полукруглым, би-

коническим и S-видным профилем (рис. 32: 3—7), часто на низких поддонах или даже кольцах. Сосуды с резким профилем имели вогнутую верхнюю часть (рис. 33: 7). Этот признак хорошо известен в керамике поздней Старчево и формативной КЛЛК (напр.,

Рис. 28. Альшоньек-Батасек: печи, впущенные в ямы (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 28. Alsónyék-Bátaszék: subterranean ovens, dug inside pit walls (after Bánffy et al. 2010).

Рис. 29. Альшоньек-Батасек: печи с вытяжными трубами, впущенные в ямы (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 29. Alsónyék-Bátaszék: subterranean oven with airing tubes, dug inside pit-walls (after Bánffy et al. 2010).

из Сентдьердьвельдь-Питьердомб) (Bánffy 2004: 226).

Сосуды больших размеров имеют шаровидное тулово с цилиндрической или полусферической горловиной. Часто встречаются крупные полусферические миски. Сходные

фрагменты известны из комплексов задунайской формативной КЛЛК и восходят к традициям Старчево (Bánffy 2004: 117, 123). На всей поверхности шаровидных сосудов, как правило, присутствует рассыпанный или, чаще, каннелированный барботин, во многих случаях сочетающийся с рядами пальцевых вдавлений. Относительно редко встречаются организованный барботин, заципы, врезные линии или сетка.

Значительная часть керамики является расписной. Чаще всего используются спиралевидные мотивы, указывающие на позднюю датировку в рамках культуры Старчево (рис. 33: 3—10). В некоторых случаях спиральный орнамент нанесен черной краской на красный фон; есть также фрагменты, на которых черные или коричневые спиралевидные фигуры снабжены белой каймой по обеим сторонам (рис. 33: 1, 2). На территории Венгрии это первая полихромная керамика с раскопок памятника Старчево. До этого был известен лишь один похожий фрагмент — находка с поверхности поселения в Задунавье (Kalicz, Makkaу 1972).

На поселении было обнаружено значительное количество глиняных фигурок. Самым ча-

Рис. 30. Альшоньек-Батасек: трубовидные печи на поверхности (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 30. Alsónyék-Bátaszék: tubular surface ovens (after Bánffy et al. 2010).

Рис. 31. Альшоньек-Батасек: погребения в печах, впущенных в ямы (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 31. Alsónyék-Bátaszék: burials inside ovens, dug inside pit walls (after Bánffy et al. 2010).

сто встречающимся типом являются фрагменты стеатопигичных статуэток (рис. 34: 4—9), изготовленных из двух половинок, соединенных с помощью небольшой деревянной палочки внутри, на присутствие которой указывает маленькое отверстие на внутренней стороне (рис. 34: 5). Одна из фигурок была окрашена красной краской (рис. 34: 7). Уникальной является верхняя часть статуэтки, покрытой красным ангобом (рис. 35).

Из зооморфных изображений были обнаружены многочисленные и разнообразные т.н. алтарики в виде животных, иногда с сосудом, расположенным на спине животного (рис. 36). Помимо следов разбитого «сосуда», примечательно очень глубокое отверстие в зооморфном теле. Отметим также голову животного на одном из концов фигурки, похожую на другие изображения голов на алтариках Старчево. Чрезвычайно интересно, что еще две, скорее всего, аналогичные головки

находились на противоположном окончании фигурки. Похоже, выдвинутая ранее гипотеза, согласно которой такие изображения четко соотносятся с прямоугольными алтарями с головой животного на каждой из сторон (Bánffy 2002: 55—56), на этот раз подкрепляется выдающейся находкой, не с двумя или четырьмя, а с тремя головами. Помимо зооморфных типов, часто встречаются и обычные для раннего неолита глиняные алтари.

Достаточно обширна коллекция каменных орудий, состоящая из пластин микролитических и средних размеров (часто со следами использования на поверхности). Сырье для большинства из этих орудий происходит из близлежащих гор Мечек. Некоторые находки из радиолярита происходят из Балатонской возвышенности, как правило, из области Сентгаль (Biró, Regénye 2007: 264). В некоторых случаях был обнаружен токайский обсидиан, который довольно часто встречается

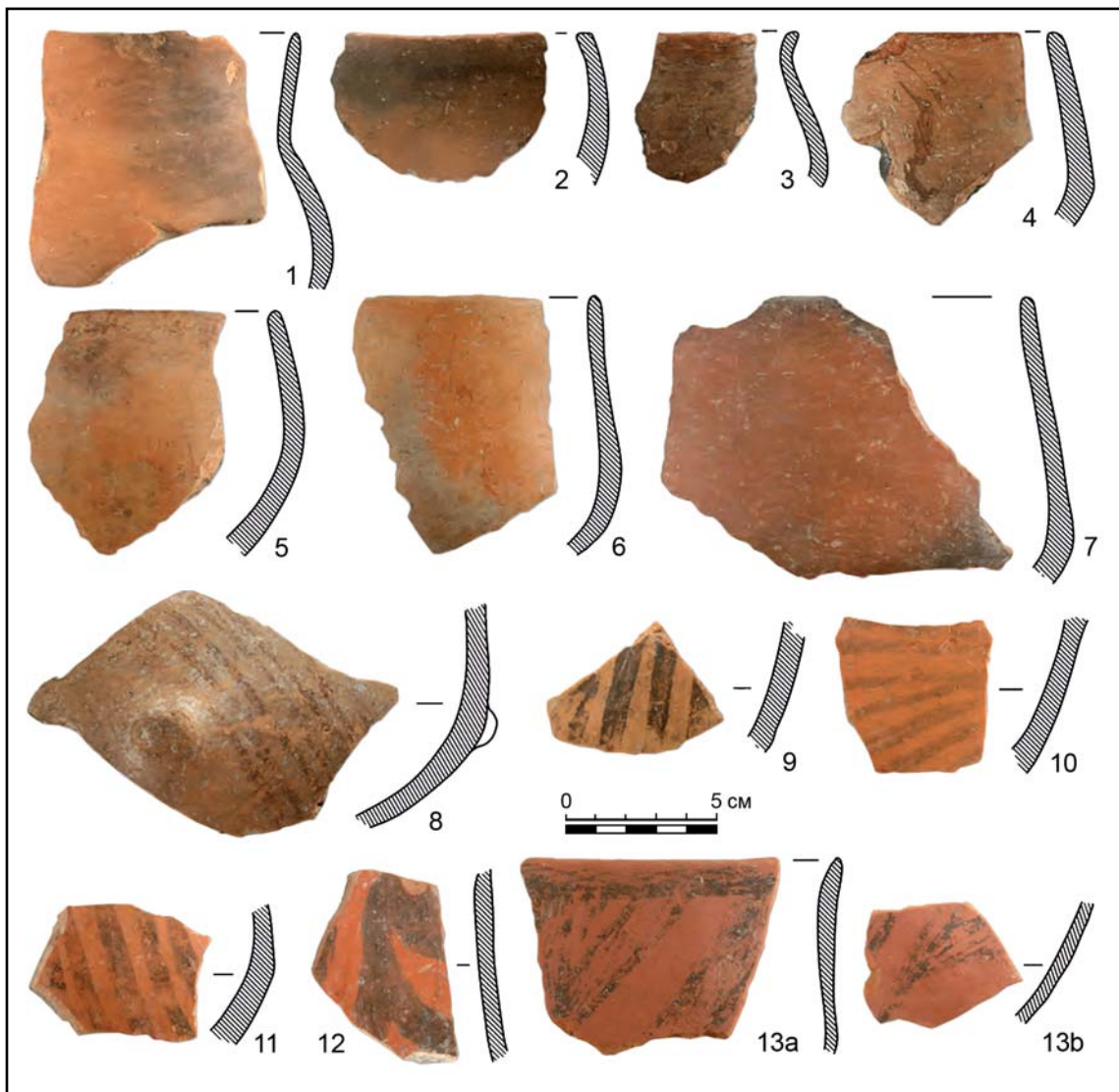

Рис. 32. Альшоньек-Батасек: фрагменты керамики (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 32. Alsónyék-Bátaszék: pottery fragments (after Bánffy et al. 2010).

ся во всем ареале распространения культуры Старчево, включая территории Сербии и Хорватии (Tripković 2004: 165, 172). Помимо кремня, есть многочисленные орудия из шлифованного камня и кости.

Для более точного датирования и построения внутренней хронологии, помимо анализа керамики, будут использованы датировки AMS ^{14}C , образцы для которых были взяты в основном из погребений Старчево.

Процесс неолитизации в Западном Задунавье

Последние исследования неолита западного Задунавья и находки, полученные в ходе работ по трем микрорегиональным проектам, сделали более чем вероятными выводы о принадлежности восточного Задунавья

и Балатона к пограничной зоне в середине VI тыс. до н. э. и о формировании длительных взаимодействий между местными группами охотников-собирателей и переселенцами Старчево с юга (рис. 37). Археологическое наследие этих общин Старчево было, тем не менее, во многом отличным от комплексов типа Альшоньек. Эти поселения разрозненны, небольших размеров, с малочисленными находками, зачастую неважного качества (Kalicz et al. 1998). Они, скорее всего, носят маргинальный характер и оконтуривают северную границу этой обширной северобалканской культуры.

Вероятно, существовавшее позднемезолитическое растениеводство расширилось в сторону выращивания окультуренных растений после контактов с группами Старчево, и тогда местное население также начало копиро-

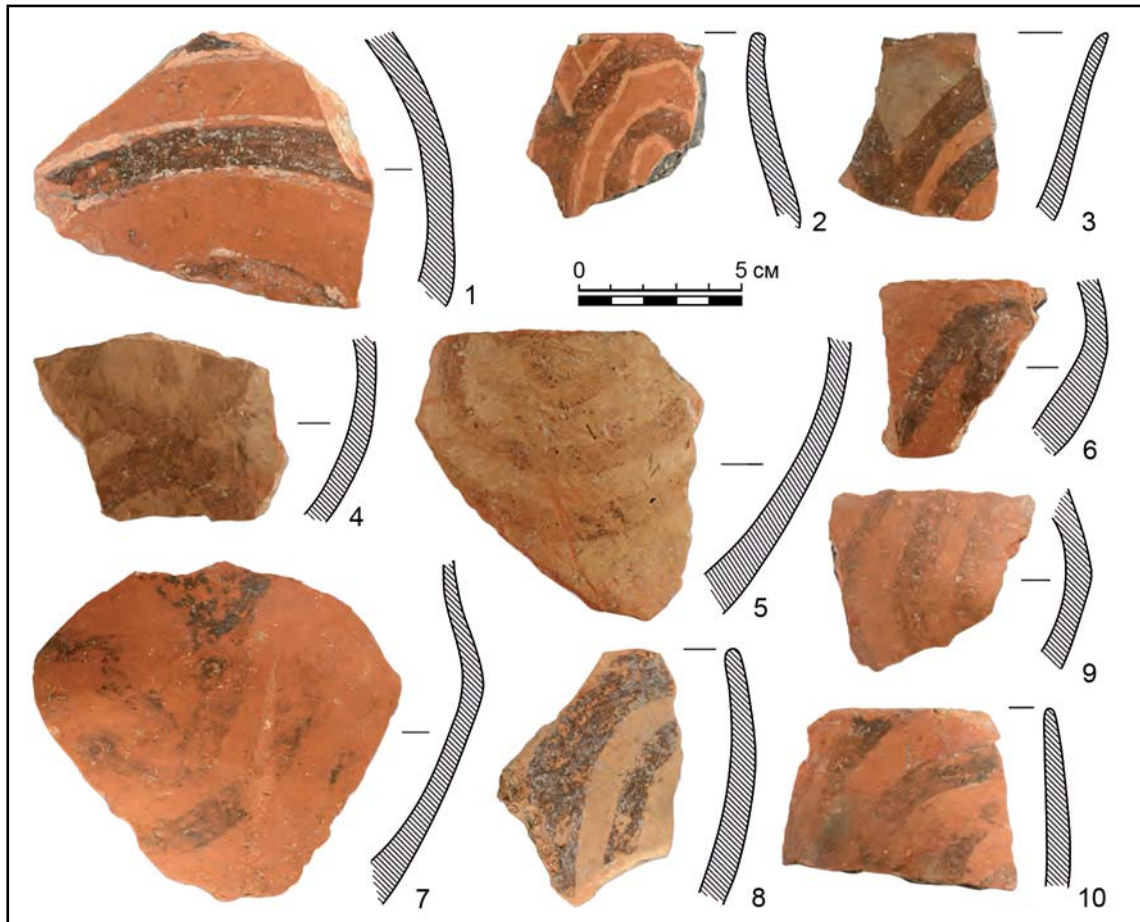

Рис. 33. Альшоньек-Батасек: черный и полихромный расписной орнамент на сосудах (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 33. Alsónyék-Bátaszék: black and polichrome painted decorations on vessels (after Bánffy et al. 2010).

вать посуду иммигрантов. Результатом взаимодействия между этими двумя группами явилось появление генетически смешанного населения, которое вскоре колонизировало северное Задунавье вдоль долин Марцаль, Рабы и Дуная. Позже это население продвинулось дальше по Дунаю в восточную Австрию, юго-западную Словакию, южную Моравию и в самое сердце Центральной Европы, где оно сыграло активную роль в распространении оседлого, земледельческого образа жизни (рис. 38).

Адаптация к изменяющимся условиям являлась как выбором, так и суровой необходимостью для всех. Приспособление к холодному и влажному альпийско-атлантическому климату Задунавья с его сильными снегопадами в зимнее время наверняка стало серьезным испытанием для балканских иммигрантов. Такие памятники, как Питьердомб и Гелленхаза, а также, вероятно, Брунн II возле Вены, находки с которых имеют корни в традициях Старчево, указывают, что это население смогло приспособиться к новым условиям. С другой стороны, отдельные группы

Старчево селились также и в болотистой местности вдоль озера Балатон, представляющей собой не менее серьезный вызов переселенцам с юга. Поселения в Вёрш-Мариассоньсигет и Тихань-Апатии отображают этот второй тип адаптации (Kalicz et al. 1998; Regenye 2008).

Подъем уровня воды в Балатоне привел к тому, что все некогда существовавшие на его берегах мезолитические поселения сейчас затоплены (Zatykó et al. 2007). Пристальное рассмотрение расположения множества раннеолитических памятников вокруг озера показывает, что они находились непосредственно вдоль измененной береговой линии, в болотистой местности или на островках в тот период, когда уровень воды был выше, чем сегодня (рис. 39). В целом, подобное расположение поселений повторяет мезолитическое. Все они находятся непосредственно возле воды, в непригодных для земледелия условиях. Таким образом, представляется возможным, что большинство из 65 известных поселений, располагающихся прямо на берегу в заболоченной местности, были на самом деле засе-

Рис. 34. Альшоньек-Батасек: фрагменты стеатопигичных женских фигурок (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 34. Alsónyék-Bátaszék: fragments of steatopyg female figurines (after Bánffy et al. 2010).

лены общностями охотников-собирателей, и что немногочисленные группы балканских иммигрантов принимали решение поселиться именно в этих зонах, находившихся под контролем местного населения. Если события развивались таким образом, то часть «исчезнувшего» мезолитического населения оказывается найденной. Подобный сценарий также подразумевает преимущественно мирные отношения между группами Старчево и аборигенным населением.

Как ни странно, несмотря на расположение памятников в непригодной для выращивания растений среде, макроботанические находки с поселений самой ранней фазы указывают на присутствие достаточно большого разнообразия культивируемых видов. Помимо однозернянки (*Triticum monocosmum*) и спельты (*Triticum diococcum*), образцы из Питьердомб

содержали остатки мягкой пшеницы (*Triticum aestivum*) и ячменя (*Hordeum vulgare*), а также съедобную обыкновенную марь (*Chenopodium album*). Количество остатков этих видов было немногочисленным, в каждом случае не более 20. Это может указывать, что растениеводство в западном Задунавье и в окрестностях Балатона не превышало мезолитического уровня: спектр растений, выращиваемых на открытых пространствах между жилищами и на узких полосах вдоль берега, попросту расширился за счет видов, перенятых от общин Старчево вместе с навыками их культивации. Несмотря на то, что внедрение домашних растений привнесло *качественные* изменения, это не привело к количественным изменениям на ранней ступени неолитизации, в особенности в отношении образа жизни.

№2. 2014

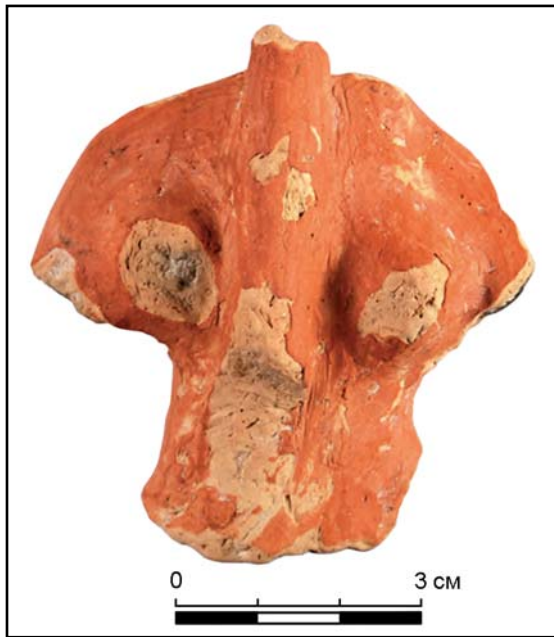

Рис. 35. Альшоньек-Батасек: фрагмент женской фигурки с красноватым ангобом (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 35. Alsónyék-Bátaszék: fragment of a red slipped female figurine (after Bánffy et al. 2010).

Рис. 36. Альшоньек-Батасек: фрагмент зооморфного алтарика (по Bánffy et al. 2010).

Fig. 36. Alsónyék-Bátaszék: fragment of a zoomorphic altarpiece (after Bánffy et al. 2010).

Мезолитическое влияние можно предполагать и для ранних традиций домостроительства (Bánffy 2013a). Немногочисленные известные памятники указывают на то, что мезолитические постройки Задунавья не отличались от традиций, присутствующих в других областях Центральной Европы. При том, что отсутствуют какие-либо данные о наличии землянок в мезолите, обнаруженные сооружения часто имеют четкое северное направление. Возможно, в будущем будут обнаружены небольшие временные стоянки или же более долговременные стойбища с жилищами

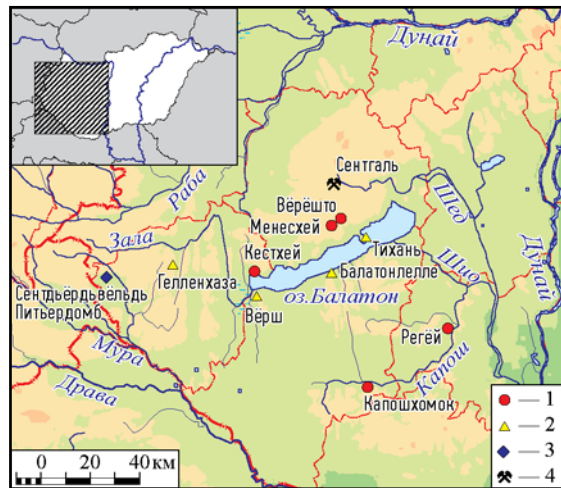

Рис. 37. Карта Задунавья: 1 — мезолитические памятники; 2 — памятники Старчево; 3 — поселение формативной КЛЛК в Сентдьёрдьвельдь-Питьердомб; 4 — место добычи кремня в Сентгаль.

Fig. 37. Transdanubia: 1 — Mesolithic sites; 2 — Starčevo sites; 3 — the formative LBK site at Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb; 4 — mine of Szentgál.

вдоль западного берега озера Балатон (возможно, некоторые затопленные поселения) и среди холмов Зала. Северное ориентирование ранних жилищ КЛЛК может быть также связано с предшествующими, позднемезолитическими центральноевропейскими представлениями, поскольку самые ранние дома времени формативной КЛЛК направлены строго на север. Но эта традиция может быть прослежена только в наиболее ранней архитектуре Задунавья и Центральной Европы. Это является аргументом в пользу дунантульского происхождения длинных домов КЛЛК.

На ранней фазе дома КЛЛК были однокомнатными, с более поздними пристройками с севера и юга. Учитывая большие размеры жилищ, они были снабжены плотными рядами столбов. Как внутри жилища, так и в ямах снаружи (которые, вероятно, снабжались своеобразной защитной крышей, особенно в северной части), концентрировалась разнообразная деятельность. Эти особенности должны объясняться прежде всего климатическими причинами, при второстепенной роли культурных традиций.

Контакты и взаимодействия между местными охотниками-собирающими позднего мезолита и иммигрантами с Балкан, так же как и сформировавшиеся на этой основе общины, смогли быть впервые засвидетельствованы, когда в западном Задунавье был обнаружен памятник, на котором были представлены следы всех этих трех типов населения.

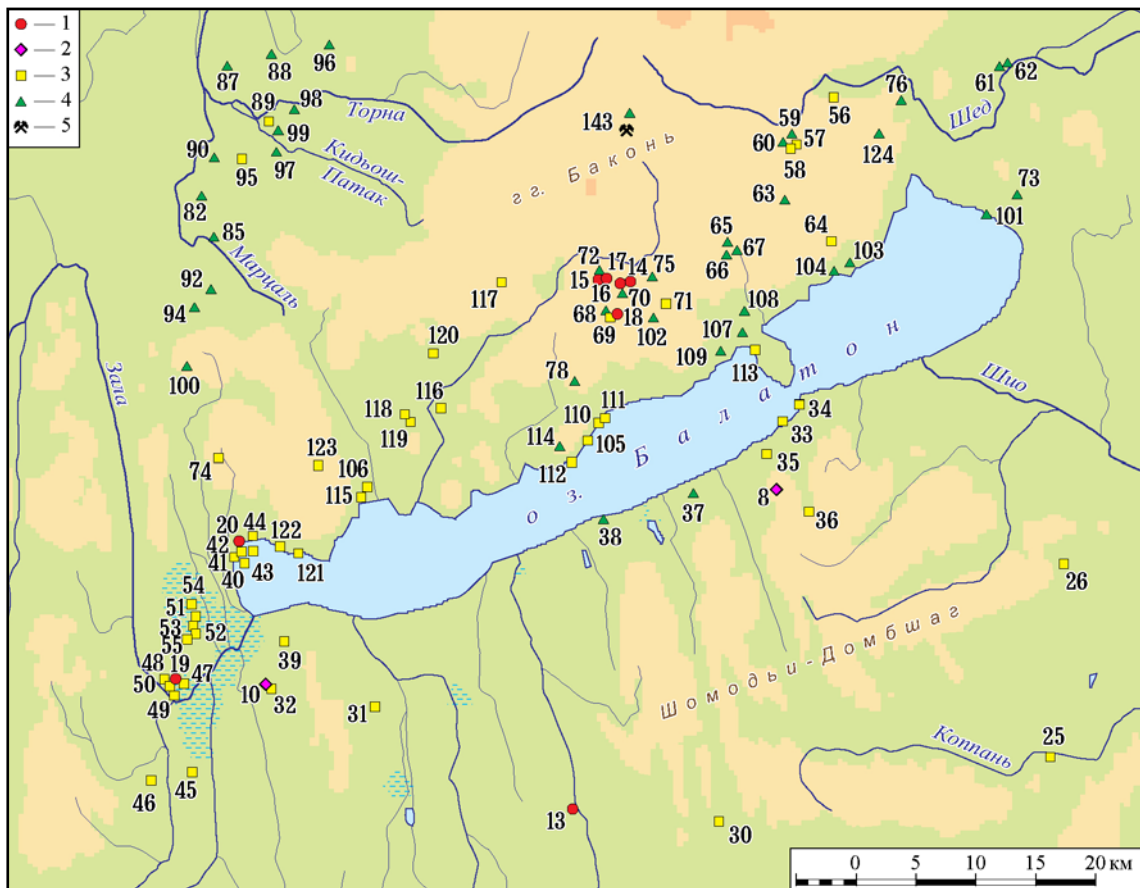

Рис. 38. Взаимодействие различных групп у озера Балатон. 1 — мезолит; 2 — Старчево; 3 — формативная КЛЛК; 4 — развитая КЛЛК; 5 — места добычи сырья.

Fig. 38. Result of interaction of different groups in the Balaton region. 1 — Mesolithic sites; 2 — Starčevo sites; 3 — formative LBK sites; 4 — developed LBK sites; 5 — mines.

Пример 3. Открытие наиболее ранней, формативной фазы КЛЛК в Сентдёрдьвельдь-Питьердомб

Далее будут представлены комплексы и находки с памятника, который стал первым представителем новой и прежде неизвестной фазы — формативной КЛЛК. После обнаружения Сентдёрдьвельдь-Питьердомб появилась возможность идентификации десятков поселений, относящихся к той же формативной фазе КЛЛК в регионе Балатон — тех, которые раньше относили либо к культуре Старчево, либо к ранней КЛЛК. В этом смысле поселение Питьердомб дало ответы на многие вопросы, связанные с переходом от балканского раннего неолита к КЛЛК и, вместе с тем, с неолитизацией Центральной Европы.

Это поселение предоставило поразительную смесь трех культурных компонентов. Во-первых, это настоящие центральноевропейские длинные дома. Во-вторых, это, судя по всему, подлинные керамические типы и орнаментация Старчево с очень незначительным

количеством признаков КЛЛК. Наконец, в качестве третьего компонента можно назвать каменный инвентарь, обнаруживающий большое сходство с кремневой индустрией позднего мезолита, сырье для которого добывалось исключительно на Балатонской возвышенности (сентгальский радиолярит), на расстоянии около 200 км.

Поселение Сентдёрдьвельдь-Питьердомб было открыто в долине р. Керка, недалеко от границы со Словенией (рис. 37). Памятник расположен на высоте в 220 метров на склоне холма, который спускается к затопляемому болотистому пространству, пересекаемому извилистым потоком Сентдёрдь.

Поверхностный обзор площади поселения выявил два отдельных скопления археологических остатков. Это наблюдение подтвердилось раскопками, которые покрыли примерно 1000 кв. м., что соответствует настоящей площади небольшого поселения (рис. 40). На плане эти два скопления отмечены фигурами без заливки. Каждая из этих двух зон содержала остатки жилища, ям по добыче гли-

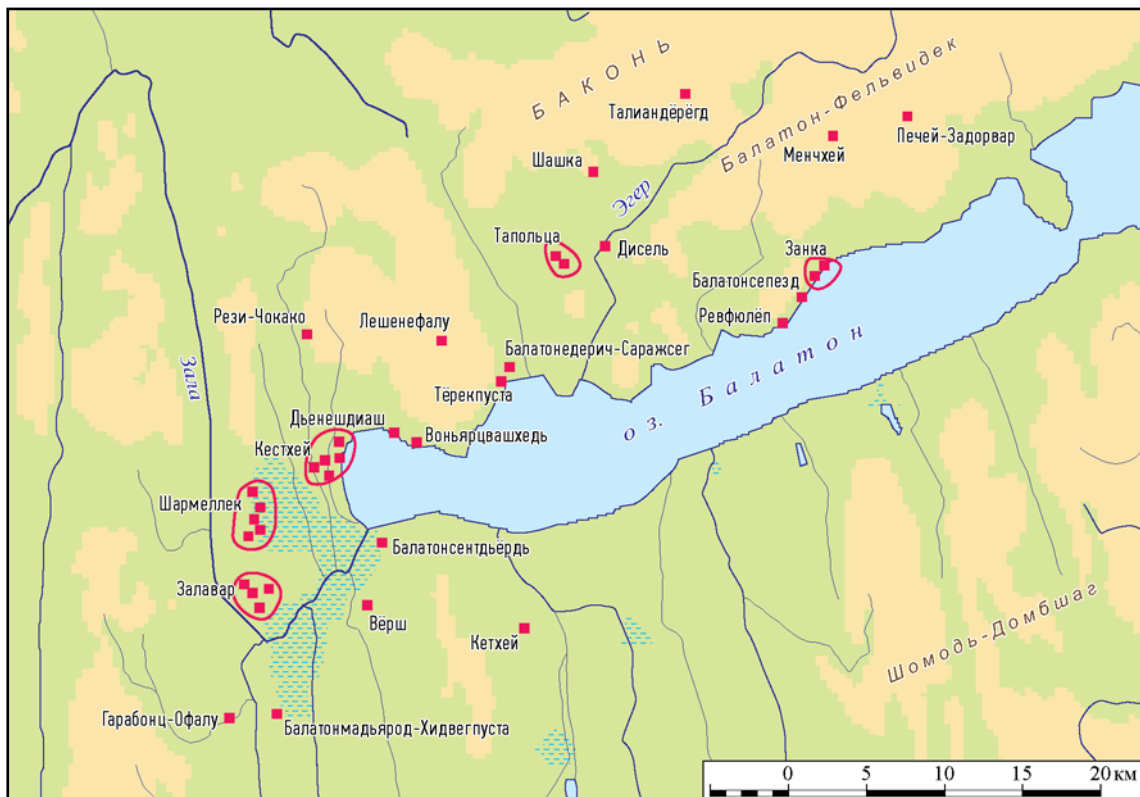

Рис. 39. Расположение недавно обнаруженных памятников формативной КЛЛК у озера Балатон.

Fig. 39. Location of newly identified formative LBK sites around Lake Balaton.

ны, мусорных ям и очагов. Места концентрации археологических комплексов или жилищ находились на расстоянии 33 м друг от друга и ни внимательный поверхностный осмотр, ни дополнительные шурфовки не позволили открыть какие-либо новые сооружения на этом пустом пространстве (рис. 41).

На основе обнаруженных находок и сооружений относительно хронологию этих жилищ установить не удалось. Следовательно, существует возможность, что жилища не использовались в одно и то же время. Специалистами неоднократно высказывалось предположение, что дома самых ранних поселений КЛЛК заселялись максимум на два поколения, т.е. жилище могло существовать 15—20 лет. Значит, теоретически возможно, что и в Питьердомб, после разрушения старого, было построено новое жилище. Тем не менее, более вероятным является одновременное существование этих домов, каждый из которых был заселен членами малой семьи. Это соответствует типичной структуре заселения пространства на этапе формативной КЛЛК: чаще это широкая цепь усадеб, иногда расположенных достаточно далеко друг от друга, а не крупные закрытые поселения.

Одновременность существования этих двух жилищ не исключается и расстоянием

между ними. Мы знаем, что ранние поселения КЛЛК характеризуются достаточно крупными свободными пространствами между жилищами. На поселении в Лангвайлер, например, два одновременных жилища располагались на расстоянии в 66 метров друг от друга; в Мохельнице расстояние между ранними жилищами варьировало от 10 до 25 метров; в Гологлавах, в восточной Чехии, три жилища ранней КЛЛК разделяли пространства от 35 до 40 метров (Lüning 1982: 147—148; Coudart 1998: 108; Stäuble 1994; 1997; Tichy 1998: 50; Pavlů 1981; Pavlů, Vokolek 1992: 83—84). Учитывая эти параллели, расстояние в 33 метра между жилищами в Питьердомб не кажется столь большим.

Другим аргументом в пользу синхронности жилищ является объем рабочей силы, необходимой для их постройки. Так, мы можем предположить, что в каждом жилище проживало 8—10 человек (см. размеры жилищ на рис. 42—44). По подсчетам И. Люнинга, в Питьердомб, где сохранилась лишь средняя часть жилищ, центральные балки весили около 500 кг, а для поднятия такого веса необходимы усилия семи или восьми человек (Lüning 1982). Для выкапывания ям по добыче глины необходима такая же рабочая сила.

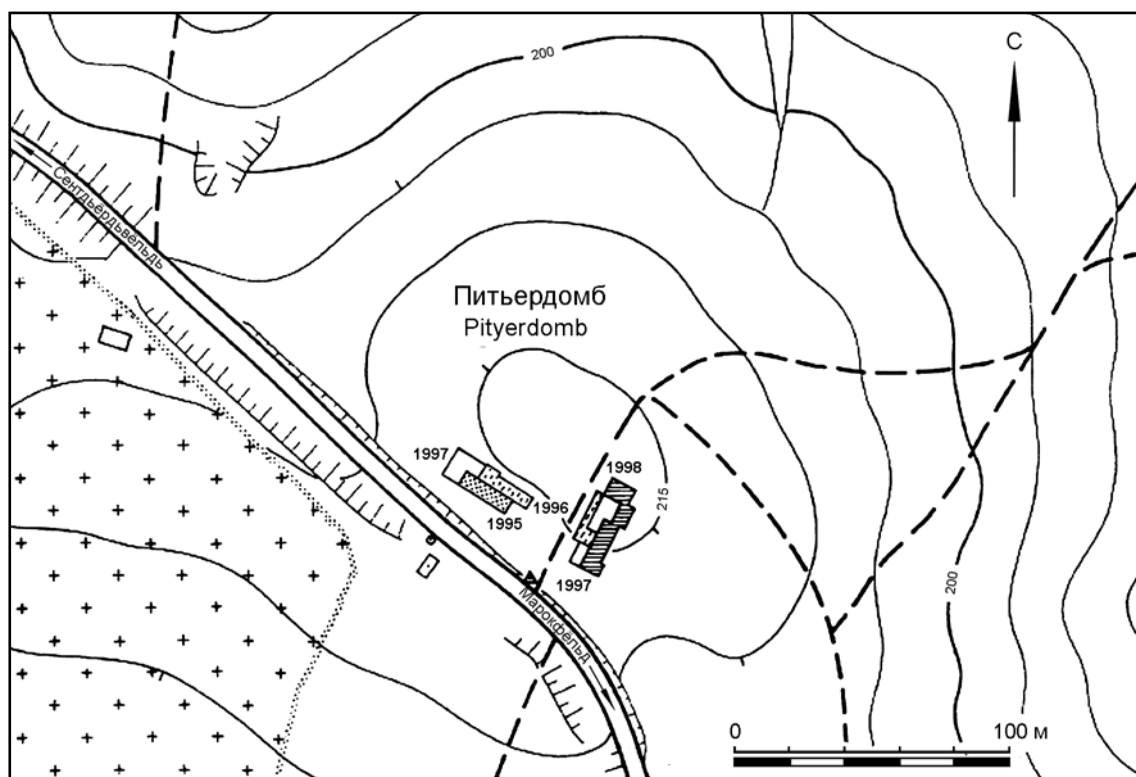

Рис. 40. Сентдёрдьвёлдь-Питьердомб. План местности вокруг поселения с обозначением раскопанных площадей.

Fig. 40. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Contour map showing the excavated area.

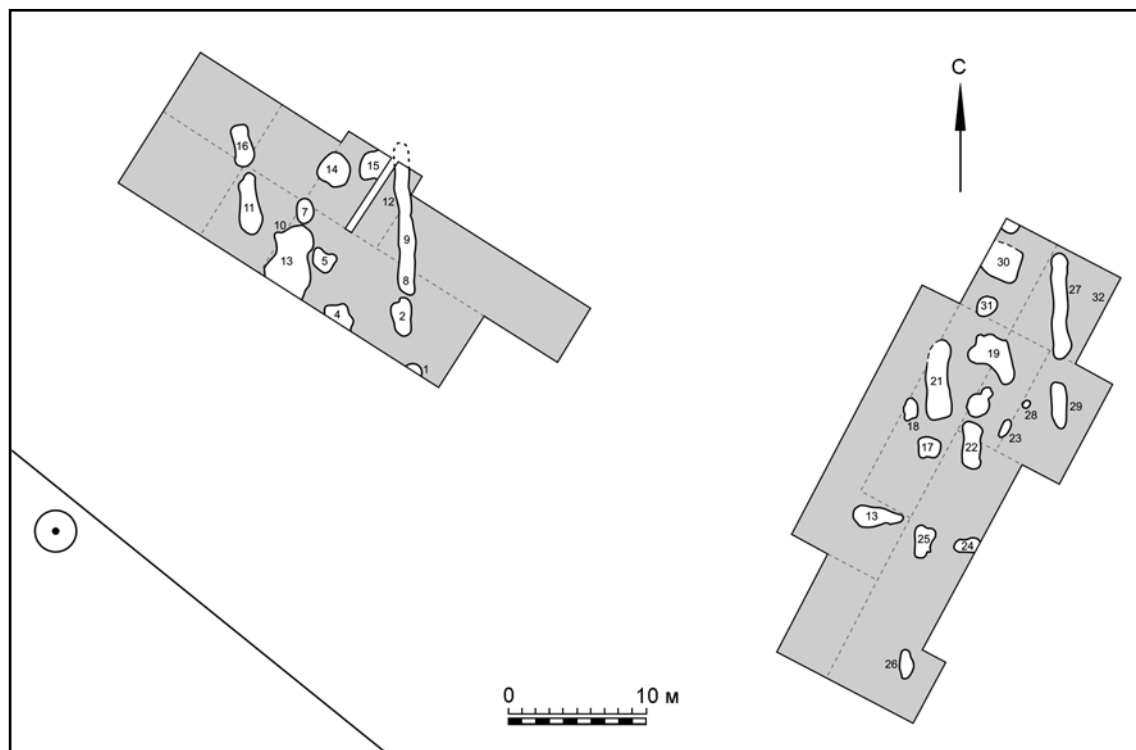

Рис. 41. Сентдёрдьвёлдь-Питьердомб. Остатки двух жилищ.

Fig. 41. Szentgyörgyvölgy- Pityerdomb. Remains of the two houses.

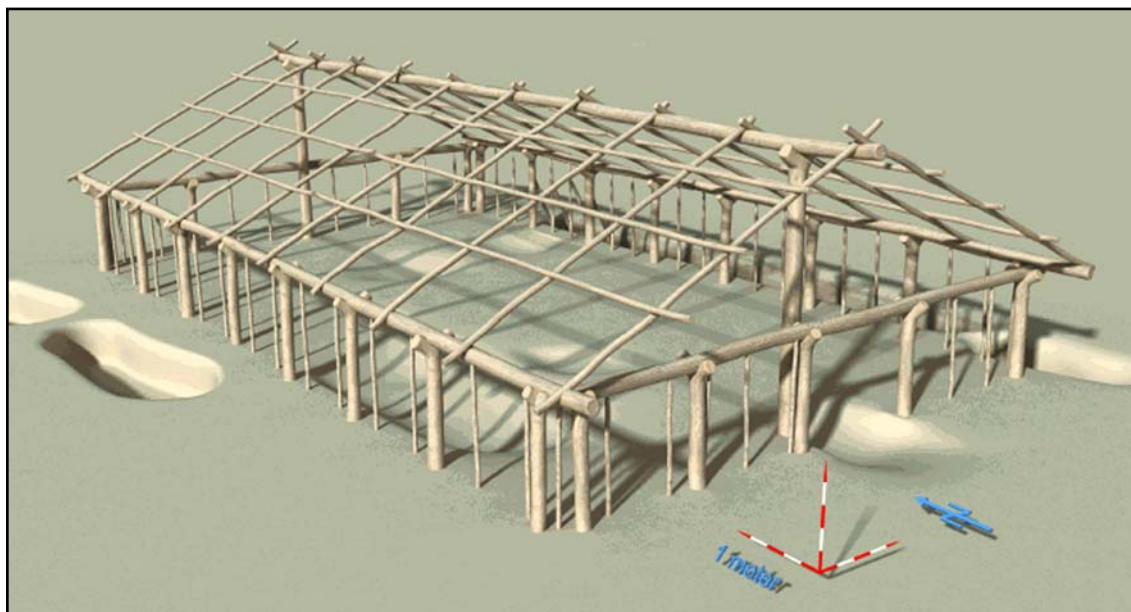

Рис. 42. Сентдьёрдьвёлдь-Питьердомб. Реконструкция строительства жилища 1.

Fig. 42. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Reconstructing of the building process of House I.

Рис. 43. Сентдьёрдьвёлдь-Питьердомб. Реконструкция строительства жилища 1.

Fig. 43. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Reconstructing of the building process of House 1.

В раскопе I было обнаружено 15 углубленных объектов. За исключением располагавшегося поодаль объекта 1, положение которого не определено надежно, все остальные связаны с одной постройкой: объекты 2, 8, 9 и 12, а также 11 и 16 были частью длинной ямы, на-

правленной на север (рис. 45). Вероятно, эти ямы маркируют протяженность жилища; другими словами, обитаемая часть постройки была ограничена пространством между этими сооружениями. Учитывая, что расстояние между внутренними стенками этих ям состав-

Рис. 44. Сентдьёрдьвёлдь-Питьердомб. Реконструкция жилища 1.

Fig. 44. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Reconstruction of House 1.

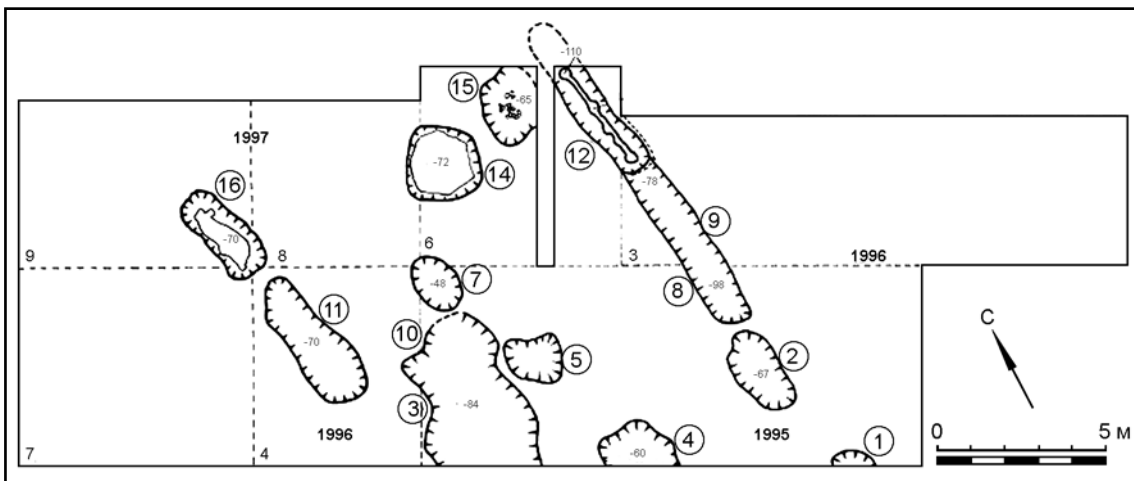

Рис. 45. Сентдьёрдьвёлдь-Питьердомб. Объекты, связанные с жилищем 1.

Fig. 45. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Features of House 1.

ляло 9,5 м, ширина дома не могла превышать это значение, хотя ширина в 8—8,5 м является более предпочтительной. Вход в жилище располагался с южной стороны, не очень далеко от тройной столбовой ямы (объект 4).

Это сооружение представляло собой глубокую, неправильной формы яму, которая содержала столбовые ямки от трех крупных столбов. В заполнении столбовых ямок были обнаружены следы обугленного дерева. К сожалению, пространство к югу не могло быть исследовано из-за деревьев и кустов возле дороги, но в ходе земляных работ мы имели воз-

можность следить за выемкой грунта, который не содержал каких-либо археологических слоев, включений или находок. Похоже, объект 4 и столбовые ямки маркируют южный край дома, который, в таком случае, имел ширину 8 м и длину 13—14 м.

Длинные ямы обладали четкой стратиграфией. Их дно было достаточно быстро заполнено слоем грунта толщиной примерно в 30 см, вероятно, в ходе строительства жилища. Этот слой почти не содержал археологических находок. Далее, ямы были перекрыты остатками обмазки жилища, большая часть

Рис. 46. Сентдьёрдьвёлдь-Питьердомб: а-ф — раскопки длинной траншеи жилища 1.

Fig. 46. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb: a-f — excavating the long ditch of House 1.

которой обрушилась на восточные длинные ямы, сохраняя материал *in situ* (рис. 46).

Объекты внутри жилища были неглубокие, неправильной формы. Тем не менее, у них была одна общая черта с длинными ямами, а именно, схожая структура заполнения. Под обмазкой было обнаружено большое количество находок: множество каменных орудий и фрагментов керамики, а также несколько целых сосудов, лежавших горизонтально на уплотненном слое. Вероятно, этот слой можно рассматривать в качестве пола жили-

ща или поверхности обитания поселения. К сожалению, пол не подвергся воздействию огня, за исключением отдельных участков в 1—2 кв. м, и сохранился довольно плохо.

Похоже, небольшие ямки, обнаруженные за пределами жилища I в Питьердомб, также служили для столбов, поддерживающих навес крыши (Lüning 1988: 290—292). Однако, только одна сторона крыши поддерживалась дополнительными столбами — вероятно, она сильно провисла и нуждалась в ремонте (Lüning 1997).

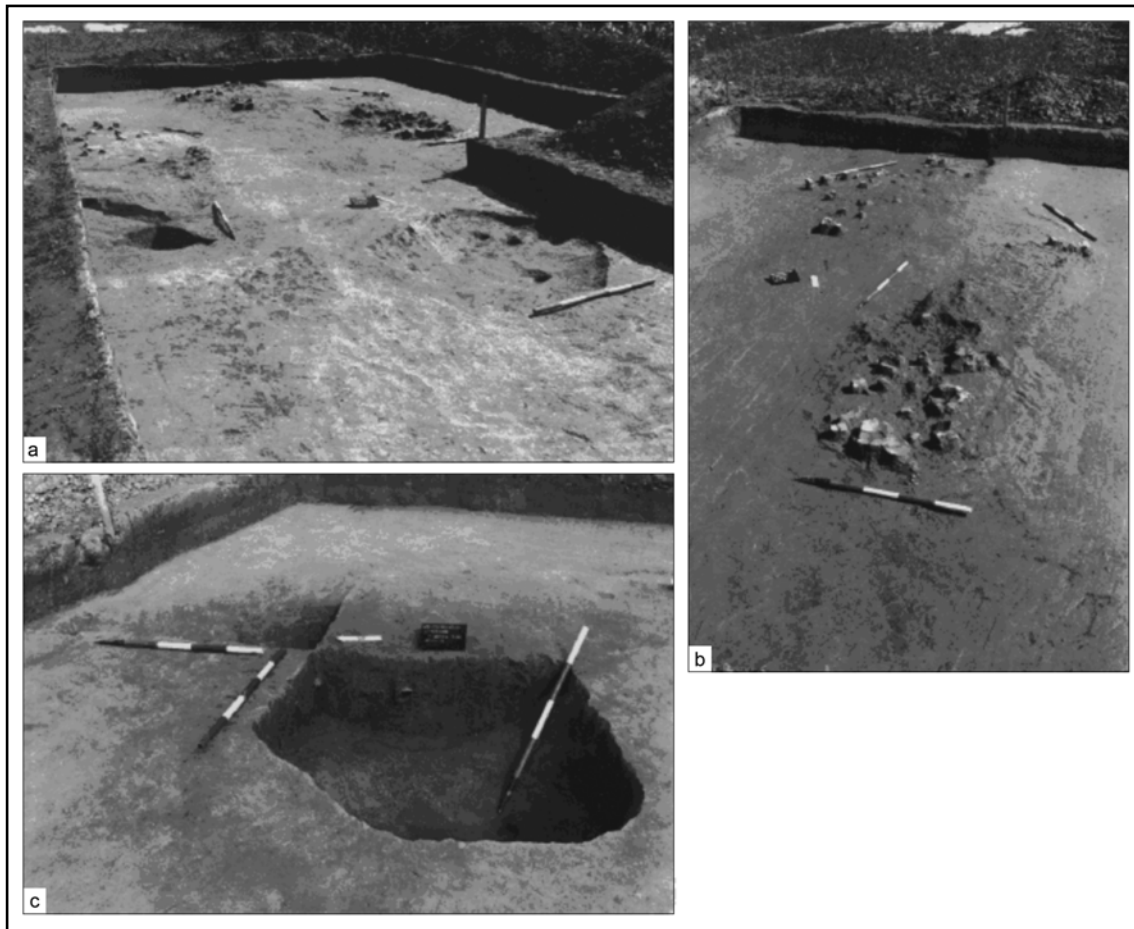

Рис. 47. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб: а-с — скопления обмазки в раскопе II.

Fig. 47. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb: a-c — surface of excavation II with burnt patches of daub.

Интерпретация жилища №2 более проблематична; в особенности это касается четырех объектов, которые не могли быть частью дома (рис. 47). В то же время, судя по их расположению, они также не могли относиться и к какому-то другому (третьему) жилищу.

Несомненным указанием на то, что определенные виды деятельности проводились во дворе, вне жилища, является находка открытого очага (объект 18) возле западной стороны дома (рис. 48). Его толстый, сильно, до красного цвета, обожженный под лежал под золистым слоем, перемешанным с углем.

Объект 17 представлял собой округлую неглубокую яму, находящуюся недалеко от юго-западного угла дома. Вдоль одной из ее сторон присутствовал ряд небольших, глубоких ямок — вероятно, для ножек конструкции типа стойки или небольшой скамьи. Относительно однородное заполнение ямы содержало много угля и большое количество каменных орудий, включая несколько нуклеусов и множество мелких отщепов. Очевидно, речь идет о своего рода мастер-

ской. Е. Леннейс уже указала, что подобные ямы-мастерские часто находятся у юго-западного угла ранних жилищ КЛЛК (Lenneis 1989: 33).

С жилищем №2 можно связать следующие объекты: 21 на западной стороне, 27 и 29 на восточной стороне (эти длинные, направленные на север ямы маркировали продольные стороны жилища) и 22 у южной оконечности жилища. Из-за отсутствия адекватного финансирования и хронической нехватки времени нам не удалось исследовать северную часть жилища, которая, судя по находкам с поверхности, была нарушена эрозией. Тем не менее, обнаруженные там фрагменты обмазки и другие находки указывают, что длина постройки составляла не более 13—15 м, а ширина — около 7 м, судя по расстоянию в 7,60 м между ямами за пределами жилища (рис. 49).

Внутри жилища был обнаружен объект 20, представляющий собой тщательно построенный очаг, который, вероятно, использовался на протяжении достаточно длительного времени. Его под, сильно обожженный, имел

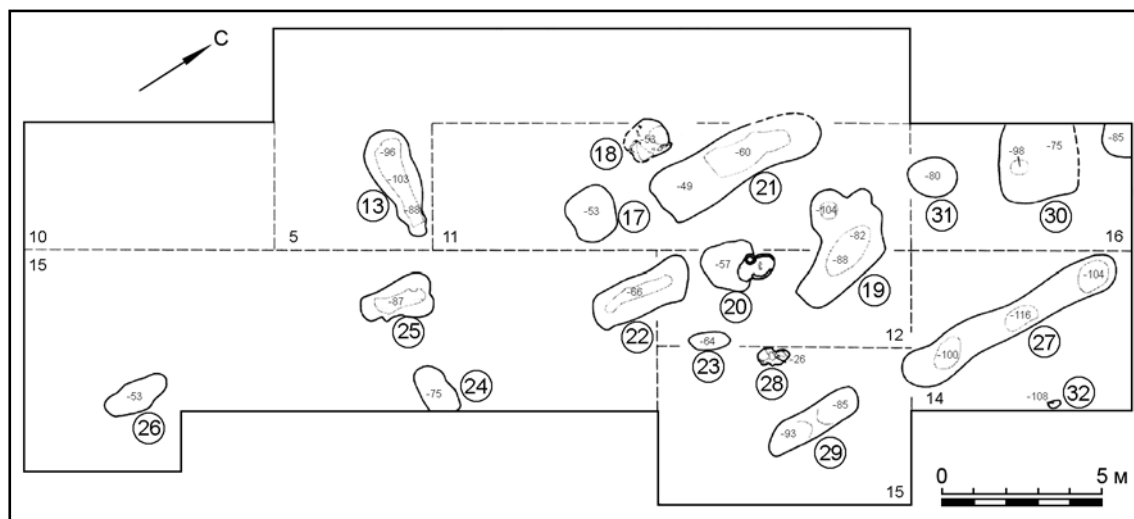

Рис. 48. Сентдьёрдвёлдь-Питьердомб. Объекты в раскопе II.

Fig. 48. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Features of Surface II.

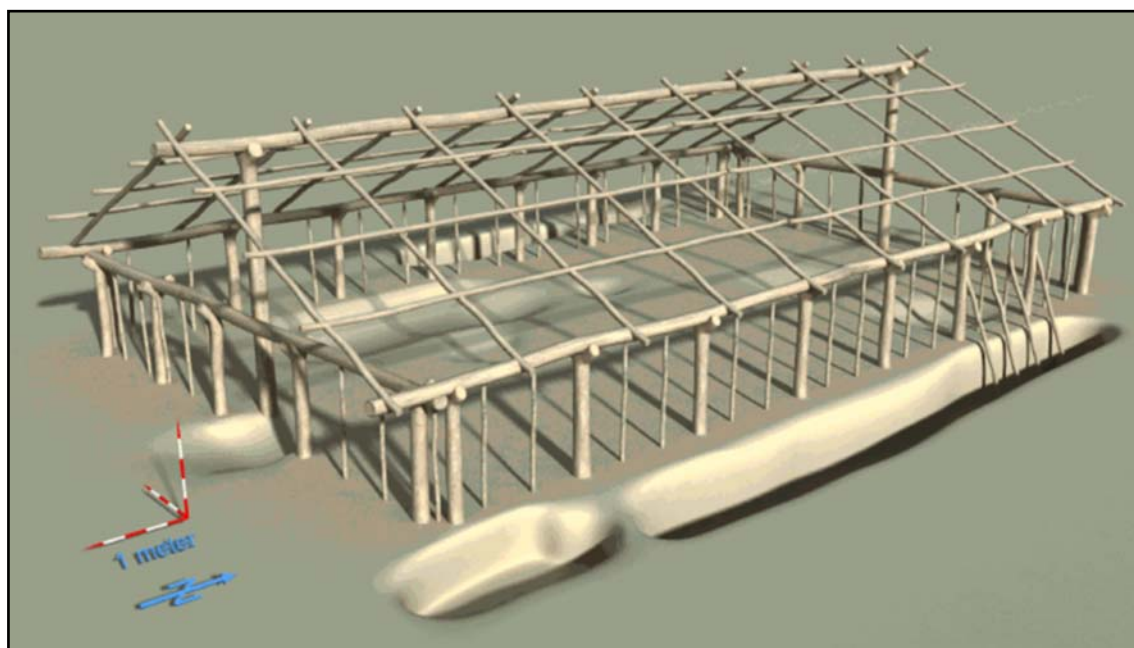

Рис. 49. Сентдьёрдвёлдь-Питьердомб. Реконструкция строительства жилища 2.

Fig. 49. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Reconstructing of the building of House 2.

ободок высотой в 6—8 см. Перед очагом располагалась крупная и глубокая яма с золой (рис. 50).

Это жилище и объекты вокруг него следует интерпретировать примерно таким же образом, как и жилище 1. Ряд длинных, направленных на север ям, находящихся на расстоянии в 7,60 м друг от друга, был выкопан для добычи глины перед постройкой жилища. Это указывает на ширину постройки — около 7 м. Впоследствии эти ямы служили для отвода воды, а также защищали стены дома от грызунов и других животных. И в этом случае

северо-восточная часть жилища нуждалась в дополнительном укреплении, на что указывает несколько небольших столбовых ямок внутри длинной ямы. Вероятно, это объясняется преобладающим направлением ветра, который наносил больше повреждений крыше на той стороне, или же воздействием дождевой воды. С другой стороны, возведение опоры, поддерживающей край крыши именно с той стороны, могло просто отражать некую архитектурную традицию.

Жилище №2 выделяется наличием двух очагов: одного во дворе с западной сторо-

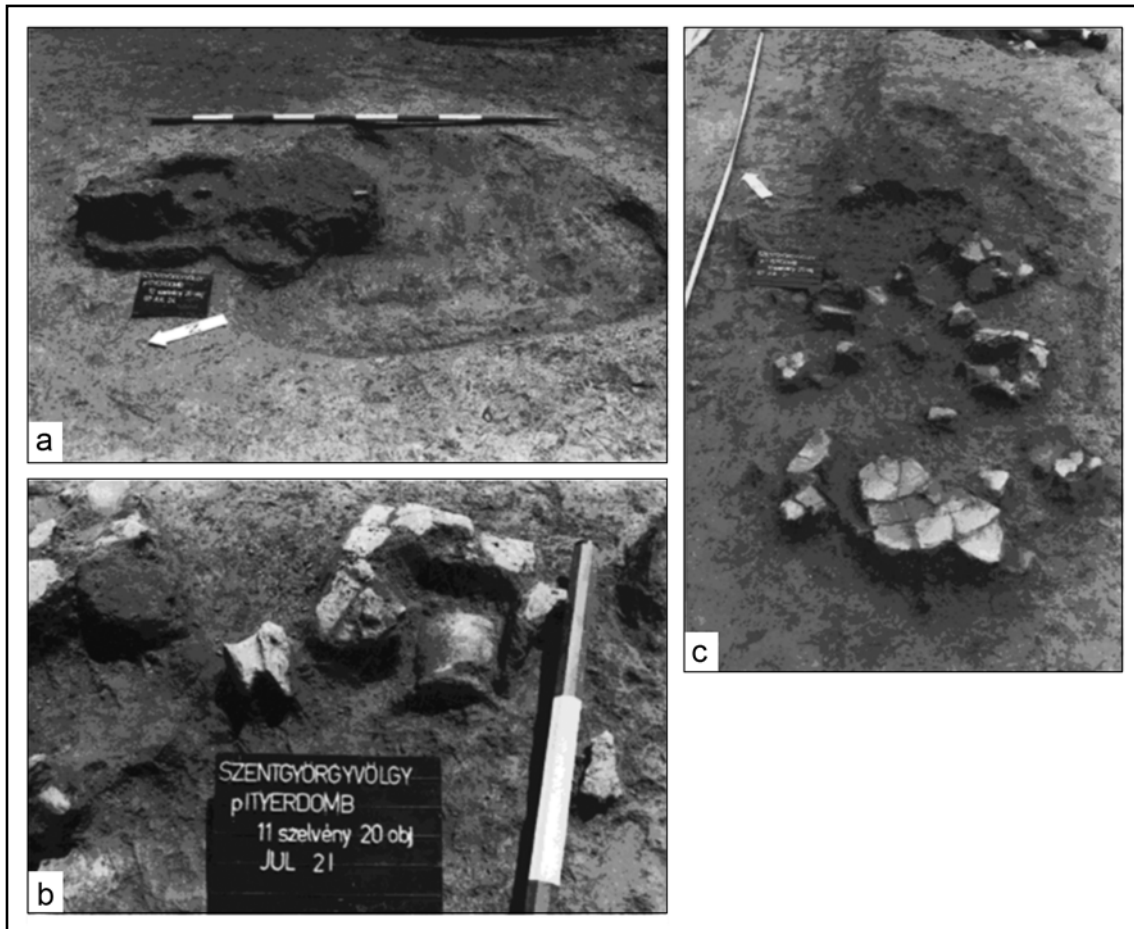

Рис. 50. Сентдьёрдьвёльд-Питьердомб: а-с — очаг внутри жилища 2.

Fig. 50. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb: a-c — the fireplace inside House 2.

ны дома, другого — у южного входа в дом. Похоже, второй очаг использовался достаточно долго. Вероятно, огонь этого очага мог стать причиной возгорания деревянных конструкций, которое привело к разрушению крыши и всего дома. Большое количество обугленных фрагментов дерева (остатки крыши?) находилось в нижнем слое обмазки. Образцы дерева, взятые из объекта 20, показали присутствие дикой черешни, которая могла быть использована для изготовления небольшой мебели (скамьи?) или в качестве дров для последнего огня. Дуб и бук также присутствовали среди образцов, собранных вокруг объекта 20; эти виды дерева могли происходить с обрушившейся крыши.

Разрушивший жилище пожар был очень быстрым и интенсивным. Стены и крыша обрушились на сосуды и каменные орудия, лежавшие внутри постройки. Очевидно, многие сосуды были разбиты именно таким образом.

На основании размеров описанные жилище постройки могут быть причислены к сред-

ним «*Bauten*» или небольшим «*Kleinbauten*» по типологии жилищ КЛЛК Центральной Европы, составленной П.Ж.Р. Моддерман (Modderman 1972). Ближайшие параллели можно обнаружить на поселениях Розенбург, Штрёген и Брунн/Гебирге-Вольфхольц II в Нижней Австрии (Lenneis et al. 1996; Lenneis 1995; Stadler 1999; 2005; Stadler-Kotova 2010). Хорошие аналогии удлиненным ямам для добычи глины, расположенным вдоль стен, известны из Брунн II, Шванфельд, Ванг и Брухенбрюкен в Германии (Lüning, Modderman 1982; Lüning 1984; Lüning 1987; Stäuble 1997: 5—66).

Таким образом, раскопанные в Питьердомб жилища соответствуют постройкам, известным на других памятниках ранней КЛЛК в Центральной Европе (рис. 51).

Для изготовления керамики с обоих раскопов использовалась сходная технология (рис. 52). В большинстве случаев в качестве оттощителей применялись дрсва и песок; иногда гончары добавляли в тесто ша-

Рис. 51. Сентдьёрдьвельдь-Питьердомб. Реконструкция поселения.

Fig. 51. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Reconstruction of the site.

мот. Некоторые горшки были довольно низкого качества: обжиг был плохим, а сушили их, похоже, на солнце. Только десять фрагментов происходят от тщательно изготовленных сосудов, тесто которых не содержало органических примесей; остальная керамика (все-го с памятника получено около 15000 фрагментов) была изготовлена с примесью песка и дресвы.

Использование дресвы в качестве оттощителя было неизвестно в раннем неолите Юго-Восточной Европы — например, в Греции, — и появилось только в культурах Кёрёш-Криш и Старчево на севере данного культурного ареала. На многих поселениях поздней фазы культуры Старчево наблюдается сокращение использования органических оттощителей (Radovanović 1996: 319), в то время как в Славонии и Задунавье дресва широко применялась вплоть до финальной фазы (спиралевидной В). Примечателен цвет керамики из Питьердомб — светло-красный или кирпичный: это означает, что сосуды обжигались с доступом кислорода, что характерно для большинства ранне-неолитической керамики. В изломе большинства черепков были многослойными, с серединой черного цвета и красной внутренней и внешней поверхностью, что характерно для низкотемпературного обжига, не более 550—650°C (Minichreiter 1992). В целом, считается, что температура обжига

ранне-неолитической керамики не превышала 700°C (Yiouni 1996: 70; Manson 1995).

Достаточно многочисленна посуда с красноватым ангобом, большая часть которой была тщательно заглажена (рис. 53). Изначально пропорция керамики такого типа была выше, учитывая то, что кислотная почва зачастую полностью разрушила поверхность сосудов. Во многих случаях это затронуло не только ангоб, но и орнамент (спирали) черного цвета. Иногда внутри сосудов заметен сажок в виде черного слоя (рис. 59). Помимо т.н. столовой посуды, красный ангоб часто покрывал внешнюю, а иногда и внутреннюю, поверхность кухонной керамики.

Среди мисок встречаются экземпляры с более или менее ребристым профилем (рис. 54; 55). Важным признаком является выгнутая верхняя часть. Известны и миски с S-видным или полуокруглым профилем, а также, весьма редко, округлые кружки. В большом количестве представлены сосуды на поддонах двух типов: высокие конические и низкие, наподобие кольцевую подставку (рис. 56). Профили кружек довольно разнообразны, они имитируют формы мисок. Есть и настоящие тонкостенные миниатюрные сосуды, часто покрытые темно-красным ангобом. Помимо вышеупомянутого типа кувшина, все описанные типы керамики известны по другим поздним памятникам Старчево в Задунавье.

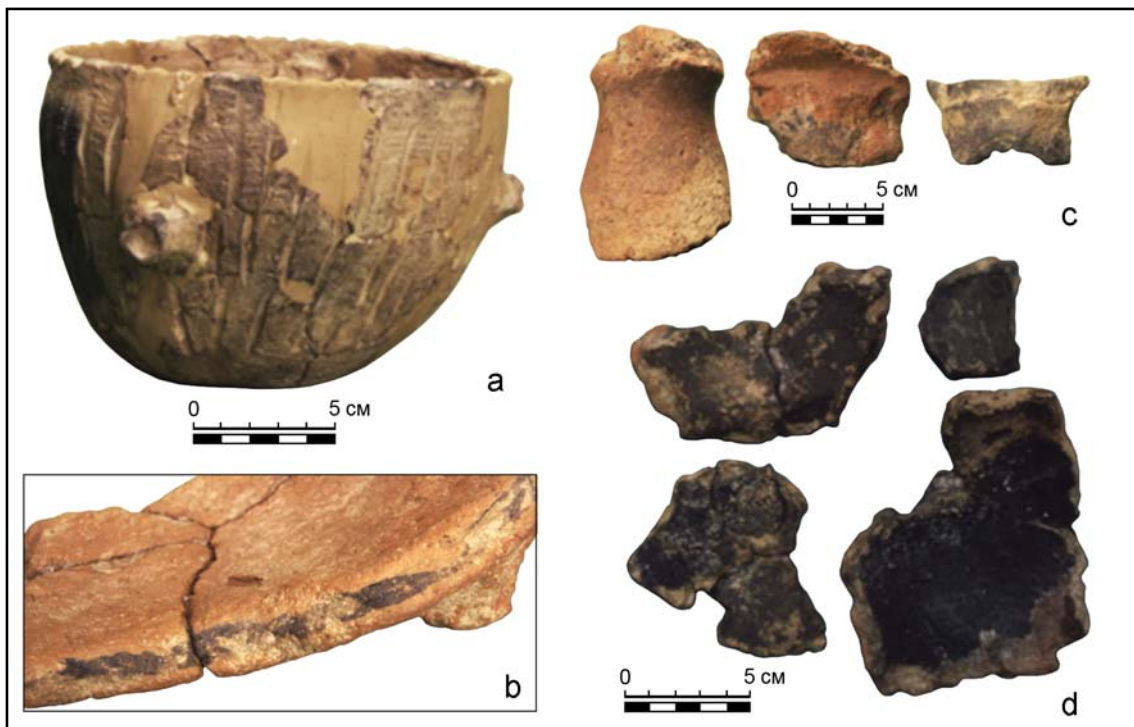

Рис. 52. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб: a-d — образцы технологии изготовления керамики.

Fig. 52. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb: a-d — models of the technique of pottery-making.

Среди горшков и других сосудов для хранения припасов, выделяется сосуд удлиненно-яйцевидной формы с длинным горлом (рис. 57), аналогии которому известны на недалеком расположенном поселении в Гелленхаза. Горшки часто покрыты барботинном типа «Schlickwurf» или декором других, описанных выше, типов (углубленные линии или другие мотивы, пальцевые вдавления). Встречаются налепы, одиночные или парные, которые часто снабжены пальцевым вдавлением в верхней части или разделены нарезками. Кухонная керамика нередко орнаментирована линейным декором, нанесенным ногтями отпечатками (рис. 58). Чрезвычайно редко встречаются мотивы из трех параллельных линий или спиральных, волнообразных фигур (рис. 59).

Хотя поверхность посуды сильно разрушена кислотностью почвы, можно отметить достаточно большое количество тонкостенной столовой керамики (рис. 60). С типологической точки зрения это небольшие миски и кружки, нередко с ребристым профилем. Часто верхняя часть сосудов вогнута. Там, где это сохранилось, внутренняя и внешняя поверхность столовой посуды тщательно заглажена. Следует также отметить, что на многих подобных сосудах присутствует своеобразный темно-красный ангоб, характерный для балканской культуры

Караново I—II, а также для культур Кёрёш-Криш и Старчево.

Другим важным типом декора являются тщательно отполированные линии («einpolierte Ware»), которые часто образуют концентрические круги, дуги или небольшие сегменты на ребре биконических мисок (рис. 61). Согласно Н. Калиц, эта орнаментация появляется только в поздней Кёрёш-Старчево и в ранней задунайской КЛЛК (Kalicz 1994; 1995).

Итак, керамические типы достаточно близки к посуде Северных Балкан. Тем не менее, существуют определенные мелкие различия, которые указывают на начало новой эры на северной периферии ареала Старчево (рис. 62—64). Важным отличием от других ранних поселений КЛЛК в Задунавье является процент керамики с линейным орнаментом. По сравнению с традиционно называемой «ранней КЛЛК», т.е. с фазой Бичке (Makkay 1978; Kalicz-Schreiber, Kalicz 1992; 1995), в Питьердомб линейный орнамент присутствует не более чем на 0,5% всего керамического инвентаря.

Находкой культового характера можно считать фрагмент сосуда со спиралевидным, «волотным» орнаментом, на котором имеется ручка в виде поднятой вверх человеческой ладони (рис. 65). Вероятно, сосуд принадлежал к категории антропоморфных и имел две руч-

Рис. 53. Сентдёрдьвёлдь-Питьердомб. Керамика с красным ангобом.

Fig. 53. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — red slipped ware.

Рис. 54. Сентдёрдьвёлдь-Питьердомб. Керамика с ребристым профилем.

Fig. 54. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — carinated ware.

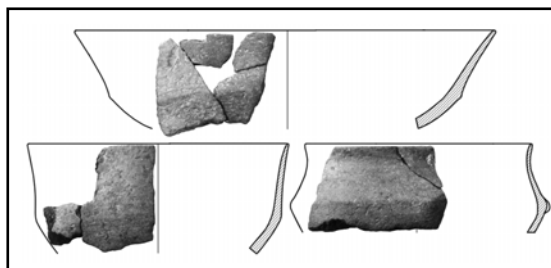

Рис. 55. Сентдёрдьвёлдь-Питьердомб. Керамика с ребристым профилем.

Fig. 55. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — carinated ware.

ки, расположенные симметрично по обеим сторонам. Такие сосуды типичны для ранней КЛЛК. Другой фрагмент, в виде человеческой ноги, с заглаженной поверхностью и изящным линейным орнаментом, можно сопоставить с антропоморфными сосудами с ножками традиции Старчево из Мостонга I, II и Донья Браньевина (Karmanski 1977: Pl. 33; 1990:

Pls. 1/1, 4/1—9); Чирчя (Nica 1977: fig. 12/3); Островул Голу (Lazarovici 1979: Pl. X/27).

Уникальной находкой является практически целая глиняная фигурка крупного рогатого животного — скорее всего, быка (рис. 66; 67). Изящный, асимметричный орнамент в сочетании с раннеолитическими иконографическими деталями и темно-красной заглаженной

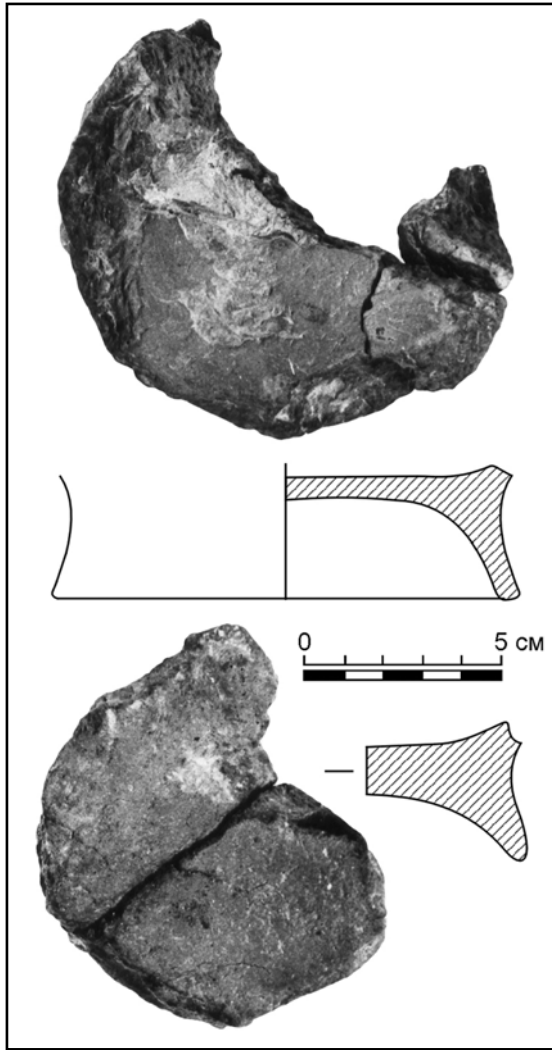

Рис. 56. Сентдёрдвёлдь-Питьердомб. Керамика, поддоны.

Fig. 56. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — pedestals.

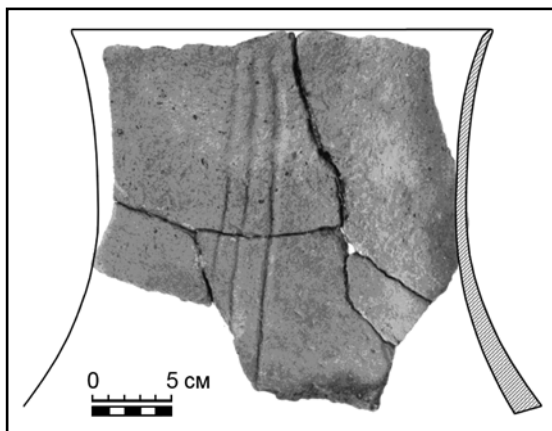

Рис. 57. Сентдёрдвёлдь-Питьердомб. Сосуд с длинным горлом.

Fig. 57. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — storage vessel with a long neck.

Рис. 58. Сентдёрдвёлдь-Питьердомб. Сосуд с линейным «дождевым» декором.

Fig. 58. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — vessel with linear "rain" pattern.

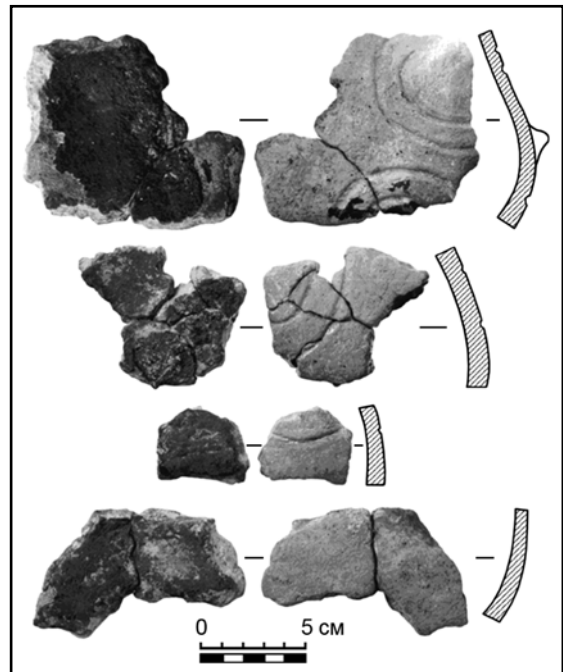

Рис. 59. Сентдёрдвёлдь-Питьердомб. Керамика с линейными спиральными мотивами.

Fig. 59. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — linear spiral motifs.

поверхностью, возможно, символизирует формирование нового, центрально-европейского восприятия раннеолитических традиций Балкан (Stanković 1989—1990; Ciobotaru 1998: Pls. 1/9, 10).

Наибольшее типологическое сходство с керамикой из Питьердомб демонстрируют находки из близлежащих поселений Гелленхаза и Вёрш. Это сходство, равно как и географическая близость, может указывать не только на синхронность памятников, но и на на-

Рис. 60. Сентдёрдьвёлдь-Питьердомб. Столовая керамика.

Fig. 60. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — fine ware.

Рис. 61. Сентдёрдьвёлдь-Питьердомб. Полированные линии на керамике.

Fig. 61. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — smooth incised linear motifs on fine ware.

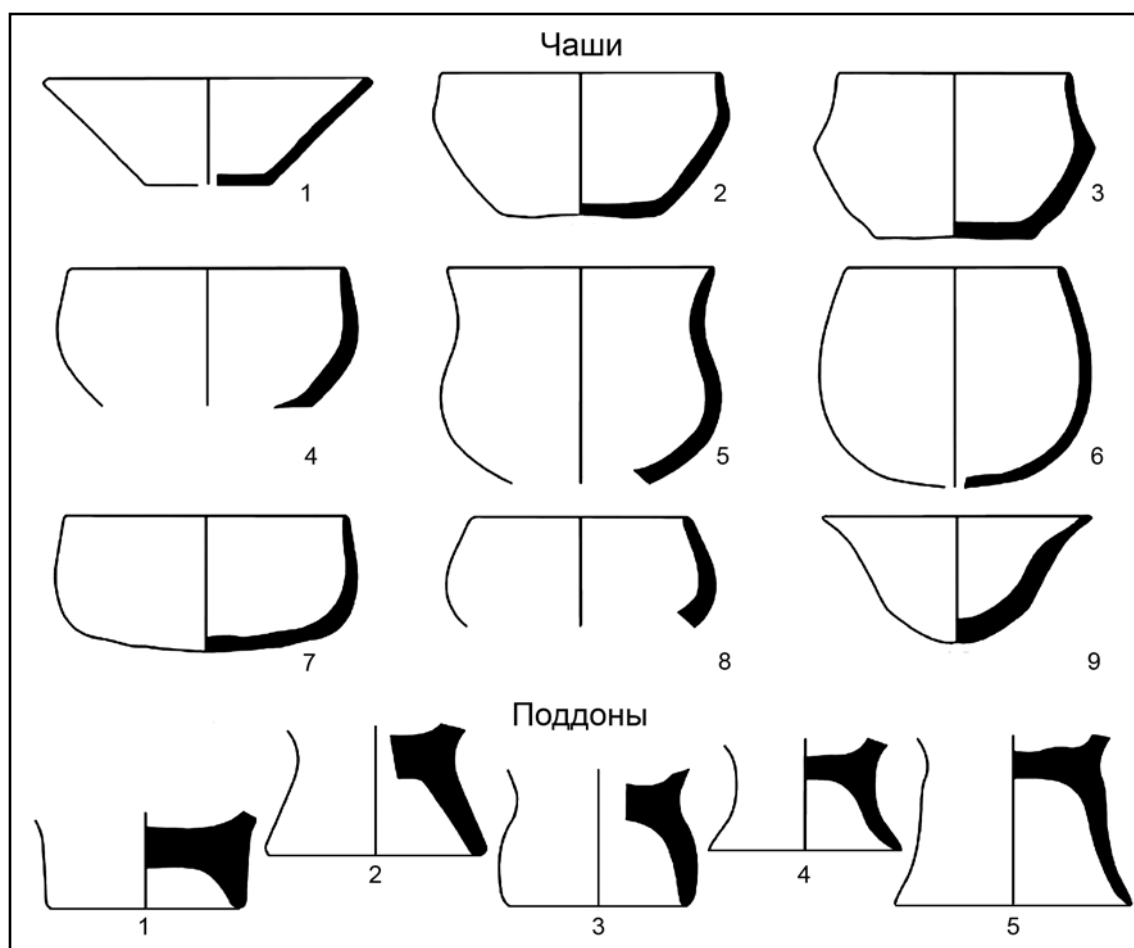

Рис. 62. Сентдёрдьвёлдь-Питьердомб. Типология керамики. Чаши и поддоны.

Fig. 62. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — typological chart. Bowls and pedestals.

личие живых контактов между носителями традиций поздней Старчево и населением из Питьердомб.

Возможно, к этой группе относится и поселение Бруни II возле Вены, которое можно считать самым ранним памятником КЛЛК.

Здесь некоторые признаки (как, например, форма жилищ) напоминают типы КЛЛК, но линейная орнаментация на керамике отсутствует (Stadler, Kotova 2010). Не следует исключать, что различия между двумя поздними территориальными группами Старчево и, соответ-

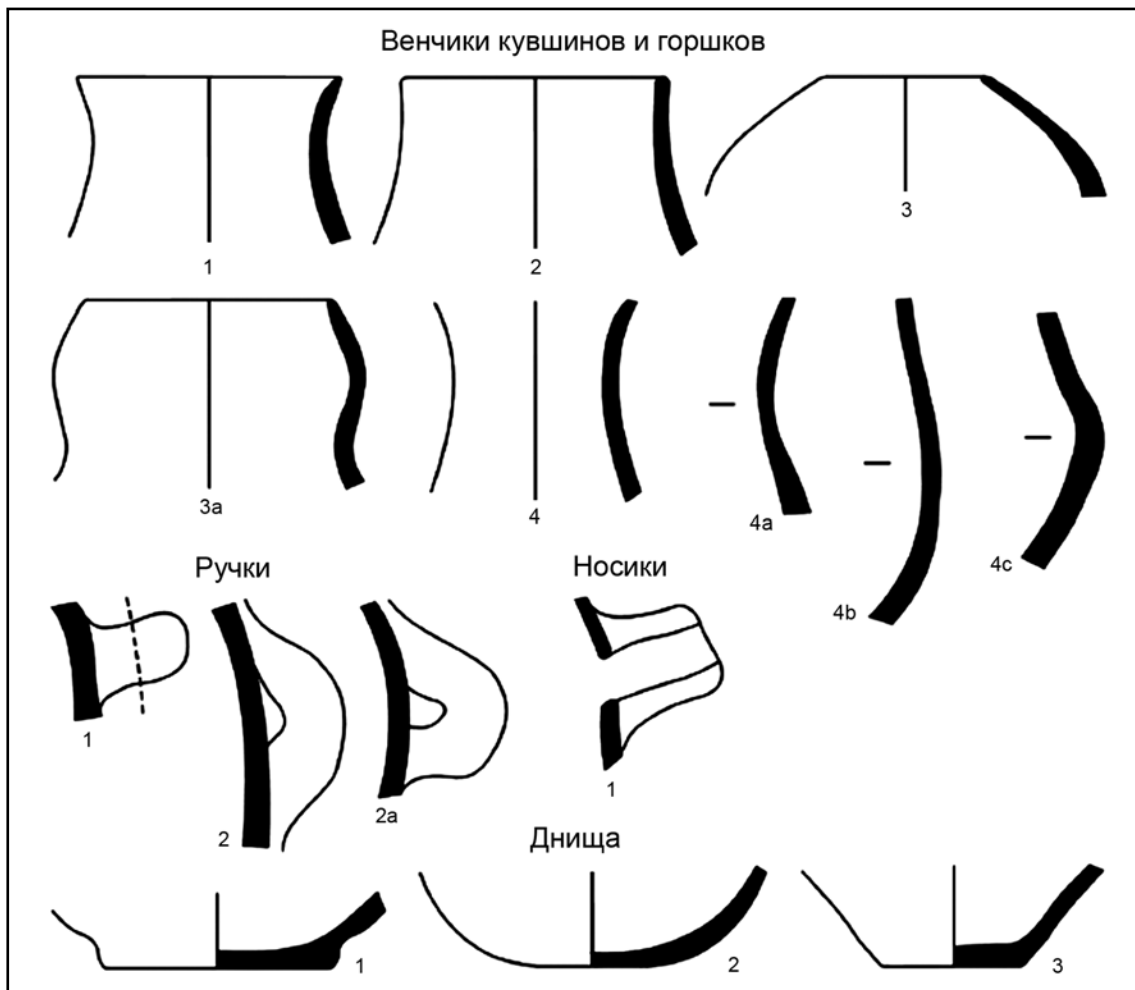

Рис. 63. Сентдёрдьвёлдь-Питьердомб. Типология керамики. Венчики кувшинов и горшков, ручки, носики, днища.

Fig. 63. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — typological chart. Rims of storage jars and pots; handles; vessel spouts; vessel bases.

ственно, переходные комплексы на северной периферии вызваны присутствием мезолитических групп в данном регионе. Это присутствие пока не может быть доказано прямым путем, но упомянутые выше критерии указывают на участие таких групп в процессе неолитизации к северу от ареала Старчево.

Как уже указывалось, весь многочисленный каменный инвентарь происходит из преисторической шахты в Сентгаль возле Веспрема, в северо-восточном Задунавье. В целом, набор каменных орудий имеет микролитический облик, с выраженными мезолитическими чертами (Bigó 2005) (рис. 68; 69). Учитывая большое количество нуклеусов и отщепов, а также исследованный объект к юго-западу от жилища №2 (вероятно, мастерская по обработке кремня), камень, похоже, мог импортироваться в виде сырья из шахты Сентгаль в Питьердомб, где он подвергался дальнейшей обработке.

Учитывая, что камень из Сентгаль использовался уже в позднем мезолите (что подтверждается находками из Южного Задунавья и даже из далекой Южной Моравии), а также на всех поселениях культуры Старчево от озера Балатон к реке Драва, можно предположить, что главным показателем, а возможно, и главной причиной процесса неолитизации Западного Задунавья явилась именно необходимость в развитии обменных и культурных связей, существовавших уже среди местных охотников-собирателей до прихода переселенцев с Балкан. Принимая во внимание очень быстрое распространение ранних групп КЛЛК, можно предположить наличие уже существовавших, преднеолитических, хорошо известных маршрутов, которые повторно использовались смешанным населением, состоявшим из старчевских переселенцев и местных охотников-собирателей. Таким образом, в этом регионе можно отметить существование

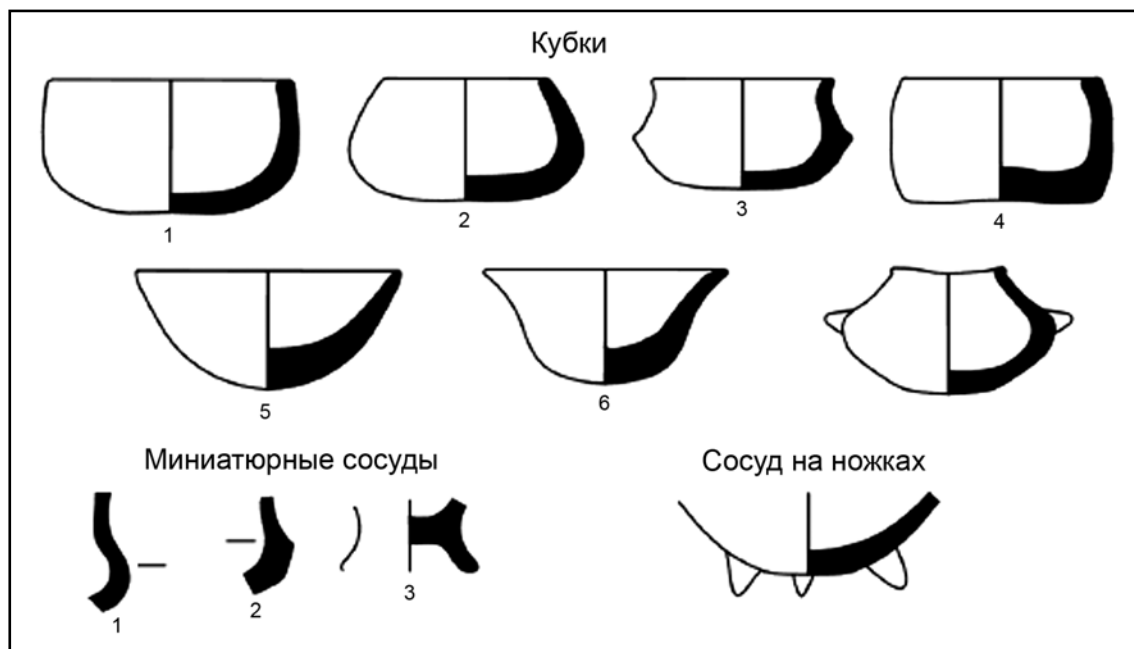

Рис. 64. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Типология керамики.

Fig. 64. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Pottery — typological chart.

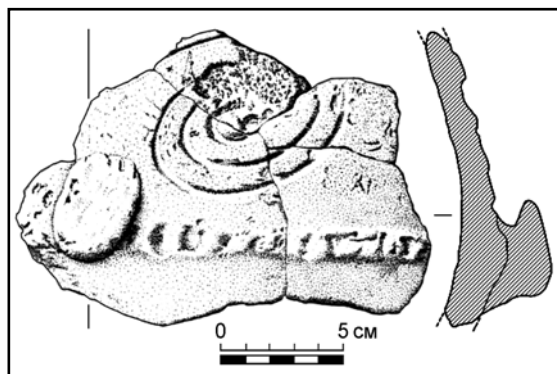

Рис. 65. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Фрагмент антропоморфного сосуда.

Fig. 65. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Fragment of an anthropomorphic vessel.

Рис. 66. Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб. Зооморфная фигурка.

Fig. 66. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Figure of a bovine animal.

контактной зоны и долговременных обменных, а также других форм взаимоотношений. Раскопки на поселении в Сентдьёрдьвёльдь-Питьердомб стали первыми крупными исследованиями, позволившими изучить детали данных процессов.

Проблемы неолитизации Восточного и Северного Задунавья

Большинство поселений медье Фейер в северо-восточном Задунавье, опубликованных Яношем Маккай (Маккай 1970), относятся к развитым фазам (рис. 70). Единственным

более ранним исключением является Бичке, которое Я. Маккай сделал эпонимным для ранней КЛЛК Задунавья. Тем не менее, похоже, оно не представляет собой первоначальную, самую раннюю фазу культуры. На территории Задунавья есть некоторые регионы, где присутствует как самая ранняя керамика типа Шармеллек-Питьердомб, так и несколько более поздняя посуда типа Бичке. Однако следует принимать во внимание, что этот феномен может отображать географические различия. На протяжении десятилетий старшая КЛЛК в северо-восточном Задунавье была представлена лишь материалом типа Бичке, пока Рожой Калиц-Шрайбер и Нандором

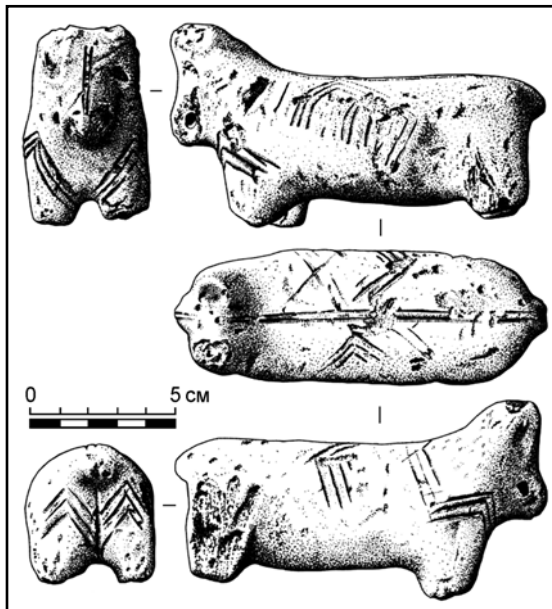

Рис. 67. Сентдьёрдьвёлдь-Питьердомб. Зооморфная фигурка.

Fig. 67. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Figure of a bovine animal.

Калиц не был исследован памятник еще более ранней КЛЛК (Kalicz-Schreiber, Kalicz 1992; Kalicz, Kalicz-Schreiber 2002) (рис. 71). Речь идет о поселении Будапешт-Араньхедьы ут, располагавшемся в болотистой придунайской низменности в Аквинкуме, в северной Буде. Интересно, что количество известных поселений старшей КЛЛК не увеличивается со временем. Топографическое описание регионов Эстергом и Дорог не содержит каких-либо находок керамики ранней КЛЛК (Horváth, Kelemen, Torma 1979). Как мы увидим, схожая ситуация прослеживается и вдоль северного берега Дуная, в юго-западной Словакии. Поселения данного типа отсутствуют как возле Дуная, так и в области Чаллокёз на самой последней карте, которую опубликовал Юрай Павук в 1994 г. (Pavúk 1994: 147). В данный момент причины подобного хиатуса остаются загадочными. Контакты между поселениями КЛЛК в Бургенланде и Нижней Австрии и Задунавьем показывают, что основной маршрут миграции должен был проходить по долине Дуная. Остается надеяться, что будущие исследования позволят разрешить этот вопрос.

В связи с этими наблюдениями следует упомянуть гипотезу о ходе неолитизации юго-западной Словакии, предложенную Павуком. Его взгляды, неизменные на протяжении многих десятилетий (Pavúk 2004; 2013), сегодня могут быть оспорены на основании следующих аргументов. Принимая раннюю тео-

рию Я. Лихардуса о «прото-КЛЛК» (Lichardus 1972), Ю. Павук сделал два предположения (Pavúk 1962; 1972; 1980a; 1980b; 1994, 2013). Первое из них гласило, что тип общества и образ жизни КЛЛК зародился в юго-восточной Словакии. Другой, более причудливый, аспект его тезисов связан со временем появления линейной керамики. Ю. Павук отделял развитие КЛЛК от культурных и этнических импульсов с Балкан, как для Альфельда, так и для Задунавья (последний регион представляет больший интерес благодаря своей близости к Словакии). По мнению Ю. Павука, переход к неолиту и начало использования керамики происходили не только совершенно обособленно от культуры Кёрёш-Старчево (и, соответственно, от влияния последней на бассейн Нитры), но и произошли намного раньше поздней фазы Старчево, а именно в период, соответствующий ранней/классической Старчево. Ю. Павук отнес неоспоримые сходные элементы между Старчево и КЛЛК на счет более поздней, южной экспансии групп из бассейна Нитры, в ходе которой носители КЛЛК взаимодействовали с группами Старчево спиралевидной фазы В в Задунавье. Чтобы доказать сложность и длительность процесса, он разделил раннюю фазу КЛЛК в западной Словакии на четыре подфазы: Ньитра, Гурбаново, Биня и Милановце (Pavúk 1980a: 40—47). Мягко говоря, подобная категоризация является неясной и сомнительной, поскольку основывается лишь на технологии изготовления и достаточном редких орнаментальных мотивах на посуде. Только в Биня была обнаружена столовая керамика биконических форм; на всех остальных поселениях преобладает толстостенная кухонная посуда. На основании одной лишь кухонной керамики построение подробной типологической классификации и разделение хронологических горизонтов является проблематичным, если даже вообще возможно.

В отличие от нескольких десятков черепков, охарактеризованных Ю. Павуком, Отто Трогмайер исследовал десятки тысяч фрагментов керамики, но не смог построить внутреннюю хронологию культуры Кёрёш (Trogmayer 1968). Неразрешенность вопроса о внутренней хронологии Кёрёш является одной из «больших задолженностей» венгерских преисторических исследований. Изучение Марией Кладдерс посуды КЛЛК привело к сходному результату: по ее мнению, различия имеют под собой региональную, а не хронологическую основу (Cladders 1995).

Следует также указать, что большая часть рассматриваемой керамики происходит

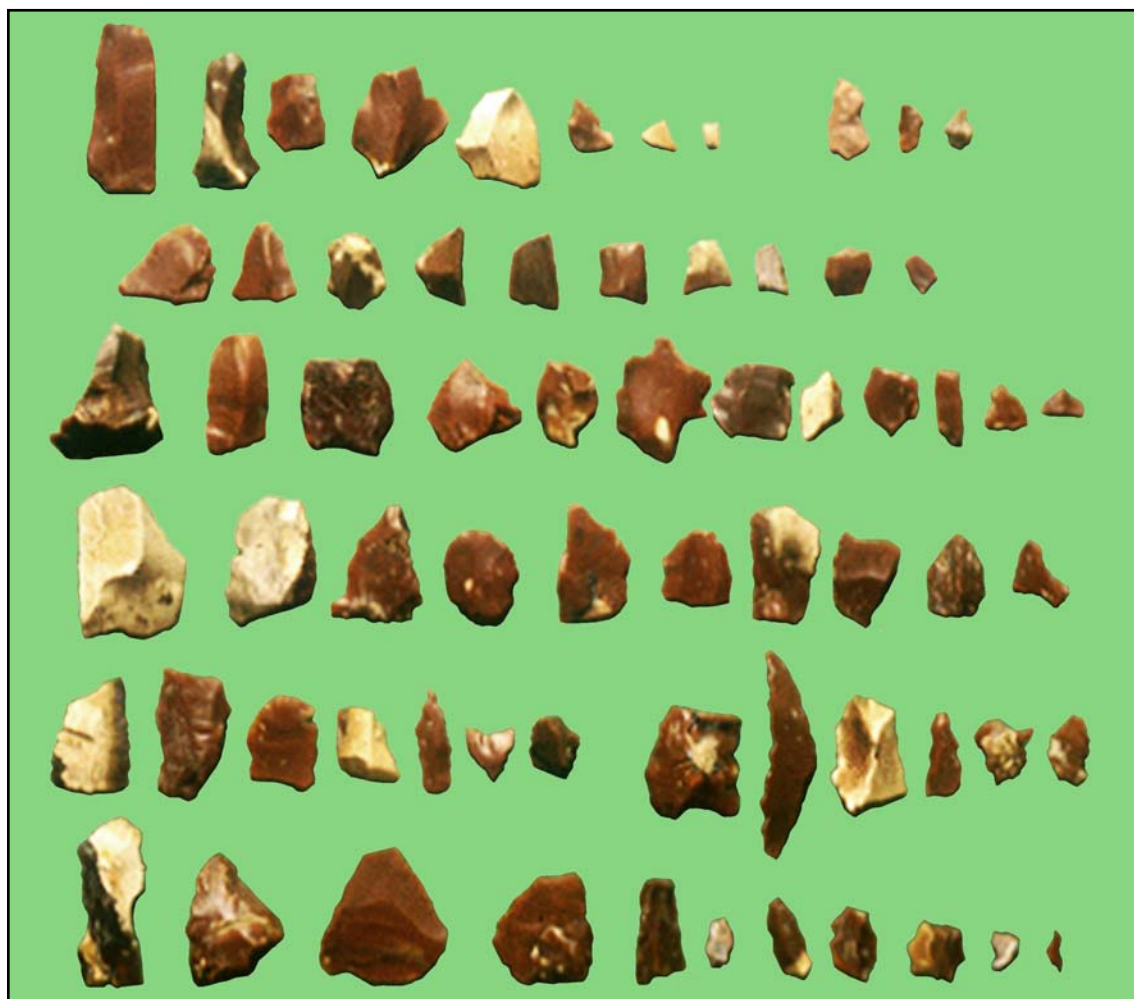

Рис. 68. Сентдёрдьвёлдь-Питьердомб. Каменные орудия.

Fig. 68. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Chipped stone implements.

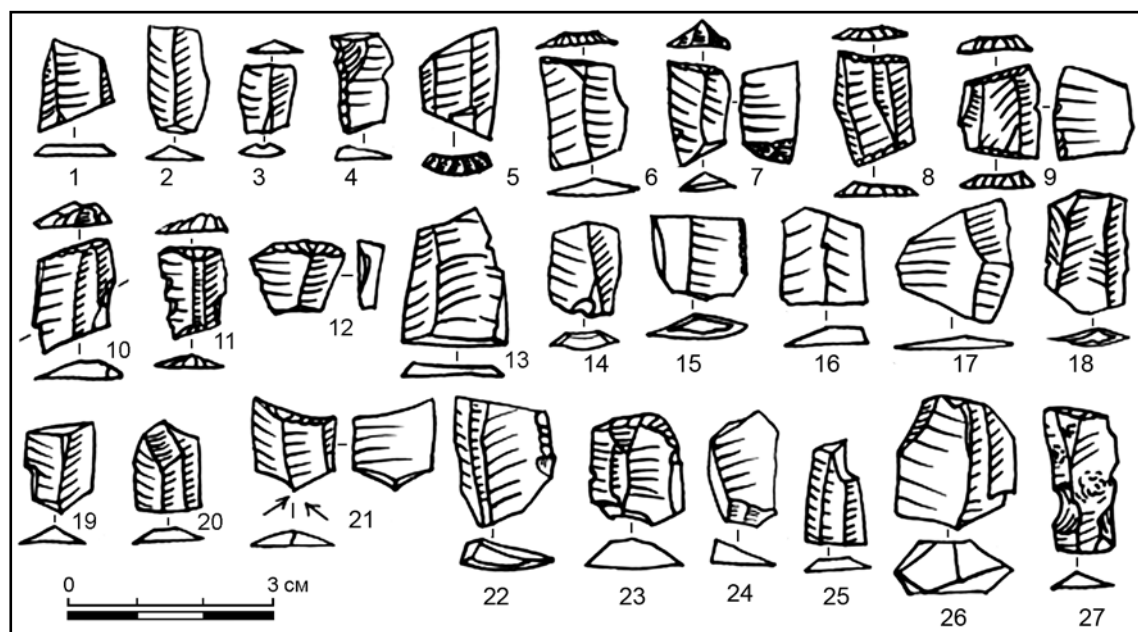

Рис. 69. Сентдёрдьвёлдь-Питьердомб. Каменные орудия.

Fig. 69. Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. Chipped stone implements.

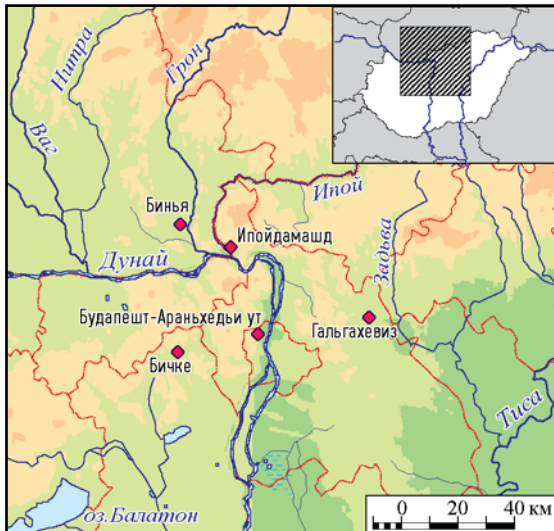

Рис. 70. Поселения КЛЛК на Северном Дунае.

Fig. 70. The distribution of LBK sites at the Northern Danube area.

из небольших шурфов или из немногих ям, открытых в ходе маломасштабных раскопок; лишь некоторые комплексы являются закрытыми, а «фаза Гурбаново» выделена исключительно на основе немногочисленных находок с поверхности.

Сравнительно недавно Йорг Петраш рассмотрел проблему «прародины» КЛЛК с точки зрения демографии (Petrasch 2001). По его подсчетам, в северном Задунавье, юго-западной Словакии и нижней Австрии в начале неолитической эпохи могло проживать не более пяти тысяч человек. Петраш заключил, что этот регион мог являться скорее своеобразной остановкой на пути экспансии КЛЛК, чем отправной точкой. Он также указал, что КЛЛК, вероятно, образовалась в регионах Зала, Баконь и южной части области вокруг озера Ферте (Нёйзидлер-Зе); то есть в западном Задунавье (Petrasch 2001: 17).

По моему мнению, несмотря на ошибочную датировку, Ю. Павук был прав в одном аспекте: керамические комплексы, состоящие из небольших, стертых фрагментов плохого качества, могут и в самом деле рассматриваться в качестве наследия культуры местного населения, по аналогии с такими же находками вокруг озера Балатон. Однако это население вряд ли пришло к изготовлению керамики самостоятельно; более вероятным является заимствование этой инновации, вместе с другими элементами неолитического комплекса, от неких групп, располагавшихся на окраине ареала Старчево или, скорее, от групп, образовавшихся вследствие смешения между южными переселенцами и местными сообще-

ствами. Керамику типа Нитра все же следует связывать с ранней посудой КЛЛК в Балатоне, где отсутствие столовой керамики и какой-либо орнаментации также наблюдается на ряде поселений, например, Шармеллек, Ревфюлёт, Балатонсепед, Тапольца-Плебаниакерт. Вероятно, вследствие определенных культурных влияний на территорию Задунавья, проживающие в северной части Кишальфёльда аборигенные группы также попытались изготовлять керамику.

Недавно фрагменты керамики ранней КЛЛК, схожей с посудой из Будапешта-Араньхедьи ут, были также обнаружены и к востоку от Дуная, на поселении Гальгахевиз (Kalicz, Kalicz-Schreiber 2002: 29—30). К северу от Дуная, восточнее гор Бёржён, профиль сосуда ранней КЛЛК был обнаружен в Ипойдамашд — к сожалению, на поверхности поселения (Torma 1993: 111, памятник 9/4 и Pl. 1). За исключением этого единственного черепка, все другие фрагменты керамики КЛЛК относятся к «нотной» фазе или к фазе Желиз! В данный момент эти разрозненные находки не способны предоставить ответы на вопросы, связанные с неолитизацией северо-восточного Задунавья. Наоборот, эти данные поднимают новые вопросы: о гипотетических контактах между задунайской КЛЛК и поздним мезолитом — ранним неолитом области Ясшаг, а также относительно возможных контактов с группой Сатмар II, т.е. с наиболее ранней КЛЛК на отрогах Матра и Бюкк Альфёльда. Определенно, даже для постановки более адекватных вопросов, мы нуждаемся в намного большем количестве данных, не говоря уже об ответах на эти вопросы.

Возможные причины отличий

Первым и наиболее адекватным объяснением различных путей перехода к неолиту является следующее: даже в пределах небольшого региона разные модели неолитизации встречаются в различной объеме и подразумевают различную степень коммуникации с местными племенами (рис. 72). Существует два региона: долина Дравы и окраина Альфёльда у гор Бюкк-Матра, где интенсивные миграции с юга обеспечили преобладание переселенцев над местным населением, чье участие в формировании неолитического комплекса было слабым. Другой крайностью данного процесса являлась область Ясшаг, по крайней мере, согласно нашим сегодняшним знаниям. Здесь присутствие аборигенного населения бесспорно, но, в свою очередь, настоящих по-

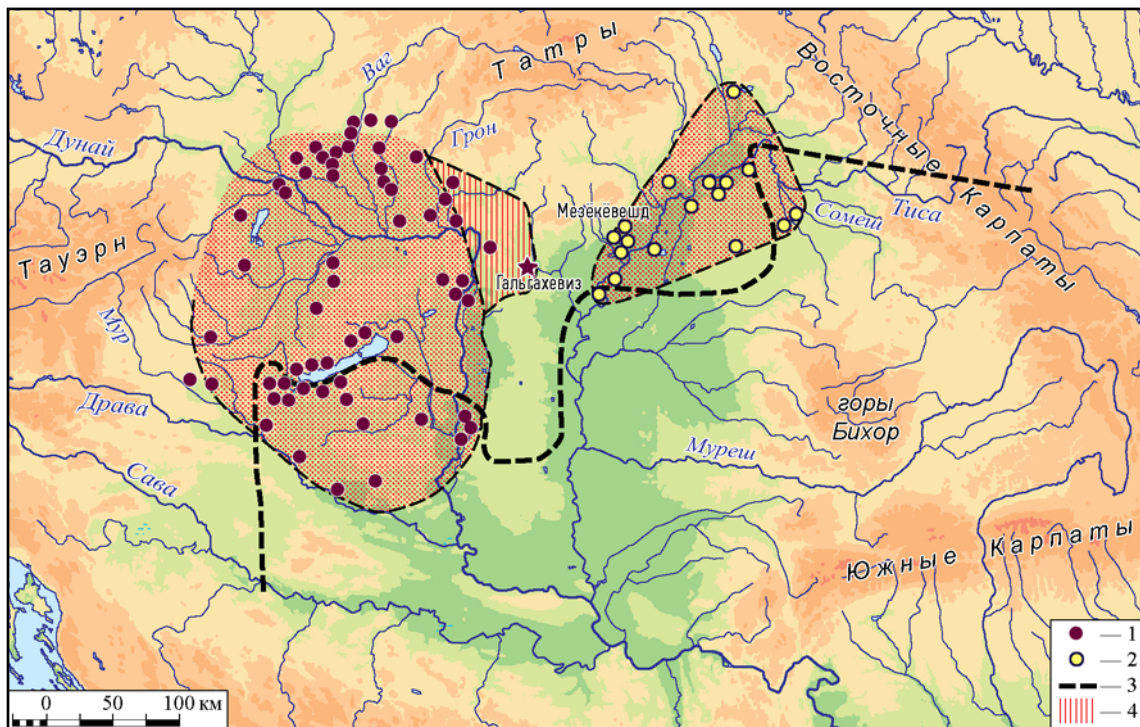

Рис. 71. Задунайская КЛЛК и ее распространение на восток от Дуная. 1 — памятники древнейшей задунайской (среднеевропейской) КЛЛК; 2 — памятники ранней Альфельдской КЛЛК (Сатмар II); 3 — северная граница распространения комплекса Старчево-Кёрёш-Криш; 4 — новая область распространения древнейшей задунайской (среднеевропейской) КЛЛК на северо-восток (по новым памятникам).

Fig. 71. The Transdanubian LBK extending east of the Danube. 1 — sites of the earliest Transdanubian (Central-European) LBK; 2 — early Alföld LBK (Szatmár II) sites; 3 — northern border of the Starčevo-Körös-Cris complex; 4 — the new region of the spread of the earliest Transdanubian (Central-European) LBK towards north-east (according to new sites).

селений Кёрёш, равно как и переходных элементов, которые могли бы отражать контакты между группами с разным хозяйством, здесь меньше. Мы выявили два региона: западное Задунавье с Балатоном и северо-восточный край Альфельда (Ньиршег), где контакты между местными охотниками-собирателями и носителями культуры Старчево — в первом случае — и Криш — во втором — являются весьма вероятными. Что касается процесса неолитизации северо-восточного Задунавья и региона вокруг Будапешта, то ситуация остается еще малопонятной, включая проблему спорадических памятников ранней КЛЛК, которые географически располагаются весьма близко к области Ясшаг, таким образом усложняя картину еще сильнее.

Второй вариант ответа исходит из гипотезы экологического барьера (Sümeği, Kertész 2001; Sümeği, Kertész, Hertelendi 2002; Bánffy, Sümeği 2012). Несмотря на иногда совершенно неправильное понимание и оценку этой идеи (Makkaу 2003), гипотеза о наличии «Центральноевропейско-балканского агроэкологического барьера» (ЦЕБАЭБ) не подразумевает существование некой границы,

которая бы разделяла население с разными способами ведения хозяйства друг от друга. Напротив, этот барьер означает, что климатическая ситуация все сильнее замедляла продвижение земледельцев с Балкан до тех пор, пока они не достигли региона, в котором некоторые элементы неолитического комплекса (включая отдельные виды флоры и фауны) не могли выжить. Таковыми, например, могли быть виды мелкого рогатого скота, которые, очутившись в атлантическом климате западного Задунавья, с влажными зимами, высоким и продолжительным снегом, имели мало шансов пережить зиму. В снегу коротконогое животное попросту утало бы, что неминуемо приводило к различным внутренним заболеваниям, наподобие пневмонии. Это значит, что прибывающие с юга люди должны были остановиться или двигаться намного медленнее в северном и западном направлениях. Таков был отрицательный импульс. Но экологический барьер обладал и положительным воздействием на процесс неолитизации. Чем больше времени человеческие общины проводили в одной области, тем больше возможностей было у аборигенных малых

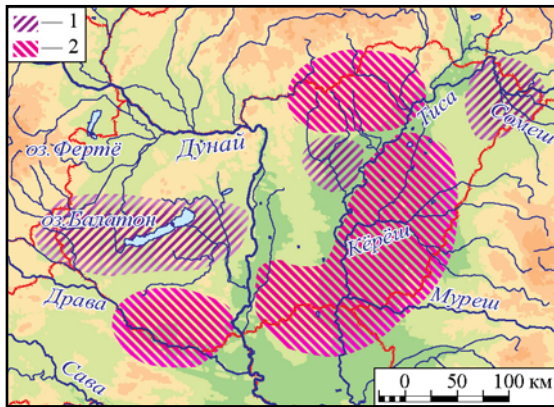

Рис. 72. Карпатский бассейн в середине VI тыс. до н.э.: вариации сценариев перехода к неолиту. 1 — территории с вероятным присутствием местных охотников-земледельцев; 2 — территории с преобладанием переселенцев — первых земледельцев с Северных Балкан.

Fig. 72. The Carpathian Basin at the mid-6th Millennium BC: variations on scenarios of the Neolithic transition. 1 — apparent local forager presence; 2 — stronger presence of first farmers from the North Balkan.

групп наладить более близкие личные, культурные и обменные контакты с пришельцами. Показательным для этого долговременного процесса является регион Балатона, где на это сосуществование указывает ряд прямых и косвенных аргументов из области не только археологии, но и естественных наук (Bánffy 2000b; 2004; 2005) (рис. 73).

Другие значительные отличия в процессе неолитизации могут быть прослежены между двумя основными регионами, Задунавьем и Альфельдом. Эти отличия становятся еще более очевидными при рассмотрении характера расселения человеческих групп. Ареал двух культур КЛЛК на востоке оставался практически неизменным, не расширяясь на развитых фазах: от бассейна Тисы к бассейну Кёрёш и Парциуму. В Задунавье все происходило наоборот (рис. 74). За несколько десятилетий, т.е. за 80—120 лет, задунайские группы ранней КЛЛК, представляющие собой генетическую и культурную смесь местных охотников-собирателей и балканских земледельцев, заняли огромное пространство между Парижским бассейном и юго-восточной Польшей. За этими существенными различиями должны были стоять очень разные стратегии жизнеобеспечения.

Восточная группа предпочла наиболее интенсивную систему расселения и вела такое хозяйство, которое привело к образованию настоящих теллей. Этот процесс должен был сопровождаться повышением социальной стратификации, появлением наследствен-

ного социального ранга и интенсивным развитием символов и ритуалов, практически формируя предурбанистическое общество, как на Ближнем Востоке. Интересно, что эта модель предполагает намного более сложный способ ведения хозяйства, чем в предшествующие периоды. Земледелие и скотоводство играли основную роль, а их организация начала проводиться на неизвестном раннее уровне, судя по различиям в социальном ранге населения, которые образовались к концу неолита.

Выводы

Начало оседлого образа жизни и контакты между Задунавьем и Центральной Европой

В этой статье я попыталась описать контакты, существовавшие между областью происхождения (Задунавье) и областью назначения (лесовые территории внутренней Центральной Европы) на основе анализа ранней керамики Задунавья. Были отмечены значительные различия между керамическими комплексами поздних поселений Старчево в Западном Задунавье и Балатоне, с одной стороны, и памятников Южного Задунавья и далее к югу. Эти различия, отраженные в находках из Сентдёрдьвельдь-Питьердомб и ряда других памятников, скорее всего, могут быть приписаны культурному воздействию местных групп охотников-собирателей.

К подобному выводу приводит и анализ культовых находок. Появление неолитических предметов культа в комплексах переходного характера, как в Питьердомб, и более позднее распространение их копий также отражают определенную сторону взаимоотношений между этими двумя группами населения. Ни в Питьердомб, ни на других ранних поселениях, ни среди материалов с поверхности мы не находим следов того богатого разнообразия, которое было характерно для культуроопределяющего комплекса раннего неолита Балкан. Это может указывать на то, что некоторые из принадлежностей культа принимались и использовались общинами формативной КЛЛК, а другие нет. Также нельзя не принимать во внимание, что определенные элементы культового инвентаря перенимались или копировались, исходя из соображений престижа. Как и в случае других неолитических инноваций, возможно, это отражает проявление зачатков социального ранжирования в данных аборигенных сообществах. Я уверена, что присутствие местных копий культовых пред-

Рис. 73. Модель перехода к неолиту в Западном Задунавье (по Н. Калиц, М. Звелебил, Э. Банффи, З. Трингэм).

Fig. 73. Model of the Neolithic transition in Western Transdanubia (after N. Kalicz, M. Zvelebil, E. Bánffy, R. Tringham).

метов и резкое упрощение статуарного комплекса может объясняться культурным воздействием местных охотников-собираателей на смешанное население, формировавшее ранние общины КЛЛК.

Сохранение мезолитического образа жизни в переходное время может быть прослежено в каменном инвентаре. Богатые комплексы каменных орудий с Балатонской возвышенности часто отражают позднемезолитическую тарденуазскую микролитическую традицию. Тщательное рассмотрение этих

артефактов обнаруживает следы специфического блеска на некоторых орудиях, появившегося в результате их использования в составе орудий типа серпа. Эта ситуация предполагает три возможных объяснения: использование орудий в мезолитическом растениеводстве, происхождение орудий в результате попадания с раннего, доклассического поселения КЛЛК или сохранение мезолитического набора в неолитическом комплексе каменных орудий. В первом случае мы можем предположить наличие абори-

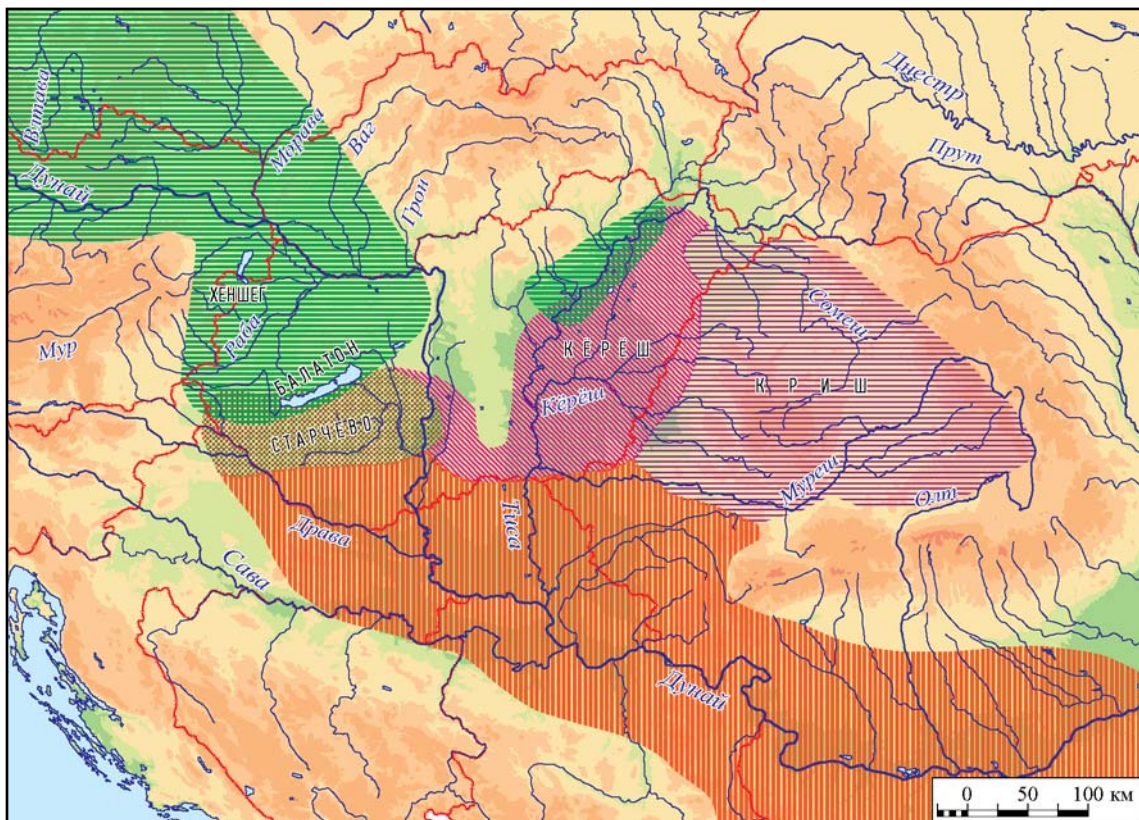

Рис. 74. Карпатский бассейн в середине VI тыс. до н.э. Распространение КЛЛК.

Fig. 74. The Carpathian Basin at the mid-6th Millennium BC. The spread of the LBK.

генной группы, в определенной степени уже знакомой с неолитическими инновациями, в то время как второй сценарий предполагает существование смешанного населения, которое по-прежнему практиковало охоту и рыболовство. Следовательно, мезолитический набор орудий сохранился в ранней КЛЛК. Интересно, что исчезновение данного набора совпало с изменениями в системе расселения и хозяйства в начале поздней фазы КЛЛК (фаза Кестей) — того самого периода, когда население задунайских поселений начинает использовать упрощенный набор орудий, классический для культур КЛЛК, а именно, пластины-вкладыши для серпов и некоторые другие типы.

Местные мезолитические группы определенно являлись частью подвижного охотничье-собирающего населения, известного по каменным орудиям и некоторым другим находкам в бассейне Вагонь, в регионе Малого Балатона и в области Сентдёрдьвельдь. Взаимодействия между двумя группами населения, вероятно, означали, что представляемые ими два различных образа жизни и наборов ценностей выступали в качестве взаимных стимулов, что сводило к минимуму возможные конфликты, приводя к мирному

сосуществованию или даже совместному проживанию на поселениях.

В свете вышеописанных долговременных процессов постепенных трансформаций становится понятным, что т.н. «неолитическая революция» (то есть радикальное изменение способа ведения хозяйства) наступила не в самом начале неолитического периода в Западном Задунавье, а на одну фазу позже. Это подтверждается наблюдаемым переходом к производящему хозяйству не на самой ранней фазе КЛЛК, а в начале классического этапа Кестей в Задунавье. Поселения перестают располагаться непосредственно у воды, а находятся выше, на террасах и холмах с достаточно плодородной лессовой почвой. Одной такой зоной является долина Марцаль, простирающаяся от Балатона в сторону Дуная, на высоких террасах которой известна плотная сеть поселений фазы Кестей культуры КЛЛК (рис. 75). Хотя большинство макроботанических находок с этого региона по-прежнему не опубликовано, данные палинологии четко указывают на широкомасштабную сельскохозяйственную культивацию растений. Следовательно, значительные изменения образа жизни и способа ведения хозяйства в Задунавье произошли не в начале нео-

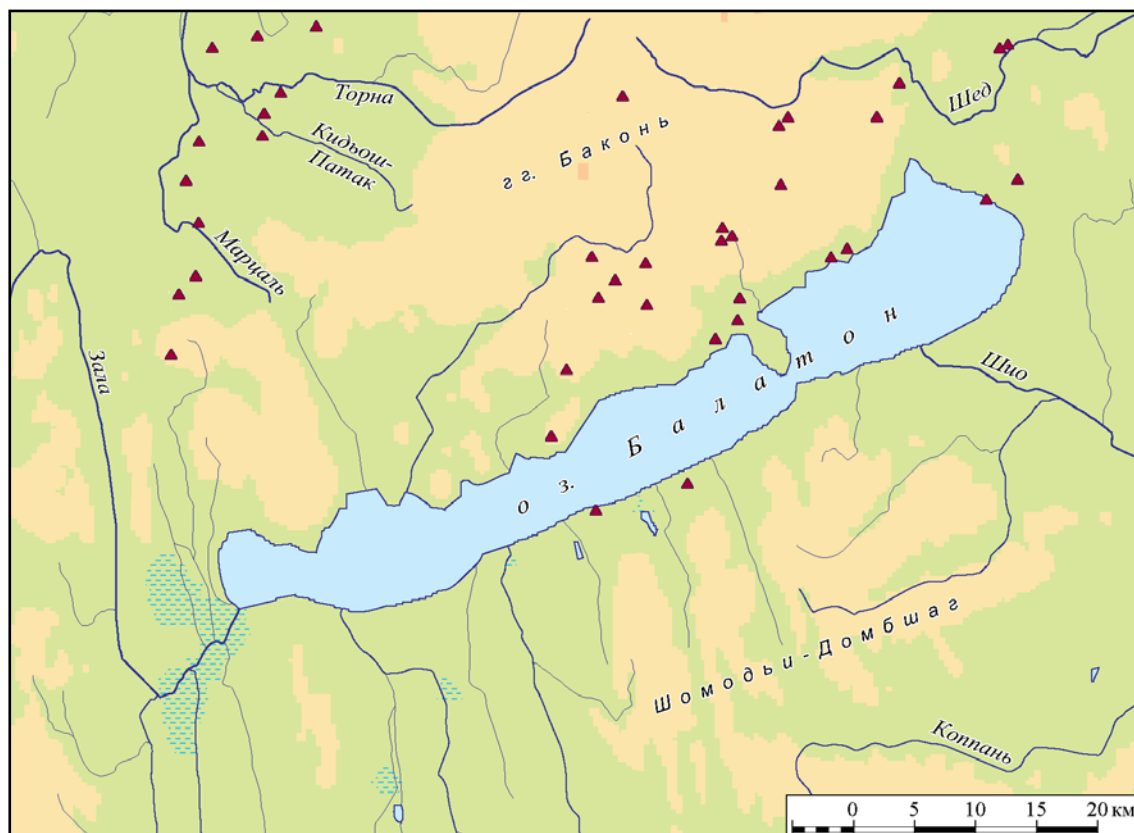

Рис. 75. Карта региона озера Балатон с указанием памятников поздней КЛЛК, расположенных на лессовых участках.

Fig. 75. Map of the Balaton region, indicating sites of the later LBK, settled on loess areas.

лита, как считалось ранее, а на три или четыре поколения позже.

**Соль как возможная причина
образования неолитической сети
обмена между Трансильванией
и Альфёльдом**

Для объяснения причин столь быстрого распространения неолитических инноваций ключевыми, скорее всего, являются понятия культурного контакта и обмена на больших расстояниях. Помимо таких археологически прослеживаемых ценностей, как кремневое сырье, здесь следует рассмотреть еще один вид товара, археологически неуловимого, существование которого, однако, следует из логических соображений. Это соль.

В неолите пункты по добычи соли существовали к югу и к востоку от Карпат, прежде всего в Румынии, Болгарии, Сербии и Адриатическом Карсте (Nikolov 2008; Gaydarska, Chapman 2007; Tasic 2000; Montagnari-Kokelj 2007; Weller, Dumitroaia 2005). Археологические следы разработки соляных источников и степень их изученности варьируют от региона к региону. В некоторых

случаях специализированная добыча соли на определенном памятнике весьма вероятна, или можно предполагать наличие определенных регионов, откуда начинались обменные связи. В то же время археологических находок, которые бы это подтверждали, очень мало.

Прямые свидетельства из ранних фаз неолита в Карпатском бассейне несут более чем гипотетичный характер. Но учитывая, что соль является необходимым для жизни человека продуктом, роль которого еще сильнее возрастает, когда доля мясного и рыбного протеина в питании уменьшается, а роль растительной пищи возрастает, добыча соли должна была иметь место. С появлением первых окультуренных растений, на заре перехода к неолиту, люди начали постепенно потреблять меньше пищи, происходящей от охоты и собирательства, и больше питаться злаковыми продуктами. Неолитический образ жизни также означает domestикацию животных. Овца, коза и крупный рогатый скот появились в Карпатском бассейне в уже одомашненном виде, так что кормить их солью было очень важно. Эти физиологические потребности дополнялись необходимостью использо-

вать соль для консервирования пищи, производства вещей из кожи или даже торжественного потребления еды общиной; другими словами, соль имеет также социальную функцию (Chapman, Gaydarska 2003: 203).

Таким образом, при отсутствии местного источника, соль нужно было откуда-то привозить. Для первичной попытки реконструкции возможных путей доставки соли целесообразен сбор данных по структурам расселения, а также других сведений из различных зон, в особенности из регионов, где имелись источники соли. Обменные сети могут стать ключевыми для понимания различных форм социального и культурного развития в VI и начале V тыс. cal. BC. В этом смысле резонно проследить их до начала неолита, точнее — до периода перехода к неолиту. Здесь следует выделить три вида деятельности, которые могут быть связаны с солью в неолите. Во-первых, имеет смысл искать те категории инвентаря, прежде всего фрагменты керамики, которые использовались для выпаривания соляного раствора в непосредственной близости от соляных источников. Вторым этапом является транспортирование соли к тем регионам, где ее мало. Выявление таких маршрутов возможно с помощью анализа других категорий импортируемых или экспортируемых находок, или же других индикаторов, таких, как местные сырье. Определение конкретного способа перевозки маловероятно, так как, скорее всего, для этого использовались не керамические сосуды, а сумки или мешки из кожи или ткани. Как и соль, они не оставляют археологических следов. В-третьих, пока не существует прямого археологического признака потребления соли. Разумно его искать в регионах, где соляные источники отсутствуют — например, в центральной части Карпатского бассейна. Здесь мы попытаемся предположить способ использования и направления перевозки соли, основываясь на вышеописанном трехсоставном подходе.

Сегодня есть четкие данные о начале эксплуатации соляных источников в Восточных Карпатах, на территории Румынии и исторической Молдавии уже около 6000 BC (Weller, Dumitroaia 2005; Weller et al. 2008; Danu et al. 2010; Munteanu et al. 2007). В Лунка-Пояна Слатиней, Калабатаоая и Кукуець встречается керамика культуры Криш, непосредственно у источников или недалеко от них (Cavruc, Chiricescu 2006: 195). Также существуют поселения раннего неолита, которые отражают четкую взаимосвязь с расположением соляных источников (Ursulescu 1984: 41). Далее, западнее, на территории Трансильвании, были

исследованы неолитические памятники, которые могут быть связаны с разработкой соли (Ignat 1983; 2001; Lazarovici, Lazarovici 2012).

Одним из таких поселений является Гура Бачулуй возле Клужа. Памятник находится в непосредственной близости от соляных копей (Maxim 1999; Lazarovici, Maxim 1995) и был заселен на всем протяжении существования раннеолитической культуры Криш, имея широкие связи в раннем неолите Восточных Карпат (Lazarovici, Maxim 1995: 346—352). По радиоуглеродным данным, хронологическая колонка поселения составляет около 800 лет (Spataro 2008: 92). Не только археологи, работавшие на поселении, но и, например, Ненад Тасич считают, что памятник играл важную роль в добыче и торговле солью (Tasić 2000: 40).

Последние исследования распространения соли сосредоточены в еще более западном регионе, возле современной румыно-венгерской границы. Речь идет о группе Мехтелек, рассматриваемой в качестве регионального элемента культуры Кёрёш-Криш. Контактные пути, на наличие которых указывает ряд находок, включая своеобразные плоские «плитчатые» фигурки, типичные для группы Мехтелек, могут быть с уверенностью реконструированы между Восточной Венгрией, западнорумынской группой Кёрёш-Криш и соляными регионами Трансильвании и Молдавии. Сам Н. Калиц предположил, что, наряду с участием в обширной сети по распространению обсида, население группы Мехтелек могло участвовать в обмене соли, который играл ключевую роль в формировании этих маршрутов (Kalicz 2011; 2012: 121). В культуре Кёрёш, известны находки воронковидной, грубой керамики (как в Ибрань-Надьердэ — Kalicz 2012: Fig. 3/10), которая, как считают некоторые специалисты, могла быть использована для выпаривания соли (Fries-Knoblach 2001, Taf. 6/1). В более поздние периоды аналогичные типы посуды интерпретируются в качестве брикетажей. Тем не менее, если считать, что брикетажи должны находиться только вблизи от соляных источников, нет смысла предполагать экспортрование такой посуды в бедные солью регионы.

Далее, можно предположить дальнейшее существование сети по доставке соли в ранней КЛЛК, судя по косвенным доказательствам, таким, как восстановление связей между Северным Альфельдом и Трансильванией во время формирования поздних групп КЛЛК в последние столетия VI тыс. cal. BC.

После обозначения возможных дальних связей между Трансильванией и восточнорумынскими регионами

герскими памятниками Кёрёш, рассмотрим, каким образом могли получать соль общины Кёрёш на юге Венгрии.

Согласно картам распространения основных источников соли в Европе (Saile 2000; 2008; Tasic 2000; Fries-Knoblach 2001), в центральной части Карпатского бассейна (современная территория Венгрии) они полностью отсутствуют. Единственной возможностью добывать соль могла быть эксплуатация небольших солончаковых прудов в низменностях — например, из окрестностей Сарваша в Альфёльде, — но они могли с трудом обеспечить потребности даже одной земледельческой общины. Ближе к узкой заселенной территории вдоль Дуная (см. выше, обсуждение памятника №1), подобные пруды встречаются еще реже. В болотистых излучинах Дуная даже незначительное повышение уровня реки приводило либо к затоплению небольших пригодных для пахоты островков, либо к ограничению к ним доступа. Столь же важным был социальный фактор: эти группы оставались в изолированном положении без каких-либо видимых контактов с соседними группами Старчево на западе, с довольно пустым незаселенным пространством на севере и юге, а также с песчанистыми землями к востоку. Судя по всему, после попытки наладить жизнь у Дуная на протяжении нескольких поколений, этот «анклав» принял резонное решение вернуться на территорию Альфёльда, используя те же речные долины, по которым они пришли с территории Тисы и Кёреша. На новом месте они обнаружили не только более развитую общинную организацию и более крупные родовые структуры, но и более широкий доступ к жизненно важным товарам, таким, как соль.

Соль — двигатель перехода к неолиту в западной Венгрии и Центральной Европе?

Известно, что западная часть Карпатского бассейна, Задунавье, является регионом фактически без соляных источников. Даже ближайšie запасы соли, у города Тузла в Боснии (Tasic 2000), расположены достаточно далеко, в регионе, с которым первые задунайские земледельцы (носители культуры Старчево) не поддерживали каких-либо близких контактов. Также стало общепринятым предположение о зарождении КЛЛК в западной части Карпатского бассейна. Эти общины быстро распространились на территорию современной Австрии, в Моравию и Южную Германию

вдоль Дуная, в регион Халле (у реки Заале) на севере и далее, на территорию Южной Польши. Примерно 150 лет спустя последовала вторая волна экспансии, в результате которой население обширных регионов Европы, от Парижского бассейна до Украины, переняло характерный для КЛЛК тип оседлой жизни и земледелия.

Миграция первых земледельцев во внутренние области Центральной Европы произошла так быстро, что не оставила каких-либо типологических различий в археологических данных (Quitta 1960; Lüning 1988). К тому же — по крайней мере, для начала экспансии — имеющиеся радиоуглеродные датировки не позволяют выявить каких-либо чередующихся фаз (Lenneis et al. 1996; Lüning 2005: 60—62; Bánffy, Oross 2010). Недавно миграция КЛЛК из Задунавья была подтверждена другими методами: анализами ДНК и стабильных изотопов (Smrcka et al. 2008; Zvelebil, Pettitt 2008; Nehlich et al. 2009; Szécsényi et al. 2012; Haak et al. 2005; 2010; Ammerman et al. 2006).

Обсуждая возможные причины миграции, Дэвид Энтони представил несколько сценариев. С моей точки зрения, самым важным его наблюдением является то, что среди причин, приводящих к началу миграции, можно выделить отрицательные «выталкивающие» и положительные «притягивающие» силы (Anthony 1990: 898). Следовательно, некоторые из причин перемещения населения могут возникать в самой отправной точке миграции: перенаселение, ухудшение климатических условий, засуха, голод и социальное напряжение. При рассмотрении исторических примеров «притягивающих» сил замечено, что общей характерной чертой является предварительный контакт с целевым регионом. Низкая плотность населения, плодородные земли, близость к воде, хороший климат и источники сырья представляют собой факторы, которые делают новый регион привлекательным. Также, если существует возможность налаживания обменных отношений, область такого типа обычно привлекает поселенцев.

В случае с экспансией КЛЛК можно отвергнуть возможность таких «выталкивающих» сил, как перенаселение или ухудшение климата. Что касается «притягивающих» сил, то наоборот, существуют признаки практически каждой из них. Причины, повлекшие самую крупную экспансию в преистории, имеют особое значение. Очевидно, речь идет о совокупности разных причин, учитывая, что «миграция является социальной стратегией» (Anthony 1997: 22).

Присутствие радиолярита из Сентгаль в донеолитической Моравии и Южной Германии, а также находки дунайских раковин в той же Германии представляют собой некоторые скромные признаки существования таких связей в археологическом материале (Mateiciucová 2004; 2008; Bánffy 2004).

Позволим себе привести некоторые дополнительные аргументы в пользу идеи о том, что центрально-европейская экспансия может быть (помимо прочих причин) объяснена существованием контактных сетей. Как отметили Кэртис Раннелс и Тьерд ван Андел, неолитическую экспансию и сопутствующие ей инновации можно рассматривать как условие для торговли, формирующее основы благосостояния, достижение которого было весьма привлекательным (Runnels, van Andel 1988: 102). В Германии наиболее ранние, западные контакты мезолитического населения были также использованы ранними земледельцами, причем, судя по возрастающей интенсивности контактов, они, вероятно, улучшили и расширили эту сеть. Андреас Циммерманн убедительно доказал, что «центральные пункты» (*Zentrale Orte*), появления которых связано со скоплениями поселений (*Siedlungskammer*) (Zimmermann 1995: 61—62), являлись основной ареной для налаживания долгосрочного обмена. Общинная идентичность, поразительно однородная материальная культура и, скорее всего, сходная социальная структура остались неизменными на протяжении многих поколений. Это указывает, что контактные сети продолжали действовать до времени поздней КЛЛК в Задунавье и фазы Фломборн в Германии, или даже несколько дольше. Остается определить: какие взаимные интересы формировали основу для этих контактов? Какие товары могли циркулировать среди этих отдаленных друг от друга групп?

Реальный спектр товаров должен был быть гораздо шире, чем это представляется сегодня и, безусловно, включал товары, не оставившие археологических следов: шкуры, ткани, кожа, продукты питания. Здесь же следует упомянуть возможную циркуляцию мастеров, т.е. людей, которые приносили новые технологии в конкретный регион, а также брачные контакты и родственные связи между группами. Эти контакты, вероятно, не могут быть подтверждены иначе, кроме как исследованием намного большего количества некрополей КЛЛК, которые содержали бы хорошо сохранившиеся костные останки.

Идея, что товаром, получаемым в обмен на товары задунайского происхождения, мог-

ла быть соль, впервые пришла ко мне, когда я посетила поселение в Бад Наухайм-Нидермёрлен. Находки с этого памятника отражают на удивление сильные контакты с Задунавьем. Область Мёрленер Бухт богата гематитовыми отложениями (Schade-Lindig, Schwitalla 1999: 28), но этот красный минерал встречается не настолько редко, чтобы составить основу для обменных отношений. Однако Бад Наухайм находится в регионе, богатом солью. Раскопки в Нидермёрлен позволили открыть следы обширной добычи соли в железном веке и в римское время. Венделин Лайдингер, который исследовал следы добычи соли в неолите более северных регионов (Вестфалия), детально описал, как проходил этот процесс у носителей ранней КЛЛК в указанном районе (Leidinger 1983; 1996; 1997).

Таким образом, возможно, что этот легко транспортабельный товар, столь необходимый для питания, хранения пищи и здоровья животных, обменивался на товары из Дунайской долины. Н. Тасич считает соль и доступ к ее залежкам (регионы с почвой с высоким содержанием соли и с соляными источниками) одним из основных факторов в неолитизации Балкан (Tasic 2000). Торговля солью также сыграла важную роль в культурном развитии этого региона и в его контактах с другими областями в более поздние периоды (Monah 1991).

Здесь следует, однако, учесть еще один фактор. Гальштатский регион в Зальцкаммергут, богатый солью, находится ближе к Задунавью чем все остальные указанные выше источники. Тогда почему же ранним земледельцам пришлось продвигаться так далеко за солью? Распространение поселений раннего неолита четко указывает, что маршрут миграции проходил вдоль северного берега Дуная, по Мюнхенскому бассейну в юго-западную Германию. Похоже, несмотря на их близость, соляные шахты из Гальштата были неизвестны в VI тыс. до н.э. и не могли быть возможным источником.

Существует возможность обнаружения соли (хлорида натрия) в матрице сосудов, использованных для ее производства (Nogüchi et al. 2011). Но в неолите брикетажи обнаруживаются только в местах, где добывалась соль, т.е. возле соляных источников. Сложно сказать, как транспортировалась соль из богатых в бедные солью области Карпатского бассейна, так как не только соль является невидимой с археологической точки зрения, но и какие-либо мешки или сумки, используемые для ее переноски.

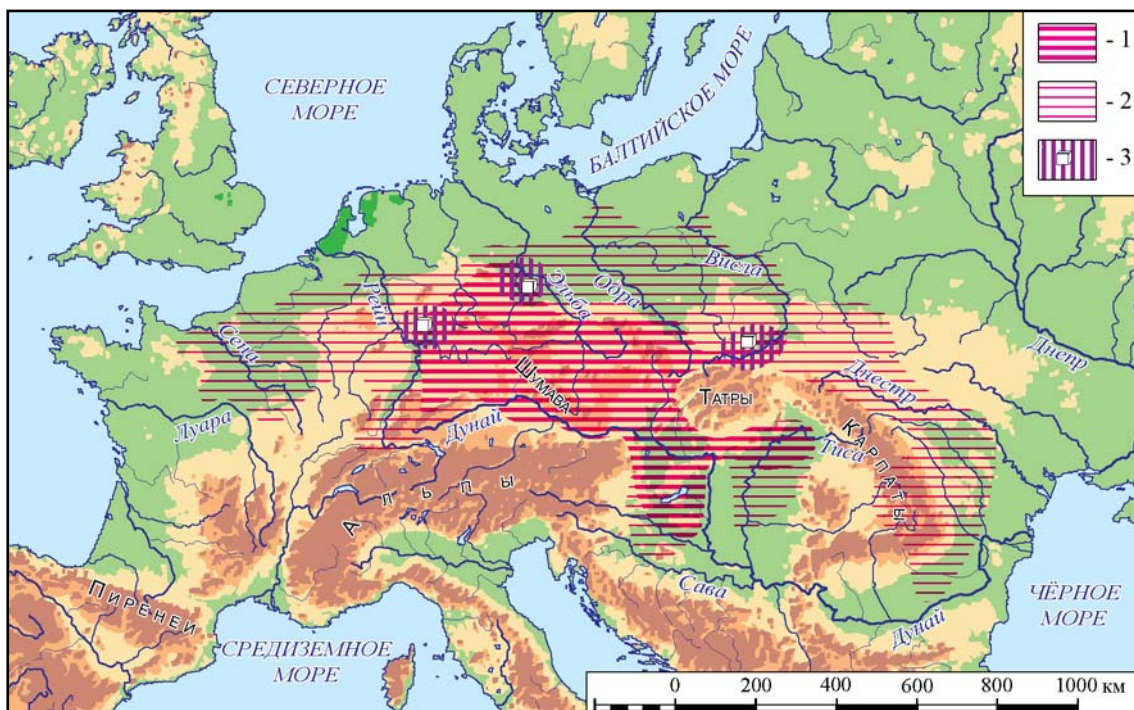

Рис. 76. Основные солевые регионы Центральной Европы и распространение первой волны КЛЛК. 1 — территория распространения памятников первой волны КЛЛК; 2 — территория распространения памятников второй волны КЛЛК; 3 — районы добычи соли.

Fig. 76. Primary salt regions of Central Europe, combined with the distribution of the first wave of LBK groups. 1 — spread of the first LBK wave sites; 2 — spread of the second LBK wave sites; 3 — salt extracting regions.

Рассмотрим карту распространения первых земледельцев в Центральной Европе (рис. 76). Область, выделенная более плотной штриховкой, показывает, как далеко продвинулась первая волна КЛЛК. Очевидно, что три крайних точки — западная Германия, регион Эльбы-Заале и Малая Польша — соответствуют трем богатым солью регионам. Могло ли это быть случайным?

Связь между солью и центральноевропейской миграцией начала неолита является сегодня не более чем гипотезой. Это неудивительно, учитывая скудость данных о переходе к неолиту и процессе неолитизации. В будущем новые методы исследования смогут подвергнуть проверке эту гипотезу.

Итоги

В данной работе некоторые регионы Карпатского бассейна были представлены в качестве сцен, на которых разворачивался широкий, мозаичный, с точки зрения как времени, так и пространства, процесс перехода к земледелию. В общих чертах я попыталась доказать, что культурное развитие на территории Альфельда в Восточной Венгрии протекало достаточно стабильно, в то время как Задунавье на западе не толь-

ко показало наличие определенного культурного (и, вероятно, генетического) смешения между балканскими земледельцами и местными охотниками-собираателями, но и быстрое распространение новообразованных групп (КЛЛК) по широким пространствам Европы. Также первые земледельцы, пришедшие с Балкан, поддерживали контакты с исходной областью миграции, причем на позднем этапе эти контакты являлись более стабильными. В некоторых случаях сеть обмена и культурных контактов продолжала функционировать в поздней КЛЛК, в последние столетия VI тыс. до н.э.

В настоящее время разворачиваются новые европейские (ERC) и немецкие (DFG) исследовательские программы, нацеленные на археогенетические исследования, изотопные анализы и уточнение радиоуглеродной хронологии с помощью байесовского метода. Что касается перехода к неолиту и тех ранне-неолитических групп, которые появляются столь неравномерно в небольших регионах восточной и западной Венгрии, то вопросов пока еще намного больше, чем ответов. Но даже эти вопросы нужно было сначала сформулировать. Данная работа, надеюсь, является небольшим шагом вперед, отражая нынешнее состояние исследований.

Литература / References

- Ammerman et al. 2006: Ammerman A.J., Pinhasi R., Bánffy E. 2006. Comment on “Ancient DNA from the First European Farmers in 7500-Year-Old Neolithic Sites”. *Science* 312, no. 5782, 30. June 2006, 1875—1877.
- Anthony D.W. 1990. Migration in archaeology: the baby and the bathwater. *American Anthropologist* 92/4, 895—914.
- Anthony D.W. 1997. Prehistoric migration as social process. In: Chapman J., Hamerow H. (eds.). *Migrations and Invasions in Archaeological Explanation*. BAR International Series 664. Oxford: Archaeopress, 21—32.
- Bakay et al. 1966: Bakay J., Kalicz N., Sági K. 1966. *Magyarország régészeti topográfiája (Archaeological Topography of Hungary) 1. A keszthelyi és a tapolcai járás*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Bánffy et al. 1997: Bánffy E., Bíró K., Vaday A. 1997. Újkőkori és rézkori telepnyomok Kompolt 15. sz. lelőhelyen (Neolithic and Chalcolithic finds from Kompolt, site Nr. 15). *Agria* 23, 19—57.
- Bánffy E. 1999. Kompolt-Kisté: újkőkori telep. Kompolt-Kisté, a Neolithic settlement. In: Vaday A., Bánffy E., Bartosiewicz L., Bíró K., Gogaltan F., Horváth F., Nagy A. 1999. *Újkőkori, bronzkori, szarmata és avar lelőhely. Leletmentő ásatás az M3 nyomvonalán (A Neolithic, Bronze age, Sarmatian and Avar site. Rescue excavation at the M3 motorway)*. Eger: Dobó István Vármúzeum, 13—170.
- Bánffy E. 2000a. Szilvásvárad-Töröksánc. A Bükk-kultúra leletei (Finds of the Bükk culture). *Agria* 35, 85—92.
- Bánffy E. 2000b. The late Starčevo and the earliest Linear Pottery groups in Western Transdanubia. *Porocilo o Raziskovanju Paleolita, Neolita i Eneolita v Sloveniji* 27, 173—185.
- Bánffy E. 2001. Neue Funde der Starčevo-Kultur in Südtransdanubien. In: Draşovean F. (ed.). *Festschrift für Gheorghe Lazarovici*. Timişoara: Mirton, 41—58.
- Bánffy E. 2002. Notes on the connection between human and zoomorphic representations in the Neolithic. In: Biehl P., Bertemes F. (eds.). *The archaeology of cult and religion*. Budapest: Archaeolingua, 53—71.
- Bánffy E. 2004. *The 6th Millennium BC boundary in Western Transdanubia and its role in the Central European transition (The Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb settlement)*. *Varia Archaeologica Hungarica* 15. Budapest: Institute of Archaeology.
- Bánffy E. 2005. Újkőkori és rézkori megtelepülés a Kerka völgyében (Neolithic and chalcolithic settling in the Kerka valley). *Zalai Múzeum* 13, 7—28.
- Bánffy E. 2012. The main zones of the Körös culture 3.4. South Western zone. The Körös culture settlements in the Danube — Tisza interfluvium. In: Anders A., Siklósi Zs. (eds.). *The First Neolithic Sites in Central/South-East European Transect III. The Körös Culture in Eastern Hungary*. BAR International Series 2334. Oxford: Archaeopress, 53—68.
- Bánffy E. 2013a. Tracing the beginnings of sedentary life in the Carpathian Basin. On the formation of the LBK house. In: Hofmann D., Smyth J. (eds.). *Tracking the Neolithic house in Europe — sedentism, architecture and practice*. New York: Springer, 117—149.
- Bánffy E. 2013b. On neolithic frontier zones in the Carpathian Basin. In: Anders A., Kulcsár G., Kiss V., Kalla G., Szabó, G. (eds.). *Moments in time. Papers presented to Pál Raczky on his 60th birthday*. Prehistoric Studies 1. Budapest: L'Harmattan Kiadó, 35—45.
- Bánffy E. в печати. *The Early Neolithic of the Danube-Tisza Interfluvium, Southern Hungary. With contributors*. BAR-Archaeolingua Central European Series 7. Oxford: Archaeopress.
- Bánffy et al. 2007: Bánffy E., Eichmann W.J., Marton T. 2007. Mesolithic foragers and the spread of agriculture in Western Hungary. In: Kozłowski J., Nowak M. (eds.). *Mesolithic-Neolithic interactions in the Balkans and in the Middle Danube Basin. Proceedings of the XV World Congress (Lisbon, 4—9 September 2006)* 6. BAR International Series 1726. Oxford: Archaeopress, 53—82.
- Bánffy E., Oross K. 2010. The “earliest” and the “earlier” phase of the LBK in Transdanubia. In: Gronenborn D., Petrasch J. (eds.). *The spread of Neolithic to Central Europe*. RGZM Tagungen 2. Mainz: Verlag des RGZ, 255—272.
- Bánffy et al. 2010: Bánffy E., Marton T., Osztás A. 2010. Early neolithic settlement and burials at Alsónyék-Bátaszék. First report. In: Kozłowski J.K., Raczky P. (eds.). *Neolithisation of the Carpathian Basin: Northernmost distribution of the Starčevo/Körös culture*. Kraków, Budapest: Polska Akademia Umiejętności, 37—51.
- Bánffy E., Sümegei P. 2012. The early neolithic agro-ecological barrier in the Carpathian Basin: a zone for interaction. In: Anreiter P., Bánffy E., Bartosiewicz L., Meid W., Metzner-Nebelsick C. (eds.). *Archaeological, cultural and linguistic heritage: Festschrift for Erzsébet Jerem in honour of her 70th birthday*. Budapest: Archaeolingua, 57—69.
- Berzsényi B., Dálnoki O. 2005. Plant cultivation and crop processing in the formative LBK settlement of Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb in Transdanubia (6th Millennium BC). In: Bánffy E. (ed.). *Archaeology and Settlement History in the Kerka Valley, South-West Hungary*. *Antaeus* 28, 261—270.
- Bíró T.K. 1991. Mencshely-Murvagödrök kőanyaga (The lithic assemblage from Mencshely-Murvagödrök). *A Tapolcai Városi Múzeum Közleményei* 2, 51—60.
- Bíró T.K. 2005. The lithic finds from Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. In: Bánffy E. (ed.). *Archaeology and settlement history in the Kerka valley, S-W Hungary*. *Antaeus* 28: 217—251.
- Bíró K., Regénye J. 2007. Exploitation and workshop sites in the Bakony Mts.: study of the lithic material. In: Kozłowski J.K., Raczky P. (eds.). *The Lengyel, Polgár and related cultures in the Middle/Late Neolithic in Central Europe*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 261—268.
- Bogdanovic M. 1988. Architecture and structural features at Divostin. In: McPherron A., Srejovic D. (eds.). *Divostin and the Neolithic of Central Serbia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 35—141.
- Bognár-Kutzián I. 1977. Ausgrabungen in Szakmár-Kisülés im Jahre 1975. *Mitteilungen des Arch. Instituts der Ung. Akademie der Wissenschaften* 7, 13—17.
- Brukner B. 1966. Die Tardenoisien Funde Peres bei Hajdukovo und aus Backa Palanka und das Problem der Beziehungen zwischen dem Mesolithikum und präkeramischen Neolithikum im Donaugebiet. *Archaeologia Iugoslavica* 7, 1—12.
- Brukner B. 1974. Rani neolit (The early Neolithic period). In: Brukner B., Jovanović B., Tasić N. *Praistorija Vojvodine*. Novi Sad: Savez arheoloških društava Jugoslavije, 427—433.
- Carneiro A., Mateiciucová I. 2007. Daub fragments and the question of structures. In: Whittle A. (ed.). *The Early Neolithic on the Great Hungarian Plain: investiga-*

№2. 2014

- tions of the Körös culture site of Ecsegfalva 23, County Békés. *Varia Archaeologica Hungarica* 21. Budapest: Institute of Archaeology, 255—285.
- Cavruc V., Chiricescu A. (eds.). 2006. *Sarea, timpul și omul*. Sfântu Gheorghe: Editura Angustia.
- Chapman J., Gaydarska B. 2003. The provision of salt to Tripolje Mega-sites. In: *Tripolitan settlement-giants*. International symposium materials. Kiev: Nacionálna Akademia Nauk Ukraini, 203—210.
- Ciobotaru D. 1998. Plastica neolitică din aşezarea de la Foeni-Sălaş (jud. Timiș) (Neolithic artistic and cult artifacts from the Foeni-Sălaş site [Timiș County]). *Analele Banatului* 6, 73—82.
- Cladders M. 1995. *Die Tonware der ältesten Bandkeramik. Untersuchung zur zeitlichen und räumlichen Gliederung*. PhD Thesis. Frankfurt/Main.
- Coudart A. 1998. *Architecture et société néolithique. L'unité et la variance de la maison danubienne*. Documents d'archéologie Française 67. Paris: Maison des sciences de l'homme.
- Csengeri P. 2003. Adatok a Bükk-kultúra kerámiaműveségének ismeretéhez. A Felsővadász-várdombi település leletanyaga (Data to the pottery of the Bükk culture archaeological finds from the settlement at Felsővadász-Várdomb). *Hermann Ottó Múzeum Évkönyve* 40, 73—105.
- Csengeri P. 2004. Adatok a Cserehát őskori településtörténetéhez (Data to the prehistoric settlements of the Cserehát). In: Nagy E., Dani J., Hajdú Zs. (eds.). *MŰMOS II*. Debrecen: Hajdú-Bihar Megyei Múzeumok Igazgatósága, 43—59.
- Cserny T. 1992—93 (1999). Environmental geological investigations of Lake Balaton (Hungary). *Ann. Report of the Geological Institute (MÁFI)*, 131—137.
- Cserny T., Nagy-Bodor E. 2005. Geological-Palynological research at the foothills of the Alps. In: Bánffy E. (ed.). *Archaeology and settlement history in the Kerka valley, S-W-Hungary*. *Antaeus* 28, 155—174.
- Danu M., Gauthier E., Weller O. 2010. Human impact and vegetation history on salt spring exploitation (Halabutoaia-Tolici, Petricani, Neamț, Romania). *International Journal of Conservation Science* 1/3, 167—173.
- Dimitrijevic St. 1974. Das problem der Gliederung der Starcevo-Kultur mit besonderer Rücksicht auf den Beitrag der südpannonischen Fundstellen zur Lösung dieses Problems. *Materijali* 10, 93—107.
- Dobosi T.V. 1972. Mesolithische Fundorte in Ungarn — Mezolithikus lelőhelyek Magyarországon. In: Fitz J. (ed.). *Aktuelle Fragen der Bandkeramik*. Székesfehérvár: Fejér Megyei Múzeum, 39—60.
- Domboróczki L. 1996. The excavation at Füzesabony-Gubakút. Preliminary report. In: Kertész R., Makray J. (eds.). *From the Mesolithic to the Neolithic. Proceedings of the International Archaeological Conference held in the Damjanich Museum of Szolnok, Sept. 22—27, 1996*. Budapest: Archaeolingua, 193—214.
- Domboróczki L. 1997. Füzesabony-Gubakút. Újkőkori falu a Kr.e. VI. évezredből (Neolithic village from the 6th Millennium BC) In: Raczky P., Kovács T., Anders A. (eds.). *Utak a múltba (Paths into the past)*. Az M3-as autópálya régészeti leletmentései. Rescue excavations on the M3 motorway. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 19—25.
- Domboróczki L. 2003. The radiocarbon data from neolithic archaeological sites in Heves County (North-Eastern Hungary). *Agria* 39, 5—76.
- Domboróczki L., Raczky P. 2010. Excavations at Ibrány and the northernmost distribution of the Körös culture in Hungary. In: Kozłowski J.K., Raczky P. (eds.). *Neolithisation of the Carpathian Basin: Northernmost distribution of the Starcevo/Körös culture*. Kraków; Budapest: Polska Akademia Umiejętności, 191—218.
- Eichmann W., Kertész R., Marton T. 2010. The Mesolithic in the LBK (Linearbandkeramik) Heartland of Western Hungary. In: Gronenborn D., Petrasch J. (eds.). *The spread of Neolithic to Central Europe*. RGZM Tagungen 2. Mainz: Verlag RGZM, 211—233.
- Füzes M. 1989. A földművelés kezdeti szakaszának (neolitikum és rézkor) növényleletei Magyarországon. (Archeobotanikai vázlat). Die Pflanzenfunden in Ungarn der anfänglichen Entwicklungsphase des Ackerbaues (Neolithikum und Kupferzeit). *Archäobotanische Skizze. A Tapolcai Városi Múzeum Közleményei* I, 139—238.
- Fries-Knoblach J. 2001. Gerätschaften, Verfahren und Bedeutung der eisenzeitlichen Salzsiederei in Mitteleuropa. *Leipziger Forschungen zur Ur- und frühgeschichtlichen Archäologie* 2. Leipzig, 1—46.
- Gábori M. 1968. Mesolithischer Zeltgrundriss in Szödliget. *Acta Archaeologica Hungarica* 20, 33—36.
- Gábori M. 1981. Az ősemlék korának kutatása Magyarországon (1969—1980) (Researching the period of Ancient Man in Hungary). *Papers from the II. class of the HASc.*, 99—109.
- Gaydarska B., Chapman J. 2009. Salt research in Bulgaria. In: Monah D., Dumitroaia Gh., Weller O., Chapman J. (eds.). *L'exploitation du sel à travers le temps*. BMA XVIII. Piatra Neamț: Constantin Mătasă, 147—160.
- Gronenborn D. 1999. A variation on a basic theme: The transition to farming in Southern Central Europe. *Journal of World Prehistory* 13/2, 123—210.
- Haak et al. 2005: Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tänzer M., Villems R., Renfrew C., Gronenborn D., Burger J. 2005. Ancient DNA from the First European farmers in 7500-year-old Neolithic sites. *Science* 310, 1016—1018.
- Haak et al. 2010: Haak W., Balanovsky O., Sanchez J.J., Koshel S., Zaporozhchenko V., Adler Chr.J., Der Sarkissian C.S., Brandt G., Schwarz C., Nicklisch N., Dresely V., Fritsch B., Balanovska E., Villems R., Meller H., Alt K.W., Cooper A. Ancient DNA from European Early Neolithic Farmers Reveals Their Near Eastern Affinities. *PLOS Biology* 8/11.
- Horváth F. 1989. A survey on the development of neolithic settlement pattern and house types in the Tisza region. In: Bökönyi S. (ed.). *Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern Connections*. *Varia Archaeologica Hungarica* 2. Budapest: Institute of Archaeology, 85—101.
- Horiuchi A., Ochiai N., Kurozumi H., Miyata Y. 2011. Detection of chloride from pottery as a marker for salt: A new analytical method validated using simulated salt-making pottery and applied to Japanese ceramics. *Journal of Archaeological Science* 38, 2949—2956.
- Horváth I., Kelemen H.M., Torma I. 1979. *Magyarország régészeti topográfája (Archaeological Topography of Hungary)* 5. *Esztergom és a Dorogi Járás*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Ignat D. 1983. Tipuri de locuințe în aşezările apartinând culturii Starcevo-Criș din Nord-Vestul României. *Crișia* 13, 9—16.
- Ignat D. 2001. The early neolithic in North-West of Romania. In: Draşovean F. (ed.). *Festschrift für Gheorghe Lazarovici*. Timişoara: Miron, 69—89.
- Juhász I. 2002. *The palynographic reconstruction of the Late Glacial and the Holocene periods of County*

- Zala, South West Hungary (Reconstruction palynographique de Tardiglaciaire et de l'Holocène de la région de Zala, Sudouest de la Hongrie). PhD dissertation. Marseille; Pécs.
- Juhász I. 2005. Palynological evidences of Preneolithisation in South-Western Transdanubia. *Antaeus* 27, 213—225.
- Kalicz N. 1965. Siedlungsgeschichtliche Probleme der Körös- und der Theiss-Kultur. *Acta Antiqua et Archaeologica* VIII. Szeged, 27—40.
- Kalicz N. 1990. *Frühneolithische Siedlungsfunde aus Südwestungarn*. Inventaria P.H. Budapest: Hungarian National Museum.
- Kalicz N. 1994. A Dunántúli (közép-európai) vonaldíszes kerámia legidősebb leletei és a korai Vinca-kultúra (Die ältesten Funde der transdanubischen (mitteleuropäischen) Linienbandkeramik und die frühe Vinca-Kultur). In: Gábor L. (Hrsg.). *Von der Steinzeit bis zum Mittelalter. Studien zum 60. Geburtstag von Ottó Trogmayer*. Szeged: Megyei Múzeumok, 67—84.
- Kalicz N. 1995. Die Älteste transdanubische (mitteleuropäische) Linienbandkeramik. Aspekte zur Ursprung, Chronologie und Beziehungen. *Acta Archaeologica Hungarica* 47, 23—59.
- Kalicz N. 2000. Unterscheidungsmerkmale zwischen der Körös- und der Starcevo-Kultur in Ungarn. In: Hiller S., Nikolov V. (eds.). *Karanovo III. Beiträge zum Neolithikum in Südosteuropa*. Wien: Phoibos, 295—309.
- Kalicz N. 2011. *Méhtekek. The First Excavated Site of the Méhtekek Group of the Early Neolithic Körös Culture in the Carpathian Basin*. BAR Archaeologia Central European Series 6. Oxford: Archaeopress.
- Kalicz N. 2012. Méhtekek-Nádas. The first excavated site of the Méhtekek fazies of the Early Neolithic Körös culture in the Crpathian Basin. In: Anders A., Siklósi Zs. (eds.). *The First Neolithic Sites in Central/South-East European Transect III. The Körös Culture in Eastern Hungary*. BAR IS 2334. Oxford: Archaeopress, 113—123.
- Kalicz N., Koós J. 1997. Eine Siedlung mit ältestneolithischen Hausresten und Gräbern in Nordostungarn. In: *Antidoron. Completis LXV annis Dragoslavo Srejavic ab amicis collegis discipulis oblatum*. University of Belgrade, Faculty of Philosophy 17. Belgrade: University of Belgrade, 125—135.
- Kalicz N., Koós J. 2000. Település a legkorábbi újkőkori sírokkal Északkelet-Magyarországról (Eine Siedlung mit ältestneolithischen Gräbern in Nordostungarn). *Herman Ottó Múzeum Évkönyve* 39, 45—76.
- Kalicz N., Makkay J. 1972. Probleme des frühen Neolithikums der nördlichen Tiefebene. *Alba Regia* 12, 77—92.
- Kalicz N., Makkay J. 1976. Frühneolithische Siedlung in Méhtekek-Nádas. *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften* 6, 13—24.
- Kalicz N., Makkay J. 1977. *Die Linienbandkeramik in der Großen Ungarischen Tiefebene*. Studia Archaeologica VII. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Kalicz N., Virág M., Biró K. 1998. The northern periphery of the early neolithic Starcevo culture in south-western Hungary: a case study of an excavation at Lake Balaton. *Porocilo o Raziskovanju Paleolita, Neolita i Eneolita v Sloveniji* 25, 151—187.
- Kalicz N., Biró K., Virág Zs. 2002. Vörs, Máriaasszony-sziget. In: Bencze Z. et al. (eds.). *Régészeti kutatások Magyarországon 1999 (Archaeological investigations in Hungary 1999)*. Budapest: Archaeological Institute, 15—26.
- Kalicz N., Molnár S., Rózsás M. 2007. Az élelemtermelés kezdetei Somogy megyében a Kr.E. 7.-6. évezred fordulóján. *Communicationes Archaeologicae Hungariae*, 19—64.
- Kalicz N., Kalicz-Schreiber R. 1992. Die erste neolithische Fundstelle in Budapest. *Balcanica* 23, 47—76.
- Kalicz N., Raczky P. 1981. The precursors to the “horns of consecration” in the Southeast European Neolithic. *Acta Archaeologica Hungariae* 33, 5—20.
- Karmanski J. 1977. *Katalog antropomorfne i zoomorfne plastike iz okoline Odzaka*. Odzaci: Arheološka Zbirka.
- Karmanski J. 2005. *Donja Branjevina: A neolithic settlement near Deronje in the Vojvodina (Serbia)*. Trieste: Società per la preistoria e protoistoria della regione Friuli-Venezia-Giulia.
- Kertész R. 1994. The present state of the research of the Mesolithic in the Great Hungarian Plain. *Jász-Nagykun Megyei Múzeumok Közleményei* 49, 9—33.
- Kertész R. 1996. The Mesolithic in the Great Hungarian Plain: A survey of evidence. In: Tálas L. (ed.). *At the fringes of three worlds. Hunter-gatherers and farmers in the Middle Tisza valley*. Szolnok: Damjanich Museum, 5—39.
- Kertész R. 2002. Mesolithic Hunter-Gatherers in the Northwestern Part of the Great Hungarian Plain. *Praehistoria* 3, 281—304.
- Knipl I., Sümegi P. (in print). Life at the interface of two distinct landscapes- relationship of humans and environment in the periphery of the Danube-Tisza Interfluvium. *Central European Journal of Geosciences*.
- Kurucz K. 1989. *A Nyíri Mezőség neolitikuma*. Jósza András Múzeum Kiadványai 28. Nyíregyháza: Jósza András Múzeum.
- Kutzián I. 1944. *A Körös-kultúra (The Körös culture)*. Dissertationes Pannonicae II/23. Budapest: A Királyi Magyar Pázmány Péter Tudományegyetem Éremés Régiségtani Intézete.
- Lazarovici Gh. 1979. *Neolithic Banatului*. Bibliotheca Musei Napocensis 4. Cluj-Napoca: Muzeul de Istorie al Transilvaniei.
- Lazarovici Gh., Maxim Z. 1995. *Gura Baciului*. Cluj-Napoca: Muzeul Național de Istorie a Transilvaniei.
- Lazarovici Gh., Lazarovici C.-M. 2012. Some Salt Sources in Transylvania and their Connections with the Archaeological Sites in the Area. In: Alexianu M., Weller O., Curca R.-G. (eds.). *The archaeology and anthropology of salt. Proceedings of the International Colloquium, 1—5 October 2008*. Al.I. Cuza University (Iași, Romania). BAR IS 2198. Oxford: Archaeopress, 89—110.
- Leidinger W. 1983. Frühe Salzgewinnung in Werl, Kreis Soest, Westfalen. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 13, 269—274.
- Leidinger W. 1996. Salzgewinnung an den Solquellen der Saline Werl. In: Just R., Meisner U. (eds.). *Das Leben in der Saline: Arbeiter und Unternehmer*. Schriften und Quellen zur Kulturgeschichte des Salzes 3. Halle/Saale: Technisches Halloren- und Salinemuseum, 189—215.
- Leidinger W. 1997. Salzgewinnungen den Solquellen der Saline Werl. In: *Werl — Gestern-Heute*. Edited by the City of Werl. Werl: City of Werl, 1—27.
- Leković V. 1988. Zlatara — Ruma. In: Srejavic D. (ed.). *The neolithic of Serbia*. Belgrade: Univerzitet o Beogradu, 108—109.
- Leković V. 1995. Neolitska naselja — Neolithic settlements. In: Vaja Z. (Hrsg.). *Arheološka istraživanja duž autoputa kroz Srem (Archaeological investigations along the highway route in Srem)*. Novi Sad: Pokrajinski Zavod za Zaštitu Spomenika Kulture, 25—44.
- Lenneis E. 1997. Houseforms of the Central European Linear Pottery culture and the Balkan early neolithic —

№2. 2014

- a comparison. *Porocilo o Raziskovanju Paleolita, Neolita i Eneolita v Sloveniji* 24, 143—149.
- Lenneis E. 1989. Zum Forschungsstand der ältesten Bandkeramik in Österreich. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 19, 23—36.
- Lenneis E. 2000. Hausformen der mitteleuropäischen Linearbandkeramik und des balkanischen Frühneolithikums im Vergleich. In: Hiller St., Nikolov V. (eds.). *Karanovo III. Beiträge zum Neolithikum in Südosteuropa*. Wien: Phobos, 383—388.
- Lenneis E. 1995. Altneolithikum: Die Bandkeramik. In: Lenneis E., Neugebauer-Maresch Chr., Ruttkay E. (eds.). *Jungsteinzeit im Osten Österreichs*. St. Pölten: Verlag Niederösterreichisches Pressehaus, 11—56.
- Lenneis E., Stadler P., Windl H. 1996. Neue ¹⁴C-Daten zum Frühneolithikum in Österreich. *Préhistoire Européenne* 8, 97—116.
- Lichardus J. 1972. Zur Entstehung der Linearbandkeramik. *Germania* 50, 1—15.
- Lindig S., Schwitalla G. 1999. Das Steinzeitdorf von Hempler. *Denkmalpflege und Kulturgeschichte* 1, 26—32.
- Lüning J. 1982. Forschungen zur bandkeramischen Besiedlung der Aldenhovener Platte im Rheinland. In: Pavúk J. (ed.). *Siedlungen der Kultur mit Linearkeramik in Europa*. Kolloquium Nové Vozokany. Nitra: Archäologisches Institut der Slowakischen Akademie der Wissenschaften, 125—156.
- Lüning J. 1984. Neolithische Hausgrundrisse in Schwanfeld. *Das archaologische Jahr in Bayern 1983*. Stuttgart: Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege und Gesellschaft für Archäologie in Bayern — Stuttgart, 31—32.
- Lüning J. 1987. Ausgrabungen zur ältesten Bandkeramik. In: *Das archaologische Jahr in Bayern 1986*. Stuttgart: Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege und Gesellschaft für Archäologie in Bayern — Stuttgart, 33—34.
- Lüning J. 1988. Ausgrabungen zur ältesten Bandkeramik im Nördlinger Ries, Schwaben. *Das archaologische Jahr in Bayern 1987*. Stuttgart: Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege und Gesellschaft für Archäologie in Bayern — Stuttgart, 32—34.
- Lüning J. 1997. Wohin mit der Bandkeramik? Programatische Bemerkungen zu einem allgemeinen Problem am Beispiel Hessens. In: Becker C. et al. (eds.). *Chronos. Beiträge zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa*. Festschrift für Bernhard Hänsel. Espelkamp: Leidorf, 23—57.
- Lüning J. 2005. Bandkeramische Hofplätze und absolute Chronologie in der Bandkeramik. In: Lüning J., Frirdich Chr., Zimmermann A. (eds.). *Die Bandkeramik im 21. Jahrhundert*. Symposium Brauweiler 2002. Rahden/Westfalen: Leidorf, 49—74.
- Lüning J., Modderman P.J.R. 1982. Hausgrundrisse der ältesten Bandkeramik aus Schwanfeld, Unterfranken. *Das archaologische Jahr in Bayern 1981*. Stuttgart: Bayerisches Landesamt für Denkmalpflege und Gesellschaft für Archäologie in Bayern — Stuttgart, 66—67.
- Makkay J. 1970. *A kőkör és a rézkor Fejér megyében. Fejér megye története I./1*. Székesfehérvár: Székesfehérvár Fejér megyei Tanács.
- Makkay J. 1978. Excavations at Bicske. I. The Early Neolithic — the earliest Linear Band Ceramic. *Alba Regia* 16, 9—60.
- Makkay J. 1982. *A magyarországi neolitikum rendszere és fejlődésének főbb vonásai (The system of the Hungarian Neolithic and the main features of its development)*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Makkay J. 2003. Ősrégészeti kutatások Magyarországon — az ujkőkör és a rézkor (Prehistoric archaeology in Hungary in recent years. The Neolithic and the Copper Age). *Jósa Andras Múzeum Évkönyve* 45, 27—60.
- Manson J.L. 1995. Starcevo pottery and neolithic development in the Central Balkans. In: Barnett W., Hoopes J. (eds.). *The emergence of pottery*. Washington: Smithsonian Institution Press, 65—77.
- Marton T. 2003. Mezolitikum a Dél-Dunántúlon — a somogyi leletek újraértékelése (Mesolithic in Southern Transdanubia — the Somogy finds re-evaluated). In: Lőrinczy G. (ed.). *Festschrift für István Fodor*. Móra Ferenc Múzeum Évkönyve — Studia Archaeologica 9. Szeged: Móra Ferenc Múzeum, 39—48.
- Mateiciucová I. 2002. Silixartefakte aus der ältesten und älteren LBK. Fundstellen in Brunn am Gebirge in Niederösterreich (Vorbericht). In: Bánffy E. (ed.). *Prehistoric studies. In memoriam Ida Bognár-Kutzián*. *Antaeus* 25, 169—187.
- Mateiciucová I. 2004. Mesolithic traditions and the origin of the Linear Pottery culture (LBK). In: Lukes A., Zvelebil M. (eds.). *LBK dialogues. Studies in the formation of the Linear Pottery culture*. BAR IS 1304. Oxford: Archaeopress: 91—107.
- Mateiciucová I. 2008. *Talking stones: The chipped stone industry in Lower Austria and Moravia and the beginnings of the Neolithic in Central Europe (LBK), 5700—4900 BC*. Dissertationes Archaeologicae Brunenses/Pragensesque 4. Brno: Muni Press.
- Maxim Z. 1999. *Neo-eneolithic din Transilvania*. Biblioteca Musei Napocensis 19. Cluj-Napoca: Muzeul Național de Istorie a Transilvaniei.
- Medzilhadszky Zs. 2001. The holocene sequence of Keszthely-Úszatómajor, Hungary. *Annales historico-naturales Musei nationalis hungarici* 93, 5—12.
- Meier-Arendt W. 1989. Überlegungen zur Herkunft der linienbandkeramischen Langhauses. In: Bökönyi S. (ed.). *Neolithic of Southeastern Europe and its Near Eastern Connections*. *Varia Archaeologica Hungarica* 2. Budapest: Institute of Archaeology, 183—189.
- Mészáros Gy. 1948. *A Vázsonyi-medence mezolitikus és neolitikus települései (The mesolithic and neolithic settlements in the Vázsonyi Basin)*. Veszprém.
- Minichreiter K. 1990. Ranoeneolitička arhitektura sjeverne Hrvatske (Frühneolithische Architektur Nordkroatiens). *Porocilo o Raziskovanju Paleolita, Neolita i Eneolita v Sloveniji* 20, 17—26.
- Modderman P.J.R. 1972. Die Hausbauten und Siedlungen der Linienbandkeramik in ihrem westlichen Bereich. In: Schwabedissen H. (ed.). *Die Anfänge des Neolithikums vom Orient bis Nordeuropa*. Köln; Wien: Böhlau, 77—84.
- Monah D. 1991. L'exploitation du sel dans les Carpates orientales et ses rapports avec la culture de Cucuteni-Tripolje. In: Chirica V., Monah D. (ed.). *Le paléolithique et le néolithique de la Roumanie en contexte Européen*. Bibliotheca Archaeologica Iassiensis 4. Iași: Université « Al. I. Cuza », 387—400.
- Montagnari-Kokelj E. 2007. Salt and the Trieste Karst (North-Eastern Italy). In: Monah D., Dumitroaia Gh., Weller O., Chapman J. (eds.). *L'exploitation du sel à travers le temps*. BMA XVIII. Piatra Neamț: Constantin Mătasă, 161—189.
- Munteanu R., Garvăn D., Nicola D., Preoteasa C., Dumitroaia Gh. 2007. Cucuieți — Slatina Veche (Romania). Prehistoric exploitation of a salt resource. In: Monah D., Dumitroaia Gh., Weller O., Chapman J. (eds.). *L'exploitation du sel à travers le temps*. BMA XVIII. Piatra Neamț: Constantin Mătasă, 57—70.
- Nagy E. Gy. 1998. Az Alföldi Vonaldiszes kerámia kultúrá-

- jának kialakulása (Die herausbildung der Alfölder Linearbandkeramik I—II). *A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve* 1995—96 (1998), 53—150.
- Nagy-Bodor E. 1988. A Balaton pannóniai és holocén képződményeinek palynológiai vizsgálata. *MÁFI Évi Jelentes az* 1986, 535—568.
- Nehlich et al. 2009: Nehlich O., Montgomery J., Evans J., Schade-Lindig S., Pichler S.L., Richards M.P., Alt K.W. 2009. Mobility or migration: a case study from the Neolithic settlement. *Journal of Archaeological Science* 36, 1791—1799.
- Nica M. 1977. Nouvelles données sur le néolithique ancien d'Olténie. *Dacia N.S.* 21, 13—54.
- Nikolov V. 1989. Das frühneolithische Haus von Sofia-Slatina: eine Untersuchung zur vorgeschichtlichen Bautechnik. *Germania* 67, 1—49.
- Nikolov V. (ed.) 2008. *Provincia-Solinata prehistoric salt-production center. The 2005—2007 excavation seasons*. Sofia: BAN National Institute of Archaeology and Museum.
- Oross K. 2007. The pottery from Ecsefalva 23. In: Whitte A. (ed.). *The Early Neolithic on the Great Hungarian Plain: investigations of the Körös culture site of Ecsefalva 23, County Békés*. Varia Archaeologica Hungarica 21. Budapest: Archaeological Institute, 491—620.
- Oross K., Siklósi Zs. 2012. Relative and absolute chronology of the Early Neolithic in the Great Hungarian Plain. In: Anders, A., Siklósi Zs. (eds.). *The First Neolithic Sites in Central/South-East European Transect III. The Körös Culture in Eastern Hungary*. BAR International Series 2334. Oxford: Archaeopress, 129—159.
- Paul I. 1995. *Vorgeschichtliche Untersuchungen in Siebenbürgen*. Bibliotheca Universitatis Apulensis. Alba Iulia: Universitatea 1 Decembrie.
- Pavlu I. 1981. Altheolithische Häuser in Böhmen. *Archeologické Rhozledy* 33, 534—543.
- Pavlu I., Vokolek V. 1992. Early Linear Pottery culture in the East Bohemian Region. *Památky archeologické* 83, 41—87.
- Pavúk J. 1962. Gliederung der Volutenkeramik in der Slowakei. *Študijné Zvesti Archeologického Ústavu* 9, 5—20.
- Pavúk J. 1972. Neolithisches Gräberfeld in Nitra. *Slovenská archeológia* 20, 5—105.
- Pavúk J. 1973. Zur Chronologie und kulturellen Beziehungen der älteren Linearkeramik. *Actes du VIIIe congrès international des sciences préhistoriques et protohistorique* II. Beograd, 273—281.
- Pavúk J. 1980. Ältere Linearkeramik in der Slowakei. *Slovenská archeológia* 28, 7—90.
- Pavúk J. 1980a. Problem der Genese der Kultur mit Linearkeramik im Lichte ihrer Beziehungen zur Starcevo-Cris Kultur. In: Kozłowski J., Machnik J. (eds.). *Problemes de la néolithisation dans certaines régions de l'Europe. Actes du colloque international Krakow-Mogilany 1979*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 163—174.
- Pavúk J. 1994. Zur relativen Chronologie der älteren Linearkeramik. *JAMÉ Nyíregyháza* 36, 135—149.
- Pavúk J. 1996. Zur Frage der Verbreitung des Neolithikums. In: Draşovean Fl. (ed.). *The Vinca culture, its role and cultural connections*. Timişoara: Mirton, 23—40.
- Pavúk J. 2004. Early Linear Pottery culture in Slovakia and the Neolithisation of Central Europe. In: Lukes A., Zvelebil M. (eds.). *LBK dialogues. Studies in the formation of the Linear Pottery culture*. BAR IS 1304. Oxford: Archaeopress, 71—82.
- Pavúk J., Farkas Z. 2013. Beitrag zur Gliederung der älteren Linearkeramik. In: Anders A., Kulcsár G., Kiss V., Kalla G., V Szabó, G. (eds.). *Moments in time. Papers presented to Pál Raczky on his 60th birthday*. Prehistoric Studies 1. Budapest: L'Harmattan Kiadó, 213—236.
- Petrasch J. 2001. „Seid fruchtbar und mehret euch und füllet die Erde und machet sie euch untertan“: Überlegungen zur demographischen Situation der bandkeramischen Landnahme. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 31, 13—25.
- Petrović J. 1985. Nasele Starcevacke kulture na Golokutu kod Vica. *Rad Vojvodanskog Muzeja* 29, 9—25.
- Petrović J. 1976. Golokut — Vizić, praistorijsko naselje. *Arheoloski Pregled* 18, 11—22.
- Pusztai R. 1957. Mezolitikus leletek Somogyból (Mesolithische Funde im Komitat Somogy). *Janus Pannonius Múzeum Évkönyve* 2, 95—105.
- Quitta H. 1960. Zur Frage der ältesten Bandkeramik in Mitteleuropa. *Prähistorische Zeitschrift* 38, 1—38, 153—188.
- Raczky P. 1976. A Körös-kultúra leletei Tiszajenőn (Funde der Körös-Kultur in Tiszajenő). *Archeológiai Értesítő* 103: 171—189.
- Raczky P. 1977. Szajol-Felsőföld (ásatási jelentés) *Archeológiai Értesítő* 104, 263.
- Raczky P. 1983. A korai neolitikumból a középső neolitikumba való átmenet kérdései a Közép- és Felső-Tiszavidéken (Questions of transition between the Early and Middle Neolithic in the Middle and Upper Tisza region). *Archeológiai Értesítő* 110, 161—194.
- Raczky P. 1986. The cultural and chronological relations of the Tisza region during the Middle and the Late Neolithic, as reflected by the excavations of Öcsöd-Kováshalom. *Béri Balogh Ádám Múzeum Évkönyve* 13, 103—126.
- Raczky P. 1986a. Megjegyzések az "alföldi vonaldíszes kerámia" kialakulásának kérdéséhez. In: *Folklor és Etnográfia* 24, 45—59.
- Raczky P. 1987. Öcsöd-Kováshalom. In: Tálás L. (ed.). *The Late Neolithic of the Tisza region*. Budapest: Szolnok, 61—83.
- Raczky P. 1988. *A Tiszavidék kulturális és kronológiai kapcsolatai a Balkánnal és az Égeikummal a neolitikum, rézkor időszakában. Újabb kutatási eredmények és problémák*. Szolnok Megyei Múzeumok Igazgatósága — ELTE. Szolnok.
- Radovanovic I. 1996. Mesolithic/neolithic contacts: a case of the Iron Gates region. *Porocilo o Raziskovanju Paleolita, Neolita i Eneolita v Sloveniji* 23, 39—48.
- Regenye J. 2008. A Starcevo-kultúra települése a Tihanyi-félszigeten (Settlement of the Starcevo culture in the Tihany peninsula). *Ősrégészeti Levelek — Prehistoric Newsletter*, 5—15.
- Runnels C., van Andel T. 1988. Trade and the origins of agriculture in the Eastern Mediterranean. *Journal of Mediterranean Archaeology* 1, 83—109.
- Saile Th. 2000. Salz im Ur- und frühgeschichtlichen Mitteleuropa — Eine Bestandaufnahme. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 81, 129—234.
- Saile Th. 2008. Early salt-making in Central Europe: Patterns of salt production and trade in the Neolithic. *Analecta Archaeologia Ressorviensia* 3, 97—127.
- Simon H. 1996. Ein neuer Fundort der Starcevo-Kultur bei Gellénháza (Kom. Zala, Ungarn) und seine südliche Beziehungen. In: Draşovean Fl. (ed.). *The Vinca culture, its role and cultural connections*. Timişoara: Mirton, 59—92.
- Smrčka et al. 2008: Smrčka V., Bůzek F., Zocová J. C and N Stable Isotopes in a Set of 17 skeletons from the Vedrovice. *Anthropologie. International Journal of the Science of Man* 46, 227—231.

№2. 2014

- Smrčka et al. 2008a: Smrčka V, Erban V., Hložek M., Gregerová M., Dockalová M. Reconstruction of mobility: comparison between the analysis of Sr isotopes in a set of Neolithic skeletons from the Vedrovice cemetery, and the petrographical analysis of pottery in graves. *Anthropologie. International Journal of the Science of Man* 46, 233—238.
- Šparica M. 2007. Geographic and geological determinants of Brodsko Posavlje. In: Minichreiter K. *Galovo — Slavonski Brod, a settlement of the Starčevo culture*. Zagreb: Institute of Archaeology, 23—29.
- Spataro M. 2008. Early neolithic pottery production in Romania: Gura Baciului and Seusa La Cararea Morii (Transylvania). In: Bailey D., Whittle A., Hoffmann D. (eds.). *Living well together? Settlement and materiality of South East and Central Europe*. Oxford: Oxbow, 91—100.
- Stadler P. 1999. Die ältestlinearbandkeramische Fundstelle von Brunn am Gebirge, Flur Wolfholz (5620—5200 v. Chr.) *Führer zur Ausstellung in Brunn im August 1999*, 1—13.
- Stadler P. 2005. Settlement of the Early Linear Ceramics Culture at Brunn am Gebirge, Wolfholz site. *Documenta Praehistorica* 32, 269—278.
- Stadler et al. 2005: Stadler P., Carneiro A., Bánffy E. The radiocarbon dates for Szentgyörgyvölgy-Pityerdomb. In: Bánffy E. (ed.). *Archaeology and settlement history of the Kerka valley microregion. Antaeus* 28, 253—260.
- Stadler P., Kotova N. 2010. Early neolithic settlement from Brunn-Wolfholz in Lower Austria and the problem of the origin of (western) LBK. In: Kozłowski J., Raczyk P. (eds.). *Neolithisation at the Carpathian Basin: Northernmost distribution of the Starčevo culture*. Kraków; Budapest: Polska Akademia Umiejętności, 325—348.
- Stanković S. 1989—1990. Bull representations in the Early Neolithic. *Starinar N.S.* 40—41, 35—42.
- Stamini E. 1994. Typological and technological analysis of the Körös culture stone assemblages of Méhtelek-Nádas and Tiszacsege (North East Hungary). A preliminary report. *JAMÉ* 36, 101—110.
- Stäuble H. 1994. *Häuser und absolute Datierung der ältesten Bandkeramik*. Unpublished PhD diss. Universität Frankfurt/Main.
- Stäuble H. 1997. Häuser, Gruben und Fundverteilung. In: Lüning J. (ed.). *Ein Siedlungsplatz der ältesten Bandkeramik in Bruchenbrücken, Stadt Friedberg/Hessen*. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn: Habelt, 17—150.
- Sümeği P. 1998. Az utolsó 15000 év környezeti változásai és hatásuk az emberi kultúrákra Magyarországon. In: Ilon G. (ed.). *A régésztechnikusok kézikönyve*. Szombathely, 367—397.
- Sümeği P. 1999. Reconstruction of flora, soil and landscape evolution, and human impact on the Bereg plain from late glacial up to the present, based on palaeoecological analysis. In: Hamar J., Sárkány-Kiss A. (eds.). *The Upper Tisza Valley*. Tisza Monograph Series, Szeged: Tisza Klub, 173—204.
- Sümeği P. 2003. Preneolitikizáció — egy Kárpát-medencei, késő mezolitikum során bekövetkező életmódbeli változás környezetregészeti rekonstrukciója (Preneolithization — the environmental historical reconstruction of a change in lifestyle occurring during the late Mesolithic in the Carpathian Basin). *Momos* II, 21—32.
- Sümeği P. 2004. Environmental Changes under the Neolithization Process in Central Europe: Before and After. *Antaeus* 27, 117—128.
- Sümeği P. 2005. Császártöltés — Hajós-Kétyölgyi töltésen végzett régészeti geológiai feltárás eredményei. *Cumania* 21, 133—193.
- Sümeği P., Gulyás S. (eds.) 2004. *The Geohistory of Bátorliget Marshland. An Example for the Reconstruction of Late Quaternary Environmental Changes and Past Human Impact from the Northeastern Part of the Carpathian Basin*. Budapest: Archaeolingua.
- Sümeği P., Kertész R. 2001. Palaeogeographic characteristics of the Carpathian Basin — an ecological trap during the Early Neolithic? In: Kertész R., Makay J. (eds.). *From the Mesolithic to the Neolithic. Proceedings of the International Archaeological Conference held in Szolnok 1996*. Budapest: Archaeolingua, 405—415.
- Sümeği et al. 2002: Sümeği P., Kertész R., Hertelendi E. Environmental change and human adaptation in the Carpathian basin at the Late Glacial/Postglacial transition. In: Jerem E., Biró K. (eds.). *Archaeometry 98. Proceedings of the 31st symposium. Budapest, April 26 — May 3 1998*. Archaeolingua Central European Series 1. BAR IS 1043. Oxford: Archaeopress, 171—177.
- Szalkmány et al. 2004: Szalkmány Gy., Gherdán K., Stámini E. Kora neolitikus kerámiakészítés Magyarországon a Körös és Starčevo kultúra kerámiáinak összehasonlító archeometriai vizsgálata. *Archeometriai Műhely* (1), 28—31.
- Szalkmány et al. 2006: Szalkmány Gy., Gherdán K., Stámini E. Early neolithic pottery production in Hungary: a comparative archeometrical study of Körös and Starčevo ceramics. *Proceedings of the 34th Symposium on archaeometry, 3—7 May 2004, Zaragoza, Spain, Insitución Fernando el Catolico (C.S.I.C.) Excma. Zaragoza*, 549—554.
- Szalontai C. 2012. A Maty-ér szerepe és jelentősége Szeged környékének településtörténetében. Előzetes eredmények. In: Kreiter A., Pető Á., Tugya B. (eds.). *Environment — Human — Culture. Dialogue between applied sciences and archaeology. Proceedings of the conference held between 6th and 8th of October 2010 by the National Heritage Protection Centre of the Hungarian National Museum*. Budapest: Hungarian National Museum Centre for National Cultural Heritage, 125—138.
- Szécsényi et al. 2012: Szécsényi A., Jakucs J., Keerl V., Bánffy E., Alt K.W. Ancient DNA from middle Neolithic Hungary suggests a common ancestry of LBK in Central Europe. Poster, “First farmers” conference, Cardiff, May 2012.
- Tasić N. 2000. Salt use in the Early and Middle Neolithic of the Balkan Peninsula. In: Nikolova L. (ed.). *Technology, Style and Society. Contributions to the innovations between the Alps and the Black Sea in prehistory*. BAR International Series 854. Oxford: Archaeopress, 35—40.
- Tichy R. 1998. The context of the early LBK-well at Mohelnice. In: Koschik H. (ed.). *Brunnen in der Jungsteinzeit. Internationaler Symposium in Erkelenz*. Köln: Rheinland, 45—50.
- Torma I. (ed.) 1993. *Magyarország régészeti topográfiája (Archaeological Topography of Hungary) 9. A Szobi és a Váci Járás*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Tóth K. 1998. Homokméggy településtörténete a neolitikumtól a bronzkor végéig. In: Romsics I. (ed.). *Homokméggy. Tanulmányok Homokméggy történetéből és néprajzából*. Homokméggy: Homokméggy Homokméggyért Alapítvány, 59—71.
- Tripković B. 2004. Obsidian deposits in the Central Balkans? Tested against archeological evidence. *Starinar* 53—54, 163—179.
- Trogmayer O. 1968. Die Hauptfragen des Neolithikums der

- Ungarischen Südtiefebene. *Móra Ferenc Múzeum Évkönyve*, 11—19.
- Ursulescu N. 1984. *Evoluția culturii Starcevo-Criș pe teritoriul Moldovei*. Suceava: Muzeul Județean Suceava.
- Vadász E. 1967. *A kalocsi járás őskori településtörténete*. MA szakdolgozat, ELTE BTK.
- Vértés L. 1962. Ausgrabungen in Szekszárd Palánk und die archäologischen Funde. *Swiatowit* 24, 159—202.
- Weller O., Dumitroaia Gh. 2005. The earliest salt production in the world: an early Neolithic exploitation in Poiana Slatinei-Lunca, Romania. *Antiquity* 79/306, December 2005.
- Weller O., Brigand R., Nuninger L., Dumitroaia Gh. 2008. Spatial Analysis of Prehistoric Salt Exploitation in Eastern Carpathians (Romania). In: Alexianu M., Weller O., Curcă R.-G. (eds.). *Archaeology and Anthropology of Salt: a diachronic approach*. BAR International Series 2198. Oxford: Archaeopress, 69—80.
- Wicker et al. 2001: Wicker E., Kustár R., Horváth A. Régészeti kutatások Bács-Kiskun megyében (1990—1995). *Cumania* 17, 33—126.
- Whittle A. 2010. The long and winding road: reflections on sixth millennium process. In: Kozłowski J.K., Raczyk P. (eds.). *Neolithisation of the Carpathian Basin: Northernmost distribution of the Starcevo/Körös culture*. Kraków; Budapest: Polska Akademia Umiejętności, 91—102.
- Whittle et al. 2002. Whittle A., Bartosiewicz L., Boric D., Pettitt P., Richards M. In the beginning: New radiocarbon dates for the early neolithic in Northern Serbia and South East Hungary. In: Bánffy E. (ed.). *Prehistoric studies. In memoriam Ida Bognár-Kutzián*. *Antaeus* 25: 63—117.
- Whittle A., Bartosiewicz L. 2007. *On the waterfront*. In: Whittle A. (ed.). *The Early Neolithic on the Great Hungarian Plain: investigations of the Körös culture site of Ecsegfalva 23, County Békés*. *Varia Archaeologica Hungarica* 21. Budapest: Institute of Archaeology.
- Willis et al. 1995: Willis K., Sümegei P., Braun M., Tóth A. The late quaternary environmental history of Bátorliget, NE Hungary. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology* 118, 25—47.
- Willis et al. 2000: Willis K., Rudner E., Sümegei P. The full-glacial forests of central and south-eastern Europe: evidence from Hungarian palaeoecological records. *Quaternary research* 53, 203—213.
- Yiouni P. 1996. The early neolithic pottery. Technology, Typology, Functional analysis. In: Wardle K.A. (ed.). *Nea Nikomedeia I: The excavation of an early neolithic village in Northern Greece 1961—1964, directed by R.J. Rodden. The excavation and the ceramic assemblage*. London: The British School at Athens, 55—193.
- Zatykó et al. 2007: Zatykó Cs., Juhász I., Sümegei P. (eds.). *Environmental archaeology in Transdanubia*. *Varia Archaeologica Hungarica* 20. Budapest: Institute of Archaeology.
- Zimmermann A. 1995. *Austauschsysteme von Silexartefakten in der Bandkeramik Europas*. UPA 26. Bonn: Habelt.
- Zoffmann Zs. 2000. Az Alföldi Vonaldíszes Kerámia Felsővadász-Várdomb lelőhelyén feltárt kettős temetkezésének embertani leletei. *HOMÉ* 39, 103—115.
- Zólyomi B. 1980. Landwirtschaftliche Kultur und Wandlung der Vegetation. *Phytocoenologia* 7: 121—126.
- Zvelebil M. 1986. Mesolithic prelude and neolithic revolution. In: Zvelebil M. (ed.). *Hunters in transition. Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming*. Cambridge: Cambridge University Press, 5—15.
- Zvelebil M. 2000. The social context of the agricultural transition in Europe. In: Renfrew C., Boyle K. (eds.). *Archaeogenetics: DNA and the population of Europe*. McDonald Institute Monographs. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 57—79.
- Zvelebil M., Pettitt P. 2008. Human condition, life and death at an early neolithic settlement: bioarchaeological analyses of the Vedrovice cemetery and their biosocial implications for the spread of agriculture. *Anthropologie. International Journal of the Science of Man* 46, 195—218.

Статья поступила в номер 28 марта 2013 г.

Eszter Bánffy (Budapest, Hungary). Doctor. Institute of Archaeology, Hungarian Academy of Sciences¹.

Eszter Bánffy (Budapest, Ungaria). Doctor. Institutul de arheologie, Academia de Științe a Ungariei.

Эстер Банффи (Будапешт, Венгрия). Доктор. Институт археологии, Венгерская Академия наук.

E-mail: banffy.eszter@btk.mta.hu

Address: ¹ Országház St., 30, Budapest, H-1014, Hungary